

Александр Горшков

Протоиерей
ПЕТР СУХОНОСОВ

Кавказский страстотерпец
и праведник нашего времени

2005

ББК 86-372

П 67

*По благословению
Высокопреосвященного Софрония,
архиепископа Черкасского и Каневского*

Горшков А.К.

П 67 Протоиерей Петр Сухоносоев: кавказский страсто-
терпец и праведник нашего времени. – Д.: АРТ-ПРЕСС,
2005. – 248 с.

ISBN 966-7036-61-8

Новая книга автора «Кавказской Голгофы» продолжает повествование о православном священнике Петре Сухоносоеве, принявшем страдания и смерть от рук бандитов-работорговцев в Чечне. Дополненная новыми документальными свидетельствами и воспоминаниями, книга приглашает к размышлениям об истоках христианского благочестия и мужества в наше время, священническом призвании, подражании святым угодникам.

**Книга издана при содействии
Бориса Николаевича Кузика,
г. Москва**

Информационная поддержка проекта -
www.sunzha.narod.ru

© Александр Касьянович Горшков, 2005
© Александр Горшков, компьютерный дизайн, 2005

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

Евр. 13. 7.

Святость не есть завидная доля одних только апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых, - а прекрасная доля всех нас...
МЫ ПРИЗВАНЫ ВО СВЯТОСТЬ: свято во всем житии и поступать должны...

Истинный пастырь и отец своих пасомых будет жить вечно в признательной памяти и по смерти своей: они будут прославлять его, и чем меньше он будет заботиться о своем прославлении здесь, на земле, при своих усердных трудах во спасение их, тем больше просияет слава его по смерти: он и мертвый будет заставлять их говорить о себе.

Слово к читателю

Предлагаемая боголюбивому читателю книга – это в строгом смысле не житие православного священника Петра Сухоносова, которому небесным промыслом уготовано было стать последним мучеником Христовым на исходе двадцатого столетия. Милостью Божией и по теплым молитвам всех, кого Господь сподобил близко знать бесконечно дорогого нам духовного отца и наставника, общаться с ним, быть у него в благодатном окормлении и послушании, удалось издать несколько книг, описывающих его жизнь и страдания. Это, во-первых, вышедшие по благословению ныне покойного митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона: «Крест – дверь райская. Кавказский новомученик протоиерей Петр Сухоносов, убиенный в Чечне», «Крестный путь отца Петра Сухоносова».

А в Украине, где тоже есть немало ревнителей блаженной памяти новосвященномученика, по благословению Высокопреосвященного архиепископа Черкасского и Каневского Софрония (в то время епископа) и при его деятельной поддержке в 2001 году вышла книга «Кавказская Голгофа. Жизнь и крестный путь священномученика Петра Сухоносова». Ее вторичное издание: «Кавказская Голгофа. Жизнь протоиерея Петра Сухоносова и его мученическая кончина от рук чеченских террористов» – уже массовое, дополненное новыми документальными материалами и свидетельствами – состоялось в 2002 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Все названные книги, а также сообщения в средствах массовой информации и материалы, размещенные на некоторых православных сайтах в Интернете, раскрывают притягательный образ пастыря Божьего: необычайно скромного в личной жизни, милосердного, нестяжательного, большого труженика и молитвенника, и в то же время – необычайно стойкого, нестигаемого в святой вере и служении Богу, готового душу и саму жизнь положить за други своя (1 Ин. 3,16). Благодарение Господу, что все это удалось сделать вскорости после официального известия о мученической кончине пастыря, а не спустя годы, отложив эти попечения «на потом», когда из земной жизни уйдут последние свидетели, подвижники и сотаинники кавказского страстотерпца.

Казалось бы, что еще можно добавить к тому, что уже сказано и написано?.. Есть, конечно, новые материалы, свидетельства, фотографии. Все это читатель найдет в книге, которую сейчас держит в руках. Но не это главное. Образ православного подвижника и мученика наших смутных дней - протоиерея Петра Сухоносова, - нуждается не только в детальном, чисто биографическом описании его многоскорбной жизни, но, прежде всего, в глубоком духовном осмыслении истоков под-

вижничества, самопожертвования, непоколебимой веры, христианского мужества перед лицом испытаний, выпавших на его долю.

Мы постараемся восполнить этот пробел, но несколько необычным путем, рассказав о жизни кавказского страстотерпца через пастырство, духовные наставления и образ великого праведника Иоанна Кронштадтского, чей пример служения Богу и людям был путеводной звездой на всем крестном пути отца Петра: с самого раннего детства и до мученической смерти.

Святой пророк и псалмопевец Давид утверждает: «С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши... Яко Ты люди смиренныя спасеши и очи гордых смириши» (Пс.17, 26-28). Подражание святому, духовную привязанность и любовь к нему в той мере, какая проявилась у отца Петра Сухоносова в отношении Иоанна Кронштадтского, можно считать яркими гранями его подвижничества. Этому подражанию - не слепому, не фанатичному и не мечтательному, а глубоко осознанному и преданному - можно и следует учиться всем нам в нынешнее, полное лукавства и искушений время. Важно уметь отличать святость от лже-святости, старчество - от лже-старчества, православную жизнь - от «православного» сектантства.

Сравнивать жизнь двух подвижников - задача вдвойне сложная, особенно когда сознаешь, что дерзаешь писать об отце Иоанне Кронштадтском - этом столпе веры, поистине духовном исполине, о котором дореволюционный публицист Василий Розанов сказал замечательные слова: «Личность отца Иоанна Кронштадтского является одною из самых достопамятных в русской истории XIX века. Вместе со святителем Филаретом Московским, он является высшею точкою нашего церковно-религиозного развития. И оба они стоят около третьего великого старца, Серафима Саровского...

Обе эти личности прекрасно дополнились Иоанном Кронштадтским, народным священником, все дни коего протекали среди людской громады, среди шума, молвы и народного стечения, на улице и в частных домах, выразившихся в делах милосердия, помощи и чуда».

Прославленный в сонме святых «всероссийский духовник» Иоанн Кронштадтский и скромный сельский священник Петр Сухонос, прославленный благодарной памятью огромного числа простых людей – оба они не были монахами, однако их аскеза достигла высшей точки подвига преподобничества. Оба жили и спасались не вдали от мирской суеты, а в самой ее гуще, не в уединении, а среди «молвы и народного стечения», достигнув при этом поразительного духовного совершенства и гармонии. Вовсе не случайно Господь преизобильно излил Свою милость и духовные дары на отце Иоанне - не келейном аскете, отшельнике, а на представителе «белого» священства, уже при жизни увековечив его имя по всей России и далеко за ее пределами. Господь явил Свою великую силу на приходском священнике, давая понять, что и эти слуги достойны Его славы и людского поклонения.

Верно сказано, что святого вполне может понять только святой. Искренно осознавая свое глубокое недостоинство, испрашиваю молитв о помощи у праведного Иоанна и самого Батюшки Петра, а у читателя – прощения за дерзость.

Хочется особо сказать, что есть еще один человек, которого можно с полным правом назвать соавтором этой книги, но по глубокому смирению не пожелавшего выносить свое имя на ее титульный лист. И все же пусть это имя будет достойно помянуто всеми нашими любезными читателями с благодарностью и низким поклоном: досточтимая монахиня Анастасия (в схиме Михаила), воспитанница великого российского страстотерпца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), сотаин-

ница и духовная сестра новосвященномученика Петра Сухоносова. Без ее теплых молитв, деятельного участия, материнской заботы и добрых советов жизнеописание крестного пути Батюшки было бы поверхностным и далеко неполным. К сожалению, дорогой матушке не суждено было дожить до выхода в свет этой книги, которую она очень желала увидеть и взять в руки. Летом 2004 года матушка навеки уснула в своей скромной келлии Покровского монастыря Киева. Уснула так же тихо, как и жила, избавившись, наконец, от многих скорбей и болезней, сопровождавших всю ее долгую земную жизнь.

Издание этой книги стало возможным благодаря поддержке Бориса Николаевича Кузыка – выдающегося ученого-экономиста, благотворителя, широко известного в России и на своей исторической Родине – в Украине – многими делами добра и милосердия. При участии Бориса Николаевича осуществляется восстановление святых обителей и храмов, реализуются крупные гуманитарные проекты – как, например, деятельность Регионального благотворительного фонда возрождения памятников архитектуры Русского Севера, издание книг по древней и новейшей церковной истории, краеведению. Об этом замечательном человеке хорошо сказала матушка Серафима - настоятельница Иоанновского ставропигального монастыря в Санкт-Петербурге, где упокоен святой праведный Иоанн Кронштадтский:

«Мы не ищем людей. Они сами ищут дорогу к храму. Мы и Бориса Николаевича не искали. Его сердце открылось, откликнулось на наши нужды, и его помощь золотыми буквами вписана в историю нашего монастыря. Наш долг молиться за таких людей, как Борис Николаевич, чтобы Господь помог им. Дай, Господи, чтобы таких людей было больше, потому что на этом и стоит наша Родина».

Так Борис Николаевич откликнулся и на просьбу

Родные и Родина

Если обычным почерком переписать автобиографию Батюшки, хранящуюся в его личном деле и написанную им самим размашистыми, немного неровными буквами, то она займет едва ли больше одной странички стандартного листа бумаги:

«Я, Сухонос Петр Петрович, родился в с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края 1931 года июня 23 дня. Отец мой рабочий слесарь умер в 1943 году. Я холост, есть у меня родные: мать Мария Прокопьевна Кобцева в возрасте 77 лет, сестра Татьяна Петровна Сухоносова, - возраст 45 лет, работает уборщицей Покровской церкви ст. Орджоникидзевской ЧИАССР Сунженского района. Образование мое 5 классов начальной школы в с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края, окончил в 1943 году. Окончил Ставропольскую Духовную семинарию в 1952 году. Службы в Советской Армии не имел. Зачислен в запас.

Трудовая деятельность: по окончании занятий в школе и до поступления в Духовную семинарию в 1948 г. пас овец и скот в совхозе «Советское Руно» Ипатовского района Ставропольского края сезонно, а в свободное время исполнял обязанности пономаря и чтеца при Феодосиевской церкви с. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края.

По окончании Духовной семинарии и рукоположении по настоящее время состою в духовном ведомстве священником Ставропольской епархии. За границей не был. Никаких наград не имел. Правитель-

ственных. 18 апреля 1965 года Святейшим Патриархом Алексием и Архиепископом Михаилом поставлен в сан протоиерея».

Ниже - личная подпись Батюшки и дата: 19 июня 1967 года. На то время он уже был настоятелем Свято-Покровской церкви в Слепцовке. Здесь отцу Петру суждено прослужить почти сорок лет, прежде чем он принял лютую смерть в бандитских застенках чеченских террористов-христоненавистников, скрывших, по всей видимости, уже навсегда тело Батюшки, изможденное зверскими пытками и голодом.

«Вот и все...» Такими простыми безыскусными словами вслед за святым праведником Иоанном Кронштадтским мог бы подытожить свою многоскорбную жизнь отец Петр Сухонос в добавление к написанной им автобиографии. Как и кронштадтский пастырь, отец Петр написал ее, не сказав ни слова обо всем том, что было там настоящим христианским подвижничеством и крестоношением. Он ни словом не обмолвился о своем безрадостном детстве, о гонениях и неправдах, сопровождавших его с первых дней пастырства, о подвиге девства, о самоотверженном служении Богу и людям и многом другом. Даже если бы жизнь слабого здоровьем, покрытого старческими сединами семидесятилетнего Батюшки завершилась не ужасающими страданиями, а блаженным успением в вечный покой, она все равно достойна того, чтобы вновь и вновь рассказать о ней.

Покойный митрополит Вениамин (Федченков), оставивший нам среди своего богатого духовного наследия подробное описание жизни и пастырства святого Иоанна Кронштадтского, начинает его с панорамы суровой северной природы Архангельской губернии, где родился будущий «всероссийский духовник», видя в этом один из факторов формирования задатков, полученных от родителей.

Фрагмент административной карты Ставропольского края с районным центром Ипатово

Перенесемся мысленно и мы в то время и место, где родился будущий кавказский страстотерпец Петр Сухоносов.

Ипатово – в прошлом большая казачья станица, раскинутая на привольных степных просторах Ставрополя. Городом она стала сравнительно недавно – в конце 1970-х годов. Это край хлеборобов, земледелия, животноводства, виноградарства. Отсюда прежнее название станицы – Винодельное. Старое казачье село, говорящее на причудливой смеси южнорусского наречия и украинского языка. Самыми высокими сооружениями в станице, когда родился отец Петр, были православные храмы. Это, прежде всего, пятикупольный храм Казанской иконы Божьей Матери из жженого красного кирпича, что, видимо, закрепило за этим храмом название

Уничтожение атеистами храма святителя Феодосия Черниговского в станице Ипатово. Фото 1930-х годов

«красный»: он стоял в центре станицы. А вот своими белокаменными стенами выделялся двупрестольный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Феодосия Черниговского, построенный в самом начале 20-го столетия украинскими переселенцами из Черниговщины. На окраине же станицы стоял величественный собор здешнего девичьего монастыря, возведенного в память святого великомученика Агафадора. Построен он был тоже из красного кирпича невероятной прочности. Среди скромных казачьих «мазанок», в которых жили такие же скромные работающие люди, купола храмов, увенчанные сияющими православными крестами, поднимались над станицей словно гигантские свечи, наполняя внутренний мир здешних людей высоким смыслом и благодатью. Народ здесь жил глубоко верующий, набожный, крепко стоящий в благочестии и святых традициях своих великих предков.

Семья Сухоносовых ютилась в маленькой хатке в центре казачьего села, поэтому можно предположить, что крестили будущего пастыря-мученика там же, куда ходили сами родители: либо в Казанском храме, либо в «красном» соборе (в 1936-37 годах вместе с монастырем он был разрушен большевиками). Хотя Батюшка указывает в автобиографии годом своего рождения 1931-й, сам он с кроткой улыбкой говорил близким, что на два года старше. Кстати, именно эта дата – 1929 год – указана и в книге «Кавказская Голгофа». Принципиального противоречия в этом нет, если учесть, что «повзрослел» Петр Сухоносов вынужденно, когда решалась его судьба о поступлении в семинарию. Ему катастрофически не хватало именно этого срока, а ждать, откладывать его поступление по каким-то причинам не было возможности. И тогда духовная опекунша будущего Батюшки – монахиня Фессалоникия – убедила ректора Ставро-

польской семинарии (им по совместительству в тот период был сам Ставропольский архиеп-рей Владыка Антоний), с которым сблизилась за многие годы ссылки и го-нений за веру, принять в число семинаристов сво-его юного воспитанника, дописав в его анкету не-достающий возраст.

К сожалению, не сохранилось никаких сведений о том, кем были давние предки

отца Петра Сухоносова. Да и о самих родителях извест-но немного. Мама – Мария Прокопиевна (в девичестве Кобцева) – была малограмотной, всю жизнь зарабаты-вала на кусок хлеба «по людям».

Об отце – Петре Сергеевиче Сухоносове - надо рассказать особо. Он был человеком трагической судь-бы, которая несла на себе отпечаток трагедии всего рус-ского народа, ставшего заложником политики захва-тивших власть большевиков. Человек от земли, он от-личался крепкой физической силой и выносливостью. Эти природные качества помогли ему пройти граждан-скую войну и даже закончить ее в чине красного ко-мандира. Но, наверное, внутренние угрызения совести, чувство вины и ужасы боев, в которых ему довелось ис-треблять казаков и белогвардейцев, сломали его психи-ку, сделав ее неизлечимо больной. Эту болезнь по ана-логии с «афганским», «вьетнамским» или «чеченским» синдромом можно было бы теперь назвать синдромом гражданской войны. Пытаясь как-то забыться от кош-марных воспоминаний, отец будущего Батюшки часто

бывал в запоях, бил жену, куражился над детьми, из-за чего семейство вынуждено было спасаться у соседей. По воспоминаниям, он много ездил, но нигде подолгу не задерживался на одном месте, пока, наконец, не осел в Ипатово. Последние годы глава семейства жил в комнатухе, вовсе отгороженный от остальных глухой стенкой и отдельным входом.

Старшим ребенком в их семье была девочка Таня: она родилась в 1922 году, а отошла к Богу в самом начале 1990-х. Средним был мальчик Сережа, но он умер в раннем детстве. А Петя был самым младшим.

Все их пятерых запечатлел сельский фотограф в своей скромной мастерской с дощатым полом, поверх которого брошен полосатый домотканый половичок, и на ничем не драпированном сером фоне. Таня – на вид уже смышленная девочка – стоит возле отца, положив руку на его правое плечо; Сережа держится на еще слабеньких ножках, нежно зажатый между колен своего родителя; маленький же Петя – в белом чепчике – сидит на коленях мамы, теребя в ручонках какую-то игрушку. Глава семейства в темной суконной рубаше-косоворотке, застегнутой на все пуговицы до самого подбородка, Мария Прокопиевна в кофточке, поверх которой наброшен цветастый платок, какие обычно носили в то время женщины-станичницы. Все семейство, особенно дети, немного с напряжением всматриваются в объектив открытого черным сукном фотоаппарата на треноге, откуда вот-вот должна «вылететь птичка». Видно, что они заранее готовились

*Одна из немногих фотографий
из детского возраста
будущего Батюшки*

Мария Прокопиевна Суханосова

к посещению фотографа: все аккуратно причесаны, прибраны. Лишь ножки младенца Пети почему-то наспех прикрыты детской пеленкой: в момент съемки она сползла почти до пола.

Без особого труда можно заметить, что оба мальчика, особенно Петя, похожи лицом на маму. Юная Таня, наоборот, внешне - копия отца. Лишь в зрелом возрасте она тоже станет похожей на свою родительницу.

В предыдущих книгах о жизни Батюшки довольно полно рассказано о его детстве. Можно лишь повторить: оно было чрезвычайно холодным, голодным и безрадостным. Петя рано лишился кормильца-отца: его не стало в 1943 году по нелепой случайности. После очередного пьяного куража, когда в доме никого не было, он курил возле печки, закутавшись в овечий тулуп. Задремав, он даже не почувствовал, как выпавший из печи уголек или пепел с папиросы зажгли валяющуюся рядом солому. Когда соседи, у которых Мария Прокопиевна уже в который раз пряталась с детьми, увидели беду, спасти главу семейства было поздно... С того времени детство Петра Суханосова вообще кончилось, он вынужден был оставить учебу в школе и идти на сезонные заработки в местный совхоз, чтобы хоть как-то

поддержат бедствующих в нищете маму и сестру.

Что же касается духовного воспитания в детские годы, то и его не надо идеализировать. Мария Прокопиевна была, конечно же, человеком верующим, но малограмотным, озабоченная в основном тем, как прокормить семью, поэтому она не могла дать детям глубокие духовные знания. Однако всем своим материнским сердцем и душой она стремилась, жаждала того, чтобы ее сын вырос грамотным, и поэтому всячески поощряла пробудившееся в нем с самых ранних лет тяготение к чтению. С годами эта тяга перерастет в настоящую любовь к книге, к просвещению, постоянному самообразованию.

Но в чем, бесспорно, состоит материнский подвиг Марии Прокопиевны в воспитании будущего пастыря, так это в ограждении своего сына от влияния улицы, от послевоенной безотцовщины, и особенно - от безбожия, которое старательно насаждалось, всемерно поощрялось властями и укоренялось в повседневном быте советских граждан. И хотя юный Петр Сухонос, по воспоминаниям многих, всегда отличался кротким нравом, незлобием, были все же и в его детстве моменты, которые требовали самого решительного, а порой и беспощадного вмешательства мамы и старшей сестры, о чем сам Батюшка позже вспоминал не с огорчением, а глубочайшей признательностью за такую «науку»:

«...Вспоминаю свою маму, как она мучилась со мной, сколько переживала, как тащила меня с улицы, а нянечка моя, Татьяна (сестра) – сколько порола меня ремнем! А далее Сам Господь повел безпреткновенно: война, церковь, матушка Фессалоникия... Какое великое счастье быть битым! Как надо благодарить Господа за таких родителей, и их самих! Ведь не все родители согласны тратить нервы на таких «басурманских» детей. А раз не согласны жертвовать покоем, значит, семейная жизнь противопоказана, рожденные ими дети стано-

Озарение

Митрополит Вениамин, ссылаясь на воспоминания сотаинницы Иоанна Кронштадтского игуменьи Таисии, рассказывает об удивительном случае, происшедшем в раннем детстве кронштадтского чудотворца:

«Однажды ночью 6-летний Ваня увидел в комнате необычный свет. Взглянув, он увидел среди света ангела в его небесной славе. Младенец Иоанн, конечно, смутился от такого видения. Ангел успокоил его, назвавшись его Ангелом Хранителем, всегда стоящим окрест его в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности» [1].

Сам же отец Иоанн Кронштадтский в собственном

автобиографическом рассказе дополняет этот рассказ некоторыми подробностями и деталями:

«Ночью я любил вставать на молитву. Все спят. Тихо. Не страшно молиться; и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский*

свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню: однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне: я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Тогда тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли пробыл в таком положении; но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове; и мне ясно представился учитель того дня, его урок, я вспомнил даже, о чем он говорил. И легко, радостно стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь...» [2].

Сопутствовали ли этому еще какие-то мистические явления – к сей глубоко сакральной тайне мы не дерзнем даже прикасаться. Для нас важно не это, а описание того, что произошло в душе юного Вани Сергиева во время молитвы, а именно: падение внутренней завесы, заслонявшей ум, какое-то таинственное, необъяснимое внутреннее потрясение всей души. Это будет важно и для понимания того, что же произошло в душе юного Петра Сухоносова, когда он однажды открыл дневниковые записи Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Случилось это ключевое событие в тот период, когда Петя вынужден был окончательно оставить школьное обучение и самостоятельно зарабатывал тем, что помогал местному чабану присматривать за совхозным стадом. Именно тогда он увидел в его руках книгу «в три пальца» толщиной, которую чабан читал тайком, пряча ее всякий раз, когда замечал посторонних людей. Сформировавшаяся к тому времени у отрока тяга к чтению сконцентрировалась на таинственной книге, на неукротимом желании тоже прочитать ее. И чабан сжалился, внял мольбам своего юного помощника, отдав ему заветную книгу под великим секретом и риском для себя, ибо власти – это был еще

сталинский период - жестоко карали верующих людей за хранение и чтение подобных книг.

Мы опираемся на свидетельство мамы Петра Суханосова Марии Прокопиевны, которая утверждает, что после прочтения этой книги ее сын тоже словно «переродился», она до глубины души потрясла его, совершенно определив будущее призвание.

Что именно могло потрясти мальчика? Вся книга, какой-то фрагмент ее, отдельная фраза? А можно поставить вопрос так, как ставит его митрополит Вениамин, пытаясь разгадать тайну внутреннего озарения, происшедшего в душе, казалось бы, совсем обычного сельского мальчика Ивана Сергиева из далекой архангельской Суры: откуда у него вдруг появились такие глубокие думы? Читателю, не знакомому с содержанием книги «Моя жизнь во Христе», советуем открыть и прочитать хотя бы несколько дневниковых отрывков, исполненных величайшей духовной премудрости кронштатдтского праведника. При всей доступности языка изложенных в ней мыслей эта книга все же «не по зубам» детям.

В случае с Петром Суханосовым произошло нечто гораздо большее, чем обычное духовное чтение. Скорее всего, это повторение тех примеров, которые уже известны в церковной истории и которые подтверждают утверждение Владыки Вениамина о том, что на нас имеют влияние не только святые люди, но и их книги, их мысли. Подтверждений тому великое множество, когда даже случайно услышанное слово Божье в корне изменяло привычное течение жизни людей, когда закоренелые грешники обращались в покаяние и становились подвижниками, праведниками, мучениками (невольно всплывает образ преподобной Марии Египетской), когда под действием благодатного чтения просветлялся ум, душа и сердце (как это произошло, например, в детстве преподобного Сергия Радонежского). Сам Иоанн

Кронштадтский утверждает, что обязан великому святителю Вселенской Церкви, тоже Иоанну – но Златоусту – в непосредственном участии в духовном образовании и воспитании будущего «всероссийского духовника». Так на семинариста Ивана Сергиева повлияло самостоятельное углубленное чтение наследия Иоанна Златоуста. И это при том, что дореволюционное воспитание и подготовка будущих пастырей без того базировалось на фундаментальной богословской науке, педагогической преемственности, кадровом обеспечении – всем том, чего Россия практически лишилась начисто после физического истребления православного духовенства в 1930-х, особенно в 1937-38 годах.

Поэтому биограф Иоанна Кронштадтского митрополит Вениамин склонен рассматривать описанный выше чудесный факт из жизни Ивана Сергиева не как второстепенный, рядовой случай, а как одно из ключевых событий, которое впоследствии имело огромное значение для формирования всего духовного облика российского праведника.

«Могу сказать, - утверждает Владыка, - Златоуст стал его духовным руководителем, наставником, - как бы «старцем» на всю последующую идеологию и деятельность. Когда одновременно читаешь творения того и другого, то это сходство их чувствуется ясно. А если станешь отыскивать конкретные общие принципы, то увидишь поразительное согласие их, даже – почти тождество» [3].

Сказанное можно отнести и к Петру Сухносову, для которого встреча с Иоанном Кронштадтским через его знаменитую книгу «Моя жизнь во Христе» тоже стала тем ключевым, поворотным пунктом, с которого началось глубоко осознанное вхождение будущего

Первые воспитатели

При всем том, что оба отрока - Иван Сергиев и Петр Сухонос - были окружены в детстве духовным воспитанием, оно разительно отличалось и по характеру, и по формам.

Там - глубоко образованные в религиозном отношении родители, старинный духовный род, которому насчитывалось около трех столетий; здесь - родители простые, малограмотные, в силу бедного и бедственного положения мало заботившиеся о целенаправленном формировании религиозного мировоззрения у своих детей.

Там - поразительная красота и гармония церковной жизни, где, как замечает Владыка Вениамин, сам воспитанный в духе и традициях того же времени, «не было различия на верующих и неверующих, на богатых и бедных, на ученых и простецов: все были простыми чадами Божьими и членами Святой Церкви; Церковь, можно сказать, была им учительницей веры, и спасительницей душ, и школой грамоты, «по Псалтырю», и культурной просветительницей; короче, она была им действительно духовной матерью» [4]; здесь - оскверненные, разоренные и уничтоженные храмы, гонения на верующих, безбожные традиции и безбожные праздники. Хотя дореволюционную жизнь тоже не следует идеализировать.

«А еще многие думают, что до революции все было будто прекрасно, - пишет Владыка Вениамин о своем времени. - Нет и нет. Столбы уже подгнили. Крыша еще держалась, а фундамент зашатался. И никакие подпор-

ки не могли исправить нашего дома.

Один мой знакомый, впоследствии занимавший очень высокий политический пост, говорил еще в 1910-х годах в СПб: «Если с Россией не случится какая-либо катастрофа, то все погибло...» И другой политик – писатель, б. революционер, Т., тоже записал в дневнике своем следующие слова о Церкви (1907 года):

«Не отрадно и все касающееся России, и еще важнее – Церкви. Поражены пастыри, обезумели овцы; и не видать, не чуется нигде Божия посланника на спасение наше... Если не будет бурного кризиса, революции – то *будет медленное* (курсив его) *гниение*. Не вижу данных на «мирное обновление». Есть, может быть, шансы на усталость и разочарование всех и во всем. Ото всюду может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это еще хуже, чем революция» [5].

Отец Иоанн жил в свою историческую эпоху, которая – даже при явно обозначившемся оскудении веры и благочестия в обществе, растлении русской интеллигенции, о чем с болью писал кронштадтский пастырь, предвещая грядущие грозные катаклизмы – ни в чем не ущемляла, не ограничивала слово пастыря и его служение. А вот пастырство отца Петра Сухоносова, напротив, пришлось на эпоху, насквозь пропитанную богоненавистничеством и богоборчеством. Кроме того, большая часть прожитой отцом Петром жизни прошла среди людей другой веры. А если к этому добавить войну, в середине 1990-х годов взорвавшую Кавказ, то атмосфера многоскорбной жизни кавказского страстотерпца Петра Сухоносова вовсе не идет ни в какое сравнение с тем, чем был окружен кронштадтский пастырь. Поэтому сравнивать двух пастырей – кронштадтского и слепцовского – можно очень условно и крайне осторожно, лишь в контексте общего духовного влияния отца Иоанна на отца Петра.

Юный Иван Сергиев воспитывался на торжестве

*Монахиня Фессалоникия
(Ганусова Марфа Федоров-
на, 1875 - 1955)
в молодые годы
и старчестве*

Русского Православия. Петр Сухоносов – на том, что чудом уцелело от былой красоты и величия после невиданной большевистской чумы 1930-х годов. Он воспитывался людьми, прошедшими через издевательства, пытки и концлагеря, но сохранившими в своих душах немеркнущий свет Христа. Именно они – исповедники, мученики и страдальцы того страшного времени – и стали первыми духовными окормителями страстотерпца конца двадцатого столетия.

Монахиня Фессалоникия (в миру Мария Федоровна Ганусова, 1875-1955), воспитанница Ставропольской Иоанно-Мариинской обители и благочинная женского Свято-Агафадоровского монастыря, примыкавшего к станице Ипатово. Влияние этой великой подвижницы и страдальцы на юного Сухоносова было огромным, если не сказать больше – решающим.

Старица обратила внимание на тихого, скромного, благоговейного мальчика, стоявшего в храме, когда там отпевали его отца, без-

временно ушедшего из жизни. С тех пор она в полном смысле слова воцерковила отрока Петра, вдохнув в его душу благотворное дыхание Церкви: обучила старославянской грамоте, научила понимать и разбираться в богослужениях, любить и неопустительно посещать их, выполняя в маленьком храме, приютившемся в церковной сторожке, обязанности пономаря. Ежедневно мальчик послушно приходил ко своей наставнице к 4-м часам утра, часто оставаясь у нее на ночь, и они совершали полное монашеское правило по монастырскому уставу.

Юный Петр Сухоносов любил эту великую подвижницу по-настоящему детской любовью, будучи привязан к ней всей душой и сердцем. Уже на склоне жизни, когда матушка Фессалоникия практически ослепла и не могла самостоятельно ходить в церковь, ее нежно вел туда под руку воспитанник Петр. Он старался выбирать дорогу ровнее, но матушка все равно спотыкалась своими старческими немощными ногами о разные кочки, при этом охая и приговаривая апостольскими словами: «Аще поведут тя, где не схощеши...».

«В 1948, 1949 и 1950 годах, когда мне было 11 лет, - вспоминает друг детства отца Петра киевлянин Владимир Тихонович Затынайко, - моя мама подводила меня к монахине Фессалоникии на террасе Кресто-Воздвиженской церкви. Она запомнилась мне среднего роста, худенькой, скромно, можно даже сказать, бедно одетой, с тихим спокойным голосом и ласковой улыбкой. Благоговейное отношение верующих прихожан в общении с ней мне, отроку, подсказывало, что это очень почитаемая, глубоко уважаемая личность, но полной истории ее жизни и духовного подвига я в те годы не знал и не все понимал, так как учился в безбожной советской школе».

В образе своей духовной наставницы и матери Петр Сухоносов не только ощутил духом – он прямо

*Прощание с монахиней Фессалоникией.
Первый слева у гроба - ее воспитанник
молодой иерей Петр Сухонос*

увидел перед собой живой светильник веры, благочестия, милосердия, скромности, нестяжания, горячей молитвы, христианского мужества, бесстрашия перед любыми испытаниями. Матушка часто наставляла своего воспитанника такими мудрыми словами: «Не вытирай чужой любовью ноги». Впоследствии отец Петр не только сам обладал глубоко любящим, нежным сердцем, всегда отзывчивым на чужую боль и страдания, но и умел ценить и беречь любовь других.

Когда 13 марта 1955 года Господь навеки упокоит 80-летнюю старицу Фессалоникию от многих трудов, скорбей и болезней, ее воспитанник – в то время уже молодой иерей Петр Сухонос – произнесет у гроба матушки прощальное слово, исполненное величайшей сыновней любви и признательности за все, что она сделала для него лично и других людей. Это прощальное слово, названное Батюшкой «Похвальным», отпечатанное на старенькой машинке и, очевидно, специально сохраненное им для потомков, как нельзя лучше раскрывает, кем была в его жизни наставница матушка Фессалоника. С благоговением коснемся и мы этих трогательных прощальных слов.

«Дорогие, возлюбленные о Господе!

Кто это лежит перед нами? Кто собрал нас в таком количестве в настоящую минуту подобно птице, которая собирает под крылья птенцы своя?

Перед нами лежит дорогая, блаженная наша мамочка, великая труженица и молитвенница – монахиня Фессалоникия.

Прежде всего, что такое есть монашество?

Монашество – это добровольное отречение от мира, отречение от мирской суеты, сладости и греховных удовольствий; монашество – это сокровенное делание на спасение своей души. Почему и видим, что лицо у нашей матушки покрыто покровом, так как добродетельная жизнь ея была сокрыта от людей ради Бога. Монашество есть трудный подвиг постоянного, всецелого служения Господу нашему Иисусу Христу. Оно есть послушание Христово.

Как же приняла и как несла этот подвиг дорогая наша матушка? Она приняла его с любовью, кротостью и желанием. Господь говорит в Святом Евангелии: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф.11.29-30). По слову Господа, точно так же было легко матушке иго Христово и бремя Его было сладко ей, ибо она несла его с любовью всю жизнь до самой кончины.

В Священном Писании говорится: «Блажен (т.е. счастлив) человек, иже возьмет ярем свой в юности своей» (Плач, 3.27). Так точно и досточтимая матушка от юности взяла на себя «ярем» Христов, т.е. Христово послушание. Четырнадцатилетней девочкой она поступила в Ставропольский женский монастырь и всецело отдала себя на служение Богу. Там в молодые годы она научилась кротости, смирению и послушанию, а послушание – первая ступень в монашестве, и вообще послушание – это первая добродетель в воспитании христианской души. Там она научилась любить Господа

всем сердцем и помышлением, и ближнего как самого себя. Особенно в первые годы жизни матушки в Ставропольском монастыре были там великие подвижницы – такие, например, как блаженная Платонида и другие молитвенницы. И вот на примере этих великих людей добродетели старалась воспитать себя наша матушка Фессалоникия.

За ее кротость, смирение и нелицемерное послушание любили ее сестры, любили и ценили начальники монастыря. И в зрелые свои годы она удостоилась за свое послушание быть начальницей над другими. Как известно вам, матушка Фессалоникия была благочинной здешнего женского Агафадоровского монастыря. Став начальницей, она, однако, была кротка и смиренна, умела быть строгой и милостивой, наказывала виновных и прощала исправляющихся.

После монастыря она жила во многих городах и селах, и уже последние 15 лет своей жизни жила почти все время здесь со всеми нами. И в этом году матушке исполняется ровно 80 лет со дня ее рождения.

Как же прошла жизнь матушки? И что же можно сказать доброго за этот длинный период ее жизни? Сказать можно многое, но нет возможности и не хватит времени для этого. Но все же прославим дорогую нашу матушку, насколько позволит нам это сделать Господь.

Господь Иисус Христос говорит: «Всякий человек, который оставит имене Моего ради отца или мать, братьев или сестер, жену, сына или дочь, дом, имение свое, то примет во сто крат более отцов и матерей, братьев и сестер и чад, домов в век ей и жизнь вечную наследует» (Мф. 19.29). Эти слова Спасителя можно приложить и к матушке Фессалоникии.

Только представим себе, как она девочкой 14 лет от роду оставляет свой дом, оставляет своего дорогого отца, которого она нежно любила, братьев и сестер, оставляет родное село и идет куда-то на сторону – в мо-

настырь к каким-то неизвестным людям! Что же заставило сделать такую резкую перемену в молодых годах? Конечно, это только любовь послужить Богу всей своей жизнью, как она действительно и послужила.

Какие же можно видеть плоды ея служения Богу?

Как известно, у матушки нет ни родного сына, ни дочери. Но если могли вы только знать, сколько у нея духовных отцов и матерей, сколько братьев и сестер, сколько духовных сыновей и дочерей! Во много-много раз больше, чем у какой-либо матери, которая имеет родных детей! Одни из учеников ее – священники, другие – монахи, третьи – певцы и чтецы, четвертые – простые мирские люди, высокие своей религиозностью.

Одним из ея учеников являюсь и я, грешный. Она меня как бы вновь духовно возродила, воспитала и вскормила своим душеполезным учением. Своими молитвами и трудами она подготовила меня, грешника, к принятию великой благодати священства и до своей блаженной кончины умоляла Господа об укреплении моей веры.

Чему она учила своих учеников?

Учила прежде всего иметь страх Божий, кротость, смирение и послушание; учила любить Бога и ближнего своего. И благо, когда мы слушали ее, но горе, когда не слушали ея добрых слов.

Как же она учила?

Слово Божие говорит: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царстве Небеснем». Так поступала и дорогая наша матушка! Она учила словом и вместе с тем – примером своей доброй жизни. Сама была кротка, смиренна и добра во всех отношениях. Не гордилась своими знаниями, а старалась как можно больше передать слушающим ее.

Господь наделил матушку особенным даром и знанием пения и устава Богослужения и вообще знанием духовной жизни. И вот все это она старалась вложить

своим ученикам. Иногда говорила: «Я желаю, чтобы вы знали даже больше, чем знаю я». Так она любила учить доброму других. Смирение и кротость матушки видны были в том, что она почти никогда не раздражалась и других не раздражала, не ссорилась, не говорила резких, обличающих горделивых слов. Делала замечания с любовью тем, кто принимал их.

Она была особенно милостивой. Иногда даже снимала и отдавала одежду нищим, но больше старалась подавать милостыню в тайне.

Велика она была также и в своих молитвах.

Как же она молилась?

Молилась так, как мы никто не умеем молиться. Молилась со слезами из глубины своего сердца. Молитва была ее жизнью, молитва проходила всю внутренность существа ее. О такой молитве, конечно, не знают внешние люди, может знать только ее семейство да мы, близкие. Бывало, войдешь тихо в комнату, проснешься ночью, а она стоит в темноте ночной при мерцании лампы и молится горячо, со слезами, а иногда не только со слезами, а прямо с рыданием вслух. Так любила по-монашески молиться дорогая матушка.

О чем же она молилась?

Прежде всего, молилась о себе, ибо считала себя величайшей грешницей, молилась о своих духовных чадах и о своих близких, обо всех, кто только просил ее святых молитв. Почему же она так молилась втайне, наедине? Для того, чтобы Господь, видящий втайне, воздал ей явно, т.е. чтобы не от людей получить похвалу, но от Бога.

Так велика была в своих трудах, молитвах, в своей любви к Богу и к людям матушка Фессалоникия. И особенно в настоящее время, в половине XX века ее вполне можно назвать великой подвижницей в деле спасения души.

Вам, многим стоящим здесь в храме, она была

близка, много она говорила на спасение души, как жить по Христу, как нести свой жизненный крест, как бороться с грехами. Помните же все это и дорожите, ибо нет больше таких людей в нашем селе, нет во многих городах и селах, нет такого человека, который своею любовью привлек бы к себе такое множество людей и чье бы имя так широко было бы известно в народе, как имя молитвенницы. Как ни укрывала матушка Фессалоникия своих добрых дел, но, однако, она не могла укрыть их. Ибо, по слову Господа, не может укрыться город, стоящий вверху горы.

Своим присутствием она везде всех освещала, как освещает светильник всех окружающих.

При всем этом досточтимая матушка всегда была верной дочерью Матери нашей Святой Апостольской Церкви. Любовь ея к церковному богослужению не знала никаких преград. Приходила в храм Божий раньше всех и уходила из него после всех. Часто в болезнях, а также особенно в последнее время жизни, когда могла ходить только по комнате, она также спешила в храм на богослужение и с великим трудом доходила к нему, а дома оставалась лишь только тогда, когда совсем была прикована к постели.

Как высоко она чтит пастырей Церкви Христовой! Благословение от них принимала с великой любовью и благоговением, считая себя недостойной пред великостью священного сана.

Да сподобит же Господь дорогую нашу матушку вечной блаженной жизни, да упокоит от многих трудов и болезней, идеже несть болезнь и печаль, да дарует ей единение и причастие со всеми святыми в раи сладости, к которому она всецело стремилась всем своим существом.

Дорогая наша мамочка, мы ничем не можем тебе воздать за твои труды, лишь только молитвой от своих грешных уст прими хотя бы эту нашу преискреннюю

любовь и сердечную благодарность! Ты оставила нас сиротами: не к кому обратиться за словом, наставлением и молитвою, но не отчаиваемся и веруем, что, отходя телом, ты не оставишь нас своим любящим духом и поможешь нам, когда мы обратимся к тебе в молитвах, ибо отойдя в загробный мир, ты имеешь еще большее дерзновение ко Господу. Прости же нас, грешных, и прими от нас земной тебе поклон».

Отец Петр по понятным причинам тогда не смог сказать открыто о том, что знали все люди, пришедшие попроситься с подвижницей: о выпавших на ее долю гонениях, арестах, унижительных допросах и концлагерях. Всем этим матушка Фессалоникия сполна расплатилась за свое несгибаемое стояние в православной вере.

Любовь Петра Сухоносова к своей наставнице была настолько искренней и сильной, что порой вызвала ревность в душе его родной матери, выражавшуюся в необоснованных обидах и колючих замечаниях. Когда же он, получив первое назначение служить в Ставрополе, выразил горячее желание забрать с собой не только родных – маму и сестру, но и матушку Фессалоникию, родительница решительно воспротивилась этому. По воспоминаниям очевидцев, старица прожила рядом со своим воспитанником в Ставрополе в отдельной комнатке не более двух недель. Там она продолжала окормлять его духовно, давать молодому Батюшке советы, касающиеся совершаемых им богослужений, которые знала досконально, после чего смиренно и безропотно возвратилась назад в Ипатово, дабы не быть больше источником постоянного раздражения, недовольства и укоров, которые ей доводилось слушать со стороны Марии Прокопиевны в адрес своего сына.

Обо всем этом мы рассказываем для того, чтобы не идеализировать обстановку, в которой рос, вырос и воспитывался Петр Сухонос. К тому же это вовсе не единичный случай, когда благородные порывы будущих подвижников наталкивались на стену материнской ревности и непонимания. Вспомним хотя бы юность преподобного Феодосия Киево-Печерского, его непростые отношения со своей родительницей.

Материнская ревность была, по всей видимости, врожденной чертой характера родительницы Батюшки, потому что когда в Ипатово в 1947 году из очередной ссылки приехал иеромонах Симеон – будущий иеросхимонах Сампсон (Сиверс), великий подвижник и страстотерпец сталинского времени – эта ревность распространилась и на него. Отец Симеон поначалу поселился в доме Марии Прокопиевны – в той самой комнатке,

*Иеромонах Симеон возле полотна с вышитой молитвой “Всемиловитая”. Рядом видна фотография сподвижницы великого старца монахини Фессалоникии.
Фото публикуется впервые*

изолированной отдельным входом и глухой стенкой. Об этом походатайствовала матушка Фессалоникия, к которой, собственно, и приехал отец Симеон, близко и много лет зная ее по скитаниям в лагерях, арестах и ссылкам. Но уже через две недели он вынужден был поменять жилье, чему не в последнюю очередь способствовал непростой характер хозяйки дома. Но именно с этих дней начинается тесное духовное общение юноши Петра Сухоносова с опальным священномонахом, которого удалось временно пристроить на Ставрополье благодаря великому милосердию и мужеству тогдашнего Владыки митрополита Антония (Романовского). Это общение лишь дополнило то глубокое воспитание, которое уже дала юноше сподвижница отца Симеона матушка Фессалоникия. И хотя уже через несколько месяцев отец Симеон переехал из Ставрополя в другое место, этот период оставил неизгладимый след в душе юноши. Иначе и не могло быть. Даже со старых фотографий отец Симеон смотрит на нас огненным молитвенным взглядом, а лик его повсюду исполнен благолепия, света и чистоты. Что же говорить, когда этот подвижник был непосредственным собеседником, наставником, учителем? Не зря все, кто прошел духовную школу старца Сампсона – пусть даже кратковременную – отмечены особой печатью ревности в вере, нестигаемого стояния в ней.

Юный Петр Сухонос, общаясь с отцом Симеоном, во многом почерпнул от него замечательные навыки молитвенного делания, в том числе научился знаменитой молитве «Всемиловитая», которую самому отцу Симеоноу перед его арестом и ссылкой на Соловки таинственно открыл преподобный Серафим Саровский [6]:

*Всемиловитая / Владычице моя /
Пресвятая Госпоже / Всепречистая / Дево
Богородице / Марие / Мати Божия /*

*Несумненная и единственная моя Надежда /
Не гнушайся меня / не отвергай меня /
Не остави меня /
Заступись / попроси / услыши /
виждь
Госпоже / помози / прости, про-
сти /
Пречистая/*

У многих духовных чад старца до сих пор бережно хранится эта молитва, написанная рукою старца-подвижника. Он наставлял всех, с кем Господь сводил на его нелегком жизненном пути, держать в сердце эту благодатную молитву, постоянно упражняться в ней, призывая на помощь небесное заступничество Матери Божьей. Как сам неоднократно свидетельствовал иеросхимонах Сампсон, «Всемиловитая» оберегала его все 18 лет лагерей и всего прочего. «Это, - говорил старец, - была ненасытная пища для меня» [7].

Отношение отца Петра к старцу всегда было глубоко почтительным. Говорим это для того, чтобы снять иные утверждения, построенные на догадках и неподтвержденных фактах. Нельзя, например, согласиться с одним из авторов [8], совершенно безосновательно утверждающим, что отрок Петр «с почтением слушал его (т.е. отца Симеона – прим. авт.) жизнеописания, но сам был носителем другого духа (выделено нами – прим. авт.)» Тем более никто не слышал от отца Петра слов о том, что отец Сампсон – это, якобы, «моя боль по сегодняшний день». Отношение ж гонимого священномонаха Симеона к 16-летнему пытливому юноше тоже было чрезвычайно теплым, бережным, по-настоящему отеческим. Об этом свидетельствует выросшая вместе с отцом Петром монахиня Анастасия, сама много лет на-

ходившаяся под благодатным духовным окормлением старца.

Годы спустя, когда Петр Сухонос стал священником, отец Симеон, находясь уже в Псково-Печерском монастыре и зная об аскетическом пути своего ипатовского воспитанника, неоднократно говорил, что даже в их обители едва ли найдется пять-шесть монахов такой строгой жизни.

Упомянем с благодарностью среди первых духовных наставников будущего кавказского страсотерпца имя протоиерея Феодора Колесова, служившего с 1943 года в Ипатово, когда там рос и под опекой монахини Фессалоникии воспитывался Петр Сухонос, выполняя при церкви обязанности пономаря.

В дополнение к жизненному и духовному портрету этого самоотверженного пастыря, который написан в предыдущих изданиях, добавим еще одну немаловажную деталь: отец Феодор был в ту пору одним из немногих ставропольских священников «тихоновской»

*Место упокоения подвижницы Феодосии
в станице Рагули Ставропольского края*

или «старославянской» ориентации, не поддавшись соблазну чем-либо связать себя с обновленцами.

Власть, если открыть историю государственно-церковных отношений в 20-30-е годы, не пренебрегала никакими методами, широко пользовалась шантажом, подкупам, запугиваниями, преследованиями, травлей духовенства, чтобы в церковной среде повсеместно сеялись расколы, взаимное недоверие, подозрение, неприязнь и вражда. Советский строй, провозглашая на словах тезис об отделении Церкви, вовсе не был заинтересован в ее независимости. В результате искусственного расслоения духовенства, одна его часть осталась верной «контрреволюционному Патриарху» Тихону (этих людей следователи ОГПУ-НКВД называли «староцерковниками», «тихоновцами», представителями «церковнославянской ориентации» и т.п.) и сознательно пошла на аресты, пытки, ссылки и расстрелы, другая же часть – «лояльные попы» (выражение Сталина, сформулированное им в 20-х годах в одном из секретных указаний на имя секретарей губкомов) – приняли условия сожительства с безбожной властью и стали «обновленцами».

Простые люди, сохранившие веру и верность каноническому Православию, тянулись душой именно к таким пастырям, как отец Феодор, обретая в тесном духовном и евхаристическом общении новые силы противостоять наступающему атеизму. И если в образе своих первых наставников - монахини Фессалоникии и иеромонаха Симеона - юный Петр Сухоносков видел перед собой живой пример христианского преподобничества, мученичества, верности «аж до смерти» (Апок.), молитвенного горения, нестяжательности, великой скромности и любви к ближним, то в образе отца Феодора (на фото) – простого сельского батюшки, каким в будущем станет сам Петр Сухоносков – он, в дополнение к отмеченным качествам, видел также жи-

вой пример пастырства: в его ревности, стойкости, мужестве. Горячий ревнитель Православия, он не позволял себе никаких послаблений, не стриг волос, всегда ходил в подряснике, служил строго по монастырскому уставу, не опуская девятого часа и повечерия. Великим постом богослужения в его храме начинались в 6 часов утра, а завершались лишь к полудню. Старец неотлучно жил на приходе, твердо убежденный в том, что пастырь всегда должен быть со своей паствой, поскольку отвечает за нее перед Богом.

Можно утверждать, что если монахиня Фессалоникия, будучи первой духовной наставницей Петра Сухоносова, привила ему любовь к Церкви, молитве и христианской аскезе, то влияние отца Феодора было решающим на воспитание в юноше тех качеств, которые необходимы истинному пастырю душ человеческих.

Вне всякого сомнения, немаловажное значение на формирование

Монахиня Анастасия (в миру Александра Аверьяновна Шикера) в молодые годы возле места упокоения основательницы Покровского монастыря инокини Анастасии

*Благочестивая
семья Аверьяна
Шикеры*

ние характера будущего кавказского страстотерпца оказало также близкое общение со старией в миру Феодосией – истинной подвижницей, наделенной от Господа за великое сми-

рость даром духовной мудрости и прозорливости. Несмотря на тяжелую болезнь - у старицы было сильное повреждение позвоночника в результате травмы, полученной еще в 20-е годы - она никогда не теряла присутствия духа, непрестанно подвизалась в молитве и посте, сохраняла ясную и справедливую мысль. У нее было много духовных детей, которых она нежно любила, а те, в свою очередь, ласково называли ее своей «мамашей». Четыре незамужних женщины из соседних станиц постоянно ухаживали за ней. Одной из этих благочестивых жен была родная тетя отца Петра по маминой линии Татьяна Прокопиевна. Она неотлучно несла подвиг милосердия возле одра болящей на протяжении 27 лет.

О том, насколько строгой и аскетической была жизнь этой подвижницы, свидетельствуют сохранив-

*Украинские переселенцы рода Аверьяна Шикеры
в станице Ипатово*

шиеся воспоминания. Комната, где лежала старица, никогда не отапливалась - даже в зимнее время года. Мало того: зимой и летом обе оконные рамы оставались незастекленными и закрывались ставнями на болты лишь ночью и при наступлении ненастной погоды. Когда на дворе было холодно, старицу укутывали пуховым одеялом и подкладывали грелки, а подушки грели на русской печи, и ими тоже обкладывали немощное тело страждущей. Сами послушницы одевались также тепло, ибо от холода на стенах комнаты искрился морозный иней. В этом же помещении для молитвы и духовного утешения старицы был оборудован прекрасный иконостас с двумя неугасимыми лампадами. В такой обстановке старица Феодосия подвизалась 40 лет своей жизни, ни разу не возроптав на свою многоскорбную судьбу, всецело предав себя в руки милосердия Божьего.

Будущего отца Петра она знала еще с того времени, когда тот отроком вместе с мамой приезжал в село Рагули проведать немощную «мамашу Феодосию» и повидаться со своей родной тетей. Там он всегда получал от подвижницы духовные наставления.

Но наш рассказ о первых воспитателях кавказского страстотерпца будет неполным, если мы обойдем молчанием одну удивительную семью. Ее можно назвать ревностной хранительницей христианства и благочестия в то страшное безбожное время. Тесное общение с ней не в последнюю очередь тоже сформировало духовный облик Петра Сухоносова.

Глава этого семейства Аверьян Гаврилович Шикера, как и все его потомки, были украинцами, жили на древней черниговской земле, давшей Церкви немало ярких подвижников Православия. Чего стоят такие выдающиеся имена, как святитель Феодосий и преподобный Лаврентий Черниговские! Прадед Аверьяна Гавриловича – Иаков – вместе с другими паломниками когда-то пешком «хаживал» во святой град Иерусалим, откуда принес на своих плечах образ «Святое Семейство», выполненный тамошними мастерами на доске больших размеров. В 1921 году, когда на Украину пришел первый голод – предтеча страшного голодомора 1933 года, искусственно вызванный бездумной хозяйственной политикой большевиков и массовым ограблением трудолюбивых украинских крестьян, Аверьян Шикера двинулся со всем семейством на юг России, в Ставрополье, где в разное время поселилось немало выходцев с того же края. Там прочно обосновался и Аверьян.

Из десяти детей, которых Господь послал этой

Годы учебы

Стакой детской, простой, искренней верой юный Петр Сухонос в 1948 году поступил в Ставропольскую семинарию, а в 1952 году успешно окончил ее. Это был третий выпуск молодых православных пастырей. По ходатайству и убедительным просьбам духовной наставницы юноши монахини Фессалоникии к куратору семинарии Ставропольскому Владыке Антонию (Романовскому), Петру Сухоносову пошли навстречу и зачислили в число семинаристов, несмотря, как мы уже пояснили выше, на нехватку возраста и образования.

Вне всякого сомнения, жизненный выбор, сделанный юношей, был глубоко осознанным, свидетельствовавшим о силе его убеждений и веры. Ведь каждый гражданин бывшего Советского Союза, решивший или даже только помышлявший связать свою судьбу со служением Богу, заранее обрекал себя на унижительное существование в обществе, подвергал своих родных и близких опасностям быть репрессированными по любому подозрению или доносу. Временное послабление гонений на верующих и Церковь в середине 40-х годов со стороны Сталина и верных ему «компетентных» органов было не более чем политическим маневром, вынужденной уступкой, связанной с характером Великой Отечественной войны. Однако ни война, ни народное горе, ни колоссальные человеческие потери ничуть не влияли на уже сложившееся откровенно враждебное отношение советского государства к Православной Церкви.

В том же 1948 году, когда юный Сухоносков стал семинаристом, министр МГБ СССР Абакумов направил на имя Сталина подробную докладную записку, в которой, по сути, ставил задачу нового усиления борьбы с Церковью.

«Министерство Государственной Безопасности СССР, - говорилось в этом документе, - располагает материалами о том, что в последнее время церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием.

Под прикрытием религиозных верований церковно-сектантские элементы проводят обработку неустойчивых лиц, особенно из числа молодежи, вовлекая их в свои группы и общины. Под влияние церковников подпадают также комсомольцы, члены и кандидаты в члены ВКП(б).

Значительную роль в распространении верования и организации враждебной работы выполняют лица из числа религиозного актива, подвергавшиеся ранее репрессиям за антисоветскую деятельность и возвратившиеся в области по отбытии срока наказания.

Религиозную обработку населения церковники и сектанты ведут путем широкой религиозной пропаганды, проводящейся священнослужителями, проповедниками, монашествующими элементами и фанатически настроенными верующими...

В результате работы органов МГБ по выявлению и аресту антисоветских элементов среди церковников и сектантов за время с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 года по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 человек...

Агентурно-оперативные мероприятия по вскрытию вражеской деятельности и ликвидации антисоветских церковно-сектантских формирований продолжаются...» [9].

Тут небезынтересно привести свидетельство

*Отец Михаил
Афонин со
своим настав-
ником отцом
Петром*

одного из духовных чад Батюшки Петра Сухоносова, выросшего под его благодатным влиянием и тоже ставшего священником. Это протоиерей Михаил Афонин, ныне настоятель Свято-Троицкого храма в древнем Ржищеве, под Киевом. В начале 1970-х годов он по настоянию отца Петра подал документы для поступления в Одесскую духовную семинарию. «Компетентные органы», как тогда деликатно называли соответствующую службу комитета госбезопасности, самым тщательным образом присматривались к абитуриентам и студентам-первокурсникам, изучая всю их «подноготную», выискивая в молодых биографиях такие факты, которые впоследствии могли быть использованы для дискредитации или шантажа. С каждым из поступивших проводилась индивидуальная беседа «при закрытых дверях». О чем шел разговор - никто не признавался, ибо все давали подписку о неразглашении темы собеседования.

«Нам давали понять, - вспоминает отец Михаил, - что каждый наш шаг, который мы уже сделали в жизни или сделаем в будущем, находится под контролем. Поэ-

тому в тонкой форме предлагали отказаться от выбранного нами пути - быть православными священниками - и искать приложения своим силам в другой сфере. Уже годы спустя я узнал, что моим поведением, политическими взглядами, убеждениями, привычками эти «органы» интересовались всюду: в школе, где я учился, в воинской части, где проходил службу, опрашивали учителей, командиров, друзей. Но, судя по всему, там для них не было ничего интересного, ибо милостью Божьей я не участвовал ни в пионерах, ни в комсомольцах, ни в партии. Единственный «компромат», который они смогли найти против меня, состоял в том, что мне припомнили, как я еще в школьные годы иногда позволял себе ходить в рубашке, заправленной не в брюки, а завязанной узлом на животе».

И если такая опека со стороны органов осуществлялась в 1970-е годы на фоне крепнущего и набиравшего силы правозащитного движения в СССР, то можно представить, в каких масштабах и какими методами она проводилась в послевоенные 1940-е годы.

Согласно сводному отчету ГУЛАГа, на 1 октября 1949 года в концентрационных лагерях этой огромной империи содержалось более 3,5 тысяч православных пастырей, из них 1876 священников пребывало в Унжлаге, более 500 человек – в Темниковских лагерях (Особый лагерь №3), 266 человек – в Интинлаге (Особый лагерь №1), остальные – в Степлаге и Озерлаге (Особые лагеря №4 и №7). Все эти места заключения принадлежали к лагерям каторжного типа [10].

Потенциально там мог оказаться любой неугодный безбожным властям священник. Поэтому выбор юноши Петра Сухоносова никак нельзя считать случайным стечением жизненных обстоятельств. Уже тогда, будучи наставляем своей опекушкой монахиней Фессалоникийей, он готовил себя не просто к священническому служению, а к настоящему христианскому крестоношению.

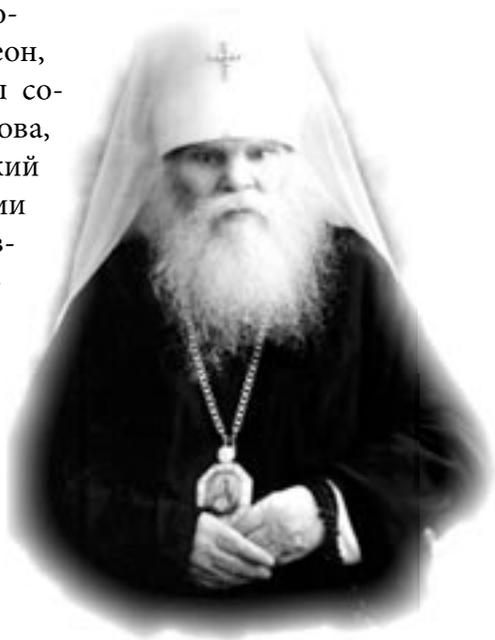
***Выпускники Ставропольской духовной семинарии 1952 года
вместе со своими преподавателями***

Правда, был, видимо, в этом выборе еще один - сугубо сокровенный, личный - мотив, о котором лишь недавно рассказал близкий друг детства отца Петра киевлянин Владимир Тихонович Затынайко:

«Как-то в один из душевных разговоров я спросил: «Петя, что побуждает тебя идти в священники? Ведь ты постоянно будешь подвергаться опасностям, преследованиям, издевкам, насмешкам, унижениям и возможно даже попыткам физического уничтожения». На это он ответил: «Я должен отмолить у Бога грехи своего отца...».

Покойный Ставропольский митрополит Гедеон, бывший в те далекие годы сокурсником Петра Сухоносова, вспоминал: «Профессорский состав нашей семинарии был самого высокого уровня. Некоторые из них, отсидев определенное время в лагерях, возвращались в Москву, Петербург, но там их как неблагонадежных не принимали. Их рекомендовали на Кавказ, на окраину... Нам повезло: в нашей семинарии были настоящие корифеи науки, и я впитывал все то, что они преподавали, о чем говорили, наставляли нас, будущих пастырей».

Действительно, преподавательский состав Ставропольской духовной семинарии того времени был очень мощным. В подборе преподавателей семинарии Владыка Антоний (Романовский) был чрезвычайно строг. К работе с семинаристами он привлекал только тех педагогов, которые отличались глубокой верой, нравственностью, знаниями. Достаточно назвать их имена: профессор протоиерей Александр Преображенский, профессор Иван Александрович Самуйлович, профессор Петр Иванович Харламов, профессор Дмитрий Петрович Огицкий, профессор Иван Иванович Зеленецкий, кандидаты православного богословия Николай Федорович Троепольский и Зиновий Ефимович Хаинский... Так по милости Божьей и попеченьями архипастыря настоящие светила богословской науки нашли приют в маленьком провинциальном городке, почти

станции, каким в те годы был Ставрополь. В большие города их попросту не пускали.

Владыка Антоний (на фото) сумел не только возродить духовную семинарию, но и добиться того, чтобы там царил дружественная, спокойная, по-настоящему семейная атмосфера. Кроткий святитель сам был очень прост, открыт, общителен, доступен, и юные семинаристы искренно любили своего заботливого и доброго наставника, который ласково называл их своими «птэнцами». Кроме того, из числа музыкально одаренных семинаристов Владыка организовал прекрасный церковный хор.

Когда сравниваешь два юных характера – будущих подвижников веры и благочестия отца Иоанна Кронштадтского и отца Петра – невольно поражаешься их схожести: кротости, незлобию, стремлению к тишине и уединению, особой молитвенной настроенности. Эти качества, как правило, свойственно видеть в зрелые годы, когда в душе человека утихают порывы юношеских страстей и эмоций. Их же изобильное проявление в юности, когда молодой возраст не только располагает, но даже требует, ищет экспрессии, чувственных порывов, налагает на юную душу особый отпечаток исключительности, избранности.

«По отношению к товарищам, - как в семинарии, так и в академии, - юноша был довольно осторожным, - так характеризует юного Иоанна Сергиева его биограф митрополит Вениамин (Федченков). - У него не было особых друзей; скорее можно сказать, он держал себя

*Выпускники Ставропольской духовной семинарии 1952 года.
Третий слева - отец Петр Сухонос*

замкнуто. И зная его природную, наследственную от матери строгость, или серьезность, можно легко представить, как и в студенчестве он был, скорее, одиночкой, накапливая свои силы, а не растрачивая. Лишь немногим открывал он свои мысли...» [11].

А вот как вспоминает об отце Иоанне его товарищ по академии Н.Г.Георгиевский:

«Все товарищи ... не видели от него никакого озлобления, хотя для этого и были случаи, ввиду его отчужденности от увеселений. Отец Иоанн отличался редкой набожностью. После обычной вечерней молитвы все мы, студенты, ложились спать; а он еще долго, стоя на коленях, молился пред образом у своей кровати.

Будучи не привязаны к внешней жизни, мы с о. Иоанном в течение всего академического курса ни одного раза не были ни на одной вечеринке, ни в одном театре; а все время проводили в чтении книг, нужных для сочинений» [12].

Все это по духу очень созвучно воспоминаниям о юном семинаристе Петре Сухоносове (на фото) ныне

покойного Ставропольского митрополита Гедеона (в миру Александра Докукина):

«Он как-то выделялся среди всех семинаристов. Было сразу видно, что он – Божий. Болезненный, слегка согбенный, отрешенный от мира. Мы озоровали, а он – нет. Его все жалели, любили, просили молитв. Одним словом – Божий избранник. Владыка Антоний его особенно любил, он же его и рукоположил» [13].

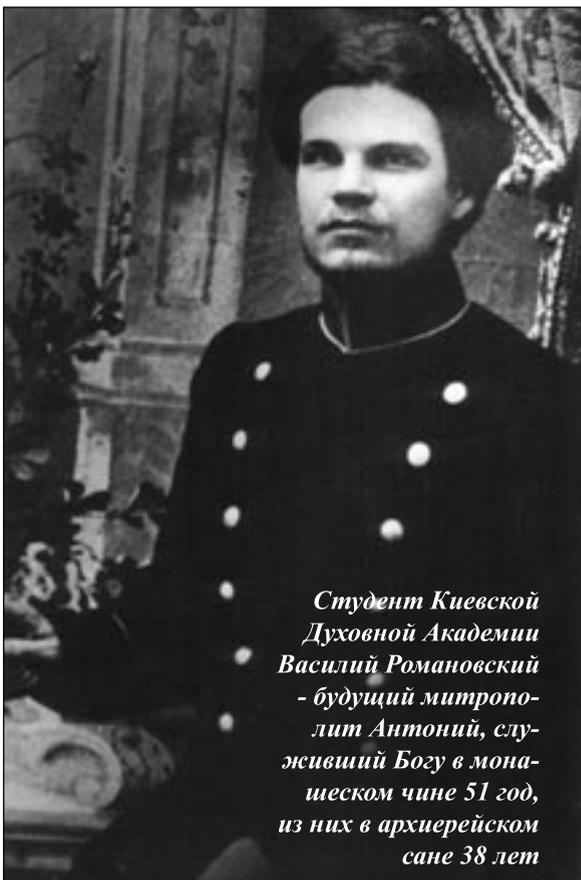
Воспитанный в материнской строгости, выросший в бедной и всегда бедствующей семье, с раннего воспитавший в себе привычку к труду и любовь к чтению, образованию, юный семинарист Петр Сухонос просто не мог относиться к учебе халатно, с прохладцей в душе, думая лишь о том, чтобы побыстрее выйти из стен «alma mater» и получить хороший приход.

Учеба в семинарии требовала огромного старания. Однако сам Батюшка позже признавался, что учиться ему не было в тягость, несмотря на нехватку общих знаний и жесткие требования преподавателей к учащимся. Недостаток школьного образования юноша компенсировал усидчивостью, кропотливым трудом с учебниками, постоянным самообразованием, расширением кругозора. Он с удовольствием изучал богословские науки, риторику, древние языки, священную историю. Но, по его же признанию, самым любимым предметом была литургия, где будущему пастырю открывался великий богословский смысл всего того, что совершалось в таинстве Божественной евхаристии.

Семинария, вне всякого сомнения, еще более расширила читательские интересы юного Петра Сухоносова, развила в нем любовь к умной книге, и эту любовь Батюшка будет стараться привить всем своим будущим воспитанникам, всемерно развивая в них тягу к образованию, чтению, просвещению.

Вместе с тем обучение в семинарии не было схоластическим. Вся ее система, включая быт семинаристов,

была пронизана духом веры и верности тех истинных великих подвижников, которые готовили православных пастырей к служению в то жестокое, бездуховное, безжалостное к Церкви и верующим людям время. К их числу в первую очередь относился главный попечитель Ставропольской семинарии Владыка Антоний (Романовский).

*Студент Киевской
Духовной Академии
Василий Романовский
- будущий митрополит
Антоний, служивший
Богу в монашеском чине 51 год,
из них в архиерейском
сане 38 лет*

Вот как информировал о нем Москву уполномоченный по делам религий И.Федоров в 1952 году: «Оставаясь внешне лояльным к советской власти, архиепископ Антоний внутренне сохраняет реакционную сущность. Не случайно он трижды привлекался к уголовной ответственности по ст. 58, п. 10 (антисоветская деятельность – прим. авт.), оказывал помощь семьям осужденных по этой же статье. Политическими вопросами и проводимыми в стране мероприятиями партии и правительства, за исключением отношения к Церкви, не интересуется. В личной жизни никаких излишеств не наблюдается.

Живет в маленькой комнате, которая одновременно является столовой. Рабочий кабинет, он же и приемная, - такая же маленькая комната, в которой с трудом помещается письменный стол и два стула...» [14].

Владыка Антоний, вне всякого сомнения, отличался выдающимися святительскими способностями. По некоторым сохранившимся свидетельствам, иногда люди видели над головой этого архиерея три светлых венца: монашеский, святительский и исповеднический. Пройдут годы – и сказанное о Владыке Антонии можно будет с полным правом перенести на его любимого ученика Петра Сухоносова: тот же аскетизм, та же необычайная скромность и непритязательность в личной жизни, то же горение веры, непримиримость к любой неправде. Именно эти качества нестигаемого пастыря Владыка прозорливо увидел в душе молодого семинариста Петра Сухоносова.

Сам же Батюшка напишет о своем дорогом наставнике после его блаженной кончины некролог – нигде не опубликованный, отпечатанный собственноручно на старенькой пишущей машинке и оставленной, вероятно, нам для того, чтобы имя достославного святителя никогда не было забыто людьми:

«Покойный иерарх, - пишет отец Петр о почившем о Господе Владыке Антонии, - отличался исключительной работоспособностью. Он неутомимо трудился всю жизнь, и лишь за неделю до кончины, пораженный тяжким недугом, лишившим его сил, он прекратил свой труд и слег. Но и в этом состоянии он не переставал заботиться о своей пастве, и даже за несколько часов до смерти спрашивал своего секретаря о епархиальных делах. В последние дни жизни Митрополит Антоний ежедневно причащался Святых Таин, а в самый день смерти он про-

сил читать над ним отходную и тихо молился. Перед тем, как испустить дух, он отчетливо произнес: «Господи, Боже мой...» и сделал знак духовнику. Тот прочел разрешительную молитву, вложил в руки умирающего святой Крест, и Митрополит Антоний тихо почил...»

Он говорит о нелегком жизненном пути почившего Владыки, наполненном великими скорбями и испытаниями, говорит о его личном подвижничестве, высокой праведности, любви к своей пастве. Слово памяти о своем учителе и наставнике отец Петр завершает необычайно жизнеутверждающе:

«Господь наш Иисус Христос взял на себя всю тяжесть грехов верующего человечества и нам дает благодать носить друг друга тяготы. Следовательно, мы можем с полной верою принимать участие в загробной жизни усопших. Сочувствуя загробному состоянию опередивших нас своим переселением, мы обязаны стремиться к улучшению их состояния во Христе Иисусе, пришедшем на землю для их спасения. «По мне гряди» (Лука, 11.59) – это слова, сказанные живому на его прошение прежде похоронить отца. Вот единственное средство помочь умершим! Жизнь живых без Христа, жизнь не в духе Христовом не улучшит состояния умерших. Умершие будут покойны и довольны нами, оставшимися еще на земле, когда мы любовь к ним выразим не словом только, а самым делом, истинною любовью. «Чадца моя, словом, ниже делом и истиною» – учит нас святой ви Иоанн. Любовь к умершим должна соответствовать любви Господа к друг друга так, как

на земле, ним выразим ко, а самым нашею жизнью любите языком, но (1 Ин. 3.18) апостол любнаша к умерветствовать нам: любите Я возлюбил

Выбор

Что значит быть хорошим священником? Владыка Вениамин вспоминает, что однажды он обратился с этим, казалось бы, простым и понятным вопросом, к молодым семинаристам, готовящим себя к пастырству.

«Нужно подавать добрый пример своей жизнью», - ответил один. Другой добавил: «Священник должен быть проповедником».

«Остался последний, - вспоминает Владыка, звали его Миша Вос-кий. Он был первым учеником шестого класса. Сдержанный, молчаливый, скромный, чистый, очень умный; ростом высокий, тонкий, опрятный.

«А вы что думаете, Миша?» - спрашиваю его.

Он спокойно, вдумчиво ответил:

«Я думаю, что священник прежде всего должен быть молитвенником». Я одобрил его. И мы сразу стали говорить об о. Иоанне Кронштадтском, именно как о типе пастыря-молитвенника» [15].

Тот же самый вопрос Владыка задавал уже и самим священникам, добиваясь от них ясности своего главного предназначения.

«Батюшка, уже не один десяток лет священствующий на приходах, и притом – весьма хороший душевно, на мой вопрос о главном деле и значении пастыря ответил: «Руководство паствой ко спасению». «А как?» - спрашиваю. «Через проповеди!»

«А вот, - говорю, - о. Иоанн Кронштадтский проповеди и руководство поставил на третьем и на четвертом месте!» Батюшка смутился: «Что же на первом? Службы, таинства?» «Да, это – выше проповедей; но и

то не на первом месте». Он совсем затруднился отвечать дальше и ждал моего разъяснения.

«Ходатайствовать за людей перед Богом» - вот что он поставил на первом месте; быть «посредником» между Богом и людьми. Вот какое главное дело пастыря!» [16].

Каждый, кто хотя бы немного знаком с богатым духовным наследием отца Иоанна Кронштадтского, знает, что почти все оно – начиная с первой самостоятельной проповеди, произнесенной в иерейском сане в первое воскресенье после хиротонии, и до последней страницы дневниковых записей – пронизано разъяснением высокого предназначения православного священника для духовного спасения пасомой им паствы.

В самом деле, сводить роль священника и священства лишь к проповедничеству, просветительству и руководству – значит ограничивать и умалять ее, низводить пастыря до уровня многочисленных «пасторов», «миссионеров», которые, противопоставляя свое учение единственно истинному и спасительному – православному, тоже занимаются проповедничеством, просветительством и наставничеством среди не слишком разборчивых в духовных вопросах людей.

Размышляя над великой тайной священства и ее воплощении в пастырстве Иоанна Кронштадтского, Владыка Вениамин замечает:

«В своем служении он делал то же, что и все священники; но не так же, но не с тем сознанием, как мы. Правда, и мы знаем, что лишь нам одним принадлежит право совершать таинства, богослужения, исправлять требы; но как? С каким сознанием? Мы «служим», мы совершаем «службы», мы исправляем наш «долг»... Какие все холодные слова! Какое низкое понимание! Эти слова можно сказать и про любого чиновника, и про воина, и про президента, и про ночного сторожа, и т.д.: они тоже выполняют свой долг; они тоже «службу» несут.

Но священники? Это – высочайшее небесное служение на земле. Они – выше всех земных властей. И цель их – спасение людей – выше всех других деяний человеческих» [17].

Владыка Вениамин постоянно проводит ту мысль, что кронштадтский праведник – прежде всего молитвенник перед Богом, любвеобильный ходатай за свою богоспасаемую паству и все человечество.

«Если кто хочет правильно понять о.Иоанна Кронштадтского, тот обязан смотреть на него так, как он сам смотрел на себя во все 53 года священства. И не проповедничество было его главным делом; и даже не любовь к людям, не практическое пастырство. Нет и нет! На первом месте у него должно было быть и было – богослужение в разных видах суточного круга: вечерни, утрени и особенно литургии; в совершении таинств; в молебнах и молитвах, - где бы он ни был, что бы он ни начинал делать. И особенно, исключительно, превыше всего Таинство Евхаристии, Причащение Св. Христовых Таинств, - вот суть его «ходатайственного» служения...

В этом, можно сказать, его отличительная особенность от других служителей и праведников Божиих. Например, апостол Павел считал для себя главным делом – проповедь: «не послал меня Бог, - говорит он, - крестить, но благовестить» (1 Кор. 1, 17); потому – «горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9, 16). Такова была задача и у всех апостолов. Но даже и они на первом месте ставили молитву...

Но еще не было такого священнослужителя – такого ревностного тайносовершителя, такого гимнолога Евхаристии – как о. Иоанн Кронштадтский.

Был в далеком прошлом св. Иоанн Златоуст; но и он в сознании Церкви остался преимущественно как проповедник.

И лишь о. Иоанн связан более всего с Евхаристи-

ей, как никто другой. И эта исключительность соединена именно с его представлением о сути своего священства как ходатайства пред Богом за себя и за людей. Он – посредник между Творцом и тварью, Богом и паствой» [18].

Поняв это, можно понять весь образ жизни, выбранный отцом Иоанном для своего служения Богу и людям, оставшийся непонятым, непостижимым для многих его современников. Протоиерей Петр Сухонос шел к Богу своим путем, во многом совершенно отличным от того, каким шел к Нему Иоанн Кронштадтский, что было обусловлено, как мы уже заметили, разными историческими условиями, разными судьбами. Это не поступь «след-в-след» и не слепое подражание святому, а глубоко смиренное воплощение в собственной жизни и собственной пастырской практике того, чему настойчиво учил молодых священников, что проповедовал людям и что совершал сам кронштадтский подвижник.

Глубоко символично, что оба пастыря – отец Иоанн и отец Петр – в своей личной жизни предпочли подвиг девства, как наиболее отвечающий их умонастроению, духовному расположению и священническому призванию. Этот подвиг святыми отцами всегда считался как чрезвычайно тяжелый, наполненный многими опасностями и соблазнами, особенно если учесть то, что возложили они на себя этот крест не в монашестве, а в миру.

Почему же при всем объединяющем их стремлении к духовному совершенству, молитвенному подвигу и аскетизму они не стали монахами? Трудно дать однозначный ответ.

«Основная линия души одно время толкала его к монашеству: тут все – Бог, все – для спасения души!

– пишет Владыка Вениамин, размышляя над тайной выбора Иоанна Кронштадтского. – И, казалось бы, ему, целомудренному юноше, должен быть более привлекательным именно этот образ жизни. И действительно, он предполагал постричься в монашество. Но куда дальше? Идти в монастырь? Нет! При всей его сильной вере и горячей любви к Богу этот путь жизни не влек его. Активная его природа требовала даже подвига, жизни, а не ухода от них в уединенное житие. И потому, думая о постриге в монахи, Сергиев мыслил себя не в скиту, а на миссионерском деле...» [19].

Постепенно юный Иван Сергиев отказывается и от мысли заняться миссионерством, ехать в глухую сибирскую тайгу или еще дальше – к алеутам в Северную Америку, а решает остаться в России, в родном Санкт-Петербурге – городе, уже наполненном в те годы пороками, злом, безбожием и всякой неправдой.

«Крест, поистине крест – исповедь!.. Видишь и чувствуешь, что, при глубоком невежестве людей, при неведении ими истин веры и грехов своих, при их окаменелом нечувствии, духовнику надо крепко, крепко молиться за них и учить их днем и ночью, рано и поздно. О, какое невежество! Не знают Троицы; не знают, Кто Христос; не знают, для чего живут на земле! А грехопадений-то?!..» [20].

Эти слова – уже из дневниковых записей самого отца Иоанна Кронштадтского, сделанные им на основе собственного пастырского опыта. Однако можно предположить, что эти мысли подтверждают то, о чем думал, что переживал юноша, проходя петербургскими трущобами, видя жуткое падение нравственных устоев и морали, становясь невольным свидетелем повседневных бытовых сцен жестокости и зла. Все склоняет юношу отказаться от мыслей уединиться от мирской суеты, стать келейным монахом или же проповедовать Евангелие дикарям-язычникам в сибирской

глухоты. Он ясно видел, что вся окружающая его столичная жизнь общества тоже преисполнена дикости и беспросветного язычества, что пороки пускают глубокие корни во все сферы жизни общества, и потому для него, будущего пастыря, тут непочатый край работы и служения Богу ради спасения ближних. Так он приходит к мысли о священстве в миру, а еще позже – о девстве в браке, в котором он проведет 53 года супружеской жизни.

Можно предположить (ибо в таком глубоко сокровенном вопросе мы сегодня можем опираться только на предположения), что мысли отца Иоанна Кронштадтского о неземной чистоте священнического образа в значительной степени повлияли на решение юного Петра Сухоносова тоже остаться в стороне от усад семейной жизни. Подобно тому, как на жизненный выбор юного Иоанна Сергиева повлияли мысли святителя Иоанна Златоуста о девстве, так и юноша Петр жадно впитывал в себя многое из того, о чем писал праведный Иоанн, обращаясь к своим собратьям-священникам:

«Сколь беспристрастен должен быть священник к земным вещам, чтобы, совершая такие службы и столь высокие пренебесные таинства, быть неуловимым от врага и гореть всегда чистою любовью к Богу и к сочеловекам, погибающим от грехов и спасаемым благодатию Христовою во Святом Духе! Но сколь велик навик наш ко греху! Сколь сильны наши пристрастия земные!.. Священник должен быть ангелом по возвышенности мыслей, по чистоте душевной и телесной, по горячности к Богу-Всетворцу и Спасителю и к людям, своим братьям» [21].

«Какие должны быть чистые, духовные уста у священника, столь часто произносящие всесвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа! Еще более – как духовно, чисто должно быть сердце, чтобы вмещать и ощу-

щать в себе сладость этого пречестного, великолепного и достопоклоняемого имени! О, как должен священник удаляться от плотских наслаждений, да не соделается плотию, в которой не пребывает Дух Божий! – До плотских ли наслаждений священнику, когда ему надобно неотменно наслаждаться единым Богом, да даст Он ему прошения сердца его? До плотских ли наслаждений, когда у него так много духовных чад, предъявляющих ему свои многоразличные духовные или телесные немощи, в которых нужно им душевно сочувствовать, подавать искренние и здравые советы, когда ему каждый день предстоит подвиг от всего сердца и со слезами молиться об них пред Владыкою, да не набезит на них и не расхитит их мысленный волк...! До наслаждений ли плотских священнику, когда ему надо совершать службы в храме и предстоять престолу Господню, когда ему так часто надо совершать Божественную, пречудную литургию и быть совершителем и причастником небесных, бессмертных и животворящих Таин, когда ему вообще так часто приходится совершать другие Таинства и молитвословия! Сердце, любящее плотские удовольствия, не верно Господу. Не можете Богу работать и мамоне (Мф. 6, 24)» [22].

В чистой душе будущего кавказского страстотерпца тоже горело стремление всецело, без остатка предать себя служению Господу, так, как возревновал о Нем кронштадтский пастырь. А если учесть колоссальное влияние, которое на отца Петра оказали его первые воспитатели и наставники, живые носители строгой христианской аскезы и самоотречения - монахиня Фессалоникия, иеромонах Симеон (Сиверс), Владыка Антоний, то желание выпускника Ставропольской семинарии Петра Сухоносова стать безбрачным приходским священником выглядит совершенно логичным решением.

Но почему он все же не стал келейным монахом,

а предпочел строгий аскетический образ жизни и подвижничество в миру? Ответ на этот вопрос следует, по всей видимости, искать не только в глубоком личном смирении отца Петра, считавшего себя недостойным носить ангельский образ, но и в тех же психологических и духовно-нравственных мотивах, которые побудили отказаться от монашества юного Иоанна Сергиева.

Подобно тому, как сердце будущего «всероссийского духовника» Иоанна Кронштадтского содрогалось и плакало в предчувствии наступающей на Россию тьмы, от каждодневного созерцания сцен духовного одичания народа, сердце юного Петра Сухоносова тоже сжималось от невиданного духовного опустошения, царившего по всей некогда Святой и богобоязненной Руси. Оно не могло не плакать при виде разрушенных храмов в его родном селе, оскверненных святынь, при общении с людьми, которые страдали и были отовсюду гонимы за веру, при каждодневном соприкосновении с атмосферой безбожия и тотального духовного растления. На его глазах вершилось то страшное время, о котором прозорливо предупреждал праведный Иоанн Кронштадтский, видя нарастание в обществе революционных настроений и безбожия:

«Вот вижу массой людей, старые и молодые, все в страшном одеянии, вывесили пятиконечную звезду огромную; на каждом углу по двенадцати бесов; на середине – сам сатана со страшными рогами, соломенной головой, испускал он зловредную пену на народ, выраженную в словах: «Вставай, проклятьем заклеименный...» [23].

С другой стороны, юноша не мог не видеть и другое: несмотря на все гонения и попытки властей навсегда вытравить из них всякое упоминание о Боге и Церкви Христовой, живая вера пробивала ростки в душах людей. Он видел, как они начинали тянуться душой и сердцем туда, где открывался живоносный источник

веры, любви и утешения, как они пытались разглядеть среди беспросветной тьмы спасительный лучик света.

Так народ потянулся к иеромонаху Симеону (Сиверсу), когда тот ненадолго нашел пристанище на Ставрополе. Интерес к его службам и проповедям был настолько велик, что простые люди вместо того, чтобы по привычке в выходные дни идти в клуб на танцы, потянулись в храм Божий. Впоследствии старец вспоминал об этом отрезке своей жизни: «Там я нашумел своими проповедями на исповеди. Я их проводил очень настойчиво, желая отвратить, омерзить ко греху человека кающегося. И вот какие там наступили времена: я начал службу в Великую Среду и, не выходя из храма, кончил на Пасху в 11 часов дня. День и ночь был народ. День и ночь приходили люди каяться, день и ночь шла служба. Если служба кончалась, то я начинал новую исповедь. Из Ставрополя удалось причастить почти тринадцать тысяч богомольцев. Победа Православия была велика! 1-е мая был сорван...» [24].

Вот с какими светильниками веры общался юный Петр Сухонос! И это общение, безусловно, не могло не оставить в его душе неизгладимого следа. Юноша, быть может, уже тогда видел свое служение свободным от брачных уз и семейных попечений. Он готовил себя, как и Иоанн Сергиев, к всецелому, всесовершенному приношению сердца своему Творцу и Спасителю: «Дай Мне, сын Мой, сердце твое...» (Притч.).

Нельзя не согласиться с близким другом детства Батюшки Владимиром Затынайко, склонным считать, что немаловажное значение в этом непростом выборе сыграла общая идеологическая и политическая атмосфера, которой были окружены священники в те годы в СССР: травля, издевательства, доносы, репрессии. И все это распространялось не только на самих священников, но и на их родных и близких, прежде всего жен и детей. Хорошо понимая это, отец Петр не хотел подвер-

Пастырство: первые шаги

Читая жития святых, особенно тех, кто жил в далекой от нас исторической эпохе, очень трудно, а порой и вовсе невозможно представить себе, как воспринимали этих людей при жизни их современники. Так, как мы? Святыми? Или как-то иначе, близко общаясь с ними, видя их образ жизни, слыша то, что они говорили и проповедовали?

Представим себе молодого иерея Иоанна Сергиева. Он только что закончил семинарскую учебу и занимает место второго священника в Кронштадтском Андреевском соборе, ставшее вакантным после кончины протоиерея Константина Несвитского. Отец Иоанн получает это место по заведенному тогда благочестивому обычаю: обвенчавшись с дочерью покойного батюшки Елизаветой, которая, приняв поначалу не без ропота перспективу прожить с суженым ей Богом супругом, как родная сестра, впоследствии станет ему верной опорой на всем 53-летнем пути совместной жизни.

Молодой отец Иоанн приступает к священническому служению, наполненный внутренним горением перед Богом. Ему хочется служить и служить – ежедневно, с вдохновением, энтузиазмом, не зная усталости.

«Вот зрелище божественное – литургия! Зрелище бесконечной любви, премудрости, всемогущества, правды, святости и обновления человеческого существа, растленного грехом, ощущение бесконечной сладости, красоты, света, блаженства: ибо в сем таинстве сокрыты для смыслящих и благочестивых бесконечная сладость, красота, свет, блаженство, святость, правда

вечная, всемогущество, благость и премудрость Божия: не насытится сладким и светлым созерцанием ум, восхищением и блаженством сердце, при размышлении об этом таинстве беспредельной любви Божией к погибающему роду человеческому...» [25].

«Совершая благоговейно и чистым сердцем литургию, можно и должно крепко надеяться, что мы испросим чрез нее у Бога все потребное для душ и телес наших: оставление грехов, здоровье и спасение и во всем благопоспешение живым, и милость Божию, оставление грехов и упокоение со святыми всем в вере, покаянии и уповании вечной жизни преставльшимся. Литургия всеильна, вседейственна, ибо вообразите, какая жертва на ней приносится? Сам Единородный Сын Божий. Если же Бог Сына Своего Единородного для нас не пощадил, то как не даст нам с Ним всего (Рим. 8, 32)! Апостол недоумевает, как может быть иначе. Итак, священники святой православной Церкви, твердо знайте и помните, какое в руках ваших средство к умилостивлению Бога о всех людях, о всем мире, ибо это – жертва всемирная, и старайтесь совершать всегда литургию горящим духом, горним умом и сердцем, отложив всякое житейское попечение. О, какую Бесценную, страшную, небесную и пренебесную Жертву вы приносите, дивную и страшную самим небесным силам. Молите крепко Господа, чтобы вам достойно совершать это чудное таинство» [26].

С такими высокими мыслями, умонастроением и душевным трепетом приступает иерей Иоанн Сергиев к главному священнодействию – совершению Божественной литургии. И хотя эти мысли были написаны им значительно позже, не будем забывать, что он принял священнический сан духовно цельной, сформированной личностью. То, о чем он будет наставлять позже, фиксировать в дневниковых записях и проповедовать перед народом, было заложено в нем от юности.

Но как воспринимали это юношеское рвение его старшие собратья?

Некоторые биографы Иоанна Кронштадтского отмечают, что у молодого иерея сразу же появились противники, и едва ли не первым из них стал сам настоятель Андреевского собора. Про нового батюшку поползли разные, подчас совершенно нелепые слухи, его заподозрили едва ли не в сектантстве, на него пошли жалобы митрополиту и обер-прокурору. Дело доходило до того, что настоятель, по свидетельству некоторых очевидцев, забирал с престола антиминос и уносил его с собой домой, лишая таким образом отца Иоанна возможности ежедневно совершать Божественную литургию.

Так начинался путь будущего «всероссийского духовника». Чтобы тут ничему не удивляться и ничем не смущаться, нужно просто понять человеческую психологию. Многие люди довольно часто склонны встречать все новое с некоторым недоверием и даже беспокойством, что при определенных обстоятельствах может перерасти в раздражение, а потом и в противостояние, борьбу.

Это теперь мы смотрим на Иоанна Кронштадтского как на великого молитвенника, подвижника веры и праведника. А так ли на него, вчерашнего семинариста, смотрели те, кто служил уже много лет и привык к установившимся порядкам? Службы только по воскресеньям и «красным» датам церковного календаря. Были, правда, еще заказные обедни – больше как исключение, а вовсе не как правило религиозной жизни того времени. Стоит ли удивляться, что люди причащались все реже и реже: одного раза в году считалось вполне достаточным для того, чтобы жить с чувством исполненного христи-

Обе фотографии сделаны вскоре после окончания учебы в семинарии - в 1952 году

анского долга. Так мог ли оставаться равнодушным ко всему этому истинный иерей, слуга Божий, которому принадлежат высокие слова, процитированные выше?

Молодой иерей Петр Сухонос тоже входит в самостоятельную священническую жизнь натурой пламенной, целеустремленной, ревностной о Боге, молодая кровь горит в нем жажду подвига, а святые семена, посеянные в его душе пастырским словом «Моей жизни во Христе», начинают уже пробиваться первыми благодатными ростками. Выросший в бедности, Батюшка сознательно ограничивает себя не только от усад семейной жизни, но от всего, что могло бы стать соблазном для него и других людей. Вся домашняя обстановка предельно проста и скромна, никаких украшений, никаких излишеств.

Вот он перед нами, запечатленный на стареньких фотографиях, сделанных, судя по всему, вскоре после иерейской хиротонии: еще совсем молодой, борода и усы едва-едва обозначились на благообразном юношеском лице. Первая фотография сделана в фотоателье,

а вторая, где отец Петр стоит возле икон Спасителя, архангела Михаила и святителя Николая, держа в правой руке на престольный крест, - без сомнения, любительская. Оба фото взяты из архива покойной монахини Анастасии, которой - в те далекие годы молодой девушке Шуре - вчерашний семинарист Петр Сухонос подарил с лаконичной подписью на молитвенную память.

После рукоположения в сан диакона, а затем в иерея, Петр Сухонос получает от правящего архиерея Владыки Антония место второго или, возможно, даже третьего священника в кафедральном соборе Ставрополя. Заметим - тоже Андреевского (см. фото на цветной вкладке). Но тут важно не это, пусть даже совершенно случайное совпадение (будем помнить, что у Бога нет ничего случайного), а другое: ревностный молодой иерей, вчерашний семинарист, тоже сразу впал в немилость старшим священникам. В чем тут дело? В слабом, не слишком музыкальном голосе, как-то не очень гармонирующем с величественной обстановкой кафедрального собора? В том, что новичку покровительствует архиерей, решивший оставить его возле себя?

Нет, всему причиной - то же самое, что в свое время послужило поводом для недовольств на моло-

дого Иоанна Сергиева: желание всецело отдаться служению Богу - без остатка, без отдыха и раздумий.

Отец Петр совершает Божественную литургию, но лишь в дни, когда получает благословение настоятеля. В основном же он исповедует прихожан, делая это чрезвычайно старательно, проникновенно, стараясь возбудить в каждой душе, которая ему открывала свои сокровенные тайны и язвы, омерзение ко греху и всякой неправде. Отец Петр исповедует людей без спешки, не подгоняя их, а, наоборот, располагая своим самым непосредственным соучастием и состраданием, к сердечному плачу, глубокому покаянию. Чувствуя это соучастие, душевную теплоту, люди тут же потянулись на исповедь к молодому священнику. Они внутренне почувствовали, что тут мало было сказать: «Согрешил делом, словом, помышлением». Он ждет и готов человеку помочь покаяться искренно, слезно, с твердым намерением исправить свою жизнь.

И здесь можно представить себе ситуацию: литургия подходит к концу, а к молодому клирику еще стоят исповедники. Пора выходить с Чашей Причастия, а молодой Батюшка учтиво, без спешки и суеты выслушивает каждого, кто подходит к нему и встает под епитрахиль.

У отца Петра действительно был особый дар исповедника. Тот, кто исповедовался у него, знают, что это была не просто исповедь, а глубокое сокрушение сердца о грехах перед Богом. Батюшка старался помочь человеку увидеть всю мерзость того, чем была запачкана душа. Если она была огрубелой и нечувственной, настоятель пытался размягчить ее своим участием и слезами.

«Неужели вы сделали это?.. - глаза того, кто стоял под епитрахилью, встречались с умоляющим взглядом Батюшки. - Неужели все это - правда? Не верю... Может, вы наговариваете на себя или вам что-то кажется?»

Нет? Как же это все случилось?...»

И человек начинал раскрывать тайники души, оплакивая совершенный грех вместе с пастырем.

«Вы искренно раскаиваетесь в том, что произошло? - тихо спрашивал Батюшка своего собеседника. - И так же искренно хотите, чтобы грех не повторился? Тогда молитесь Спасителю и Божьей Матери. Давайте вместе будем молиться - и Господь простит...»

Отец Петр совершал исповедь глубоко смиренно, кротко, осознавая себя недостойным свидетелем великого присутствия во святом таинстве Самого Бога. Он никогда не торопил человека, желавшего очистить свою душу от греховной скверны, не подгонял его и не ограничивал во времени. А желающих исповедаться у него было всегда много. Если люди приезжали издалека и останавливались ночевать, то исповедь начиналась с вечера и продолжалась допоздна, чтобы дать возможность человеку спокойно, собранно открыть все, что тяготило душу.

Рассказывают, что однажды, когда Батюшка приехал недолго погостить на родине, к нему обратились с просьбой исповедать его родственника, обреченного на смерть тяжелой формой раковой болезни. Сам больной долгое время не решался открыть пред Богом свою душу, а когда согласился, то просил сделать это в присутствии протоиерея Петра Сухоносова. Рано утром к Батюшке приехали на легковой машине. Отец Петр был безмерно рад помочь облегчить душевные и физические страдания несчастного, и немедленно собрался к нему.

Вскоре прибыли на место. Батюшка зашел в комнату к больному, затворив за собой дверь, а остальные родственники остались в соседней комнате ждать. По-

просили посидеть и хозяина машины: все почему-то считали, что исповедь будет недолгой, и священника надо отвезти назад. Но прошел час, другой, третий... Отец Петр так и не выходил. Из-за плотно прикрытой двери слышалась лишь приглушенная беседа двух человек. Не дождавшись, когда все завершится, водитель уехал. А исповедь все продолжалась. Лишь через 7 часов из комнаты вышел отец Петр, а за ним его родственник, который до этого лежал на своем одре, не находя места от невыносимых болей. Оба предстали перед родней в состоянии духовной радости и умиротворения.

«Ну вот, - радостно улыбнулся отец Петр, - а мне говорили, что он уже мертвец. А мертвец-то воскрес!» И, не увидев в комнате водителя, спросил: «А кто же меня повезет назад?» «Да я отвезу сам», - к еще большему удивлению всех бодро сказал больной. И, действительно, сев за руль своей машины, сам отвез Батюшку в соседнее село, где его ждали. А вскоре он с миром отошел ко Господу.

О периоде служения отца Петра в ставропольском кафедральном соборе – очень непродолжительном – не сохранилось почти никаких дополнительных сведений. Но вот один поистине удивительный случай, происшедший с ним именно в это время, до сих пор вспоминают старые прихожане собора, передавая это чудо из уст в уста. Если обобщить воспоминания, разнящиеся между собой лишь в незначительных деталях, то происшедшее событие выглядит так.

Однажды вечером к молодому отцу Петру Сухоносову пришла женщина и слезно стала просить причастить ее тяжело больного сына - офицера в большом чине. Отец Петр дал листочек бумаги и попросил записать его домашний адрес. Женщина записала и с

благодарностью ушла. Рано утром, взяв Святые Дары, Батюшка направился по указанному адресу и действительно увидел в доме больного человека.

«Но я никого не приглашал», - удивленно признался тот, увидев на пороге священника. Тогда отец Петр пояснил, что об этом его попросила незнакомая женщина - и протянул больному листочек бумаги с адресом, написанным ее рукой.

«Да, это почерк моей мамы», - изумился больной и добавил: «Но ведь она три года как умерла...»

На стене висела фотография:

«Вот эта женщина приходила вчера ко мне», - сказал Батюшка, взглянув на фото, что висело в комнате.

«Это и есть моя покойная мама, - сказал растроганный сын, - и раз она прислала Вас ко мне, то я исполню все, что она велела».

Отец Петр исповедал больного и причастил его. Рассказывают, что вскоре после этого он мирно отошел ко Господу...

Предоставим право рассуждать о чисто сакральной стороне этого события людям более духовным и опытным в таких вопросах. А вот задуматься над тем, почему оно случилось с отцом Петром, - задумаемся. Есть ли что-то закономерное в том, что таинственная посланница пришла

именно к нему? Обратим особое внимание: она пришла просить не об исцелении тяжелого больного, а о его причастии, соединении с Христом в высшем церковном Таинстве – Святом Причастии, венчающем еucharистическое служение, которое так возлюбил всем сердцем молодой иерей.

Еще обратим внимание на то, с какой кротостью и одновременно готовностью откликается он на просьбу гостя. Он не обставляет свой ранний визит к больному никакими условиями, а ведь мы не знаем, как далеко тот жил, что он был за человек, какого склада характера и устроения, как бы он встретил непрошеного гостя. Отец Петр лишь просит записать адрес этого человека и утром спешит к нему, прижимая к груди Святыне Дары.

Образ иерея Божьего в этой истории необычайно привлекателен. Однако не забудем: его ревность в служении вызывает раздражение и недовольство старших собратьев-священников. А что архиерей? Встает на за-

щиту любимого ученика, выгораживает его, пытается как-то унять эмоции? Нет, он поступает по-другому: дает отцу Петру Сухоносому собственный приход в станице Малые Ягуры – в те годы страшном захолустье. Но Батюшка вовсе не скорбел об этом, а даже был рад новому назначению, ибо, воспитанный в простой крестьянской семье, он искренно считал себя недостойным братья за духовное наставничество образованной городской публики.

«Отец Петр служил у нас очень ревностно, никому не отказывал в помощи, - вспоминает бывшая жительница этого села Прасковья Николаевна Могильная. - Наше село протянулось более 7 километров, а Батюшка шел к людям и в погоду, и непогоду: в дождь, пургу и метель, по любому бездорожью. Иногда ехал повозкой, запряженной в пару волов. Не боялся угроз властей, старался во всем поступать по совести и вере».

Сохранилось несколько редких фотографий того далекого периода. На одной из них отец Петр сидит рядом с мамой и сестрой в окружении церковного совета возле своего домика. А вот на другом любительском фото Батюшка уже стоит за углом дома и что-то сосредоточенно читает, держа в руках развернутую книгу, а мама и сестра находятся у входных дверей. Трудно понять, какое это время года: ранняя весна или поздняя осень. Судя по записи, сделанной Батюшкой собственноручно на обратной стороне фотографии, в этом домике они живут уже два года. Хатка аккуратно побелена, а вокруг все прибрано, блестит чистотой и порядком. Еще одна деталь: дождевой желоб с крыши опущен в небольшую емкость, литров на тридцать. Видно, уже тогда она использовалась для приготовления еды: эту привычку отец Петр сохранил до последних дней.

Одновременно с назначением отца Петра в Малые Ягуры архиерейским указом ему предписывалось обслуживать и соседние станицы. И что же? Молодой

иерей активно берется за дело. За короткий срок он сумел переоборудовать для совершения богослужений хатку и даже увенчал ее крышу небольшим куполком с крестом, что по тем временам было мужественным поступком: власти не прощали священникам инициативы и старались всячески притеснить ревностных пастырей. Так стал «неудобным» местному уполномоченному по делам религий и молодой настоятель Петр Сухоносков. Вскоре для расправы с ним нашелся формальный повод.

В одном из соседних с Малыми Ягурами сел - Камбулате - верующие купили маленькую пустовавшую хатку, снесли туда иконы и стали собираться по воскресным дням и праздникам. Решили, что так будет лучше и для людей, и для самого Батюшки: теперь ему не надо ездить по домам причащать больных или служить молебны - все можно совершать в одном месте. Но кому-то из враждебно настроенных атеистов такая инициатива показалась неслыханной дерзостью, и в органы пошел грязный донос. Во всем обвинили отца Петра Сухоноскова, который, якобы, совершил самоуправство, открыв в селе новую церковь. Уполномоченный обратился на имя правящего архиерея Владыки Антония и в вышестоящие инстанции государственной власти с предложением незамедлительных мер в отношении настоятеля.

Сохранилось одно из таких донесений председателю Совета по делам РПЦ. В этом документе, датированном 10 января 1959 года, в частности, сказано:

«Имел место случай нарушения закона об открытии церквей. В с. Камбулат Петровского района, в доме сирот Леляковых, с разрешения их дяди Лелякова И.М. группой верующих был оборудован молитвенный дом (в дом было внесено 22 иконы, сделан аналой). Священник Сухоносков П.П. из села Малые Ягуры приезжал в с. Камбулат по требованию верующих, проводил

службы и совершал требы... Несмотря на предупреждение Петровского райисполкома о незаконности этих действий, священник Сухоносов продолжал посещать Камбулат и 4 ноября 1958 года совершил в доме Леляковых церковную службу с большим стечением верующих... Организованный самовольно молитвенный дом в с. Камбулат закрыт, а священник Сухоносов П.П. снят мною с регистрации...»

«Отец Петр не боялся никаких угроз со стороны властей, - пишет в своих воспоминаниях Прасковья Могильная. - Нам с супругом очень хотелось, чтобы Батюшка нас повенчал, потому что мы жили невенчанными 14 лет. Муж, правда, боялся, что об этом узнают власти, и он потеряет работу. А Батюшка говорит: «Приходите вечером, я вас повенчаю. Никто не будет знать, только Господь». Мы так и сделали. Он вообще очень болел за людей. Когда мы переехали в другое село, то там не было церкви. Из-за этого Батюшка сильно скорбел за нас, говоря, что мы стадо без пастыря. Каждый год из Слепцовки он присылал нам церковные книжечки, календари, оформил мне подписку на церковный вестник, чтобы все верующие могли читать».

Несколько месяцев – с марта по июль 1959 года – Батюшка служил настоятелем Покровской церкви в соседнем селе Дивное, а затем получил архиерейский указ ехать на окраину Ставропольского края, к калмыцким степям – в село Рагули, чтобы сменить там настоятеля местного Михайло-Архангельского храма.

Этот период пастырского служения отца Петра тоже был крайне непродолжительным: уже весной следующего 1960 года отец Петр вынужден покинуть и этот приход, несмотря на то, что в Рагулях у него жили родственники и близкие люди, которые, собственно говоря,

«ЖИВИ ЖИЗНИЮ СВЯТЫХ...»

Свою первую Божественную литургию на новом месте отец Петр отслужил вскоре после Пасхи - 21 мая 1960 года, в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. С этого дня вся жизнь и пастырство Батюшки связана со Слепцовкой – так местные жители до сих пор называют станицу Орджоникидзевскую. Этот период охватывает без малого сорок лет священнического служения отца Петра Сухоносова. 28 марта 1999 года – в воскресенье пятой седмицы Великого поста – Господь сподобит Батюшку в последний раз совершить Божественную литургию в ставшем ему родным храме, откуда он взойдет на свою Голгофу, смиренно предав себя в руки похитителей-работорговцев. Этот продолжительный, почти 40-летний период окончательно формирует образ отца Петра не только как пастыря-мученика, страстотерпца, но в первую очередь - как подвижника, молитвенника и сострадателя человеческим немощам. Именно здесь отец Петр в наибольшей мере приблизился к тому идеалу пастыря Божьего, о котором говорит Иоанн Кронштадтский:

«Живи жизнью святых, молитвою, мудрованием их, добродетелями их: кротостию, смиренномудрием, незлобием, непощадением и отвержением себя, своего покоя, довольства и наслаждения, ради любви к Богу и ближнему, терпением, мужеством, борением, - их верою, упованием, любовью. Да будут чресла твои препоясаны и светильник горящий, и ты подобен человеку, чающему господина своего, когда возвратится от брака (Лк. 12, 35-

***Большой Кавказ:
горы тут совсем
рядом***

36)» [27].

«Каждый священник есть апостол в своем селе или приходе (или церкви городской) и должен ходить по домам, благовествуя Царствие Божие, невеждам наставляя, нерадивых, беспечных, в страстях и похотях живущих возбуждая к христианскому житию, благочестивых и трезвенных ободряя и поощряя будущими наградами, немирлолюбивых подкрепляя и утешая...» [28].

Станица Орджоникидзевская расположена территориально как раз посередине между двумя большими городами – Грозным и Владикавказом, примерно по 50 километров в оба конца. Покровская церковь была единственным действующим православным храмом на пять густонаселенных казачьих станиц.

Для православного священника тут непочатый

12 августа 1970 года. Отец Петр на пороге Покровской церкви в станице Слепцовой

край работы, только успевай совершать требы, выезжать на просьбы верующих: крестить младенцев, венчать молодоженов, соборовать больных, отпевать усопших. В воскресные дни и большие праздники – службы в самом храме. Словом, обычная жизнь, знакомая каждому приходскому батюшке. Этой-то жизнью и жили, сменяя один другого, особо не задерживаясь в здешних краях, несколько священников, прежде чем в Слепцовку приехал молодой иерей Петр Сухонос.

По воспоминаниям, прихожане поначалу встретили отца Петра довольно настороженно. Терские, сунженские казаки – народ особый. Это сословие было всегда глубоко верующим. Согласно архивным документам, 1937 год – время жесточайших репрессий против Церкви – стал годом возобновления церковной молитвы в станице Слепцовой. Казаки даже в тот страшный период отстаивали свое право на молитву,

Слепцовка. Отец Петр с монахинями Дорофеей, Феофанией, своей мамой и сестрой

не идя ни какие компромиссы и не страшась угроз со стороны властей.

Когда в станицу приехал отец Петр Сухонос, верующие присматривались, как поведет себя новый настоятель, как он будет служить. Их опасения были вполне оправданны, потому что непосредственные предшественники отца Петра совершали богослужения с отступлением от церковного устава в угоду реформаторским «новациям», внедряемым властями для дальнейшего обезбоживания народа. Казаки же, прочно стоявшие в вере своих предков, восставали всякий раз, когда видели искажение или упрощение вековых традиций, заповеданных святыми отцами Церкви. Особенно ревновали о чистоте и непогрешимости службы две здешние старицы - Дорофея и Феофания. Они были монахинями, доживавшими свой век земной при церковном дворе, поскольку их родная обитель была на

Покровская церковь в станции Слепцовской

тот час разорена и ликвидирована.

«Пошатнулись столпы, - сокрушенно говорили подвижницы, глядя на то, как стали совершаться богослужения. - Не Богу угождаем, а властям. Служим не по-апостольски».

Вот почему с такой осторожностью и в то же время надеждой прихожане встретили отца Петра Сухоносова.

«Люди пришли, напитанные скорбями, - вспоминает Евдокия Евдокимовна Афолина, проработавшая церковным кассиром вместе с отцом Петром более тридцати лет. - Все устали от того, что творилось, всем хотелось, чтобы закончились, наконец, раздоры и нестроения».

И когда молодой настоятель совершил тут свое первое богослужение, народ облегченно вздохнул, воздав благодарение Богу, пославшему им ревностного пастыря. Отец Петр Сухонос стал действительно «апостолом» на своем приходе и в окрестных селах, духовным кормчим для весьма многочисленной паствы: он

не уединялся в своем храме, а постоянно ездил по соседним станицам, совершая там требы - крестил, отпевал, венчал, соборовал, причащал. В дни многодневных постов он собирал больных, старых, немощных людей из других станиц, которые не могли по состоянию здоровья приехать в Слепцовку, в чьей-то одной хате, и там их соборовал и причащал. А всех местных Батюшка старался соборовать только в храме в установленный

им день.

При таком молитвенном горении в храме всегда были люди. Они шли сюда потоком, особенно в дни больших праздников и поминальных суббот. Обычно служба начиналась уже в 5 часов утра, но казаки собирались в храме еще раньше - с 4 часов утра, когда на дворе было совершенно темно. Многие шли пешком 8-10 километров, чтобы успеть на богослужение. Когда настоятель входил в храм, там уже находилось много прихожан. Благочестивые казаки старались придерживаться дедовских традиций: мужчины стояли по правую сторону, в рубашках с длинными рукавами, все пуговицы до подбородка застегнуты, сама ж рубашка навыпуск, ремень поверх ее; женщины стояли слева, платья и кофточки тоже с длинными рукавами, все - от девочек до старушек - в белых косыночках или платочках. Центральный проход всегда свободен.

В храме, где служил отец Петр, и на всей церковной территории всегда царил безупречный порядок и чистота. На иконах - ни паутины, ни пыли, окна, двери, пол и кровля вовремя выкрашены. Чаша, кресты начищены до блеска. Напрестольное Евангелие тоже в идеальной чистоте.

Отец Петр любил церковную живопись, глубоко почитал святые иконы. Не только в храме, но во всех церковных помещениях можно видеть огромное количество самых разнообразных икон: рядом с древними образами в сверкающих окладах стоят цветные литографии и совсем скромные иконочки, написанные любительской кистью. Батюшка искренно восхищался старинными гравюрами и образами, приготовленными у него ко всем праздникам. Показывая их близким, с восторгом говорил: «Посмотрите, какие живые лики и краски!» В Киеве у своего знакомого иконописца и реставратора он обновлял потемневшие образа, заказывал новые иконы. А на веранде находилось множество

репродукций и фотографий. Среди них - дореволюционные снимки уничтоженных в 20-30-е годы кавказских храмов, фотографии церковных событий давних лет. Все находится в рамках, под стеклом, и содержится в чистоте.

Батюшка установил порядок: совершать каждую субботу заупокойное богослужение, чтобы все желающие могли поминать своих усопших родных и близких. В этот день после литургии совершалась панихида: стол выносили на середину храма, свечи на приношения ставились большие, чтобы горели долго. Отец Петр без спешки, четко произносил каждое имя, которое поминалось, кадил с прилежанием и любовью. Он не просто молился, а вымаливал души усопших. Если же отпевал покойника, то обязательно в храме, после чего усопшего несли через всю станицу 3 километра на христианское кладбище в сопровождении священника и певчих,

Освящение плодов

под колокольный звон и погребальное пение: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас», что в других местах властями было категорически запрещено.

Так же трогательно и свято проходили родительские субботы: Батюшка выходил на кладбище, служил на могилах. Не забывал он отслужить литию на могиле царского генерала Николая Слепцова, в честь которого была названа станица, упокоенного тут же, на старом казачьем погосте. Не пропускал Батюшка также ни одного так называемого «малого» праздника церковного календаря, неопустительно отмечая память всех православных святых.

В дни Великого поста отец Петр Сухонос обязательно объезжал все вверенные ему станицы, навещая тяжело больных прихожан, не имевших возможности из-за болезни прийти или приехать в храм. Таких людей он на месте исповедовал, приобщал Святых Христовых Таин, соборовал, беседовал с ними, утешая их скорбь своим пастырским словом. Не было такого дома, где бы не знали имя отца Петра. Ни одно мало-мальски серьезное дело - строить ли дом, куда-то ехать, решать семейные проблемы - ничто не начиналось без Батюшкиного благословения. Прихожане ехали сюда днем и ночью, совершенно не оставляя ему времени на отдых.

«К нему ехали люди со всего нашего района, со всех станиц, - вспоминает потомственная сунженская казачка Татьяна Ивановна Скутарева, - люди любили его за доброе и милое сердце. Случалось так, что Батюшка служил в день по несколько погребений, очень уставал, но все равно никому не отказывал, ни с кого не требовал денег за требы. Кто сколько даст, то все отдавал больным, немощным, обездоленным. А если у людей не было чем заплатить священнику за службу, то он никогда не обижался. Мы крестили и венчали у него всех своих детей и внуков, постоянно приглаша-

ли к себе домой соборовать тяжело больных, освящать наше жилище».

К этому надо добавить, что всех, кто шел к нему креститься - и детей, и взрослых - Батюшка крестил только полным погружением в воду. Взрослым для этих целей в специальной комнате была приготовлена большая бочка. К тому же, ни одно крещение не обходилось без предварительной пастырской беседы с восприимниками. Святое крещение для людей становилось действительно великим Божественным Таинством, а не совершением формального обряда кумовства, лишенного спасительной благодати.

Сама атмосфера, царившая на богослужениях в этой небольшой сельской церквушке, была поистине неземной - об этом вспоминают все, кто лично знал протоиерея Петра Сухоносова и постоянно посещал Покровский храм в Слепцовке.

И все же: в чем тайна огромного религиозного влияния, которого достиг этот скромный сельский священник? Она – тайна эта – кроется именно в священстве, в том возвышенном молитвенном состоянии, в котором постоянно пребывал смиренный дух отца Петра, все сильнее и сильнее возгорая к Богу, от первой Божественной литургии, совершенной им, молодым иереем, в кафедральном соборе, до последней, совершенной уже в возрасте почтенного старца перед Кавказской Голгофой. Дела милосердия, деятельное участие в судьбах многих людей будут, конечно же, важной стороной его многолетнего пастырства, но - подчеркнем особо - не это, а глубокая, живая вера – не половинчатая, не раздвоенная, а очень глубокая, искренняя, цельная, органично сплетенная с делами добра и милосердия, подкрепленная ими, сделала образ скромного иерея Божьего Петра Суханосова необычайно притягательным для людей самых разных возрастов, профессий, национальностей, убеждений. Службы в храме, прежде всего Божественная литургия, стали его ненасытной пищей, дыханием, его жизнью во Христе. В этом возвышенном состоянии духа пребывали все святые подвижники и ревностные служители Церкви.

«Какой чести сподобил Бог человека, вселяясь в него чрез св. Тайны и ходя в нем и с ним, - словом, сделав его храмом Своим одушевленным, как Господь и сказал: к нему (творящему заповеди Его) приидем и обитель у него сотворим (Иоан. 14, 23). А между тем люди, христианское имя носящие, большею частию не чувствуют этого безмерного благодеяния Божия, безчувствуя храм Божий, тело свое и душу свою, всякими грехами, всякими страстями и похотями. О, бесчувствие, безумие и окаянство наше! Вселенная, столь величественная и прекрасная, не вмещает Творца и Господа своего и недо-

стойна вместить Его, как вещественная, а человеческая душа вмещает Его, делается членом Его, невестою Его. О, высочайшая честь, о, божественное достоинство!» [29].

«Литургия и, вообще, Богослужение нашей православной Церкви – праздничное и буднее, особенно праздничное, поставляет нас в живейшую связь с Главою Церкви Господом Иисусом Христом и с Пречистою Владычицею Богородицею, с небесными невестственными Силами ангельскими и со всеми святыми, коих мы непрестанно прославляем, благодарим, умоляем о заступлении, помиловании, помощи; Господь сказал: се Аз с вами во вся дни до скончания века (Мф. 28, 20). Присутствие своего Владыки и Бога мы особенно ощущаем в Богослужении и преимущественно в Литургии, в которой мы существеннейшим образом соединяемся с Ним в причащении св. Его Таин. Господь в продолжении годичного круговращения времени каждый год как бы рождается пред очами нашими, обрезывается, сретается в храме Симеоном, крещается, исходит на проповедь миру, чудодействует, претерпевает зависть и вражду от книжников, фарисеев, первосвященников, страдает, умирает на кресте, погребается, воскресает, возносится на небо, ниспосылает Святаго Духа на верующих в Него» [30].

Подобно тому, как неверующим, духовно невежественным людям было странно понять веру, которой горел слепцовский пастырь, отец Петр не мог понять, принять или же согласиться с безбожием в любой его форме. Он просто не представлял себе безбожной жизни.

«К кому же идти, как не к Богу? - вопрошает он в письме неверующую. - Не к сатане же, врагу нашему, ненавидящему нас, а к любящему нас Богу. Он умирал, чтобы нам было благо, так за это Его ненавидеть? Нельзя же опускаться до детского возраста неразумного, жить только одним часом».

Какой бы отрезок биографии отца Петра мы ни взяли, перед нами всюду предстает прежде всего образ пастыря-молитвенника. В его маленькой сельской церквушке молитвенная жизнь не тлеет, а по-настоящему кипит, отец Петр служит постоянно, не представляя себе иного образа жизни.

Он крайне редко без весомой причины покидал свой храм. В молодые годы отец Петр вместе с мамой и сестрой совершил несколько поездок по святым местам: бывал в Киеве и Почаеве, поклонился многим святыням Руси. На обратной стороне фотографии, сде-

*Отец Петр с мамой и сестрой
в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Май 1967 года*

ланной во время посещения Свято-Троице-Сергиевой Лавры, Батюшка собственноручно написал: «Фотография в память посещения святой Сергиевой Лавры 31.05.1967 г. Находился на земле, истоптанной святыми стопами преподобного Сергия Радонежского, против дверей храма Покрова Пресвятой Богородицы Московской Духовной академии. На молитвенную память боголюбивейшей монахини Анастасии о нашем посещении. Всегда просящие святых молитв».

Но куда бы он ни уезжал, к воскресной службе всегда возвращался назад. Поэтому все его поездки занимали, как правило, не больше недели.

«Как убийственно для души – долго не служить в храме, особенно – не причащаться Божественных Христовых Таин! Как душа зарастает тернием грехов! Как расслабевает! В какое впадает уныние! Сколько нужно труда, самоиспытания, молитвы покаяния, слез, чтобы снова привести ее в прежнее благодатное состояние мира, свободы, дерзновения, правоты духа! О горе нам без Тебя, Господи, без Твоей Божественной службы, без причащения Св. Таин Божиих!» [31].

Эти премудрые размышления кронштадтского праведника Иоанна, которые цитирует в своих воспоминаниях Владыка Вениамин, вполне соотносимы с умонастроением и расположением духа отца Петра Сухоносова. Богослужения, особенно Божественная литургия, были для него тем, без чего он не мог существовать – дыханием, ненасытной пищей, самою жизнью. Всем! Вот почему даже тогда, когда в 1960-х годах Батюшка попал не просто в немилость властей, а получил запрет на служение, он все равно продолжал служить. Он служил на свой страх и риск, готовый поплатиться за это головой, совершал священнодействие в тайне, уповав не на пощаду от властей, а на милость от Бога. И он получил ее, не посрамив своего упования: отца Петра восстанавливают в прежнем служении и правом оста-

*Елеосвящение в храме
накануне праздника*

ваться в Слепцовке пожизненно.

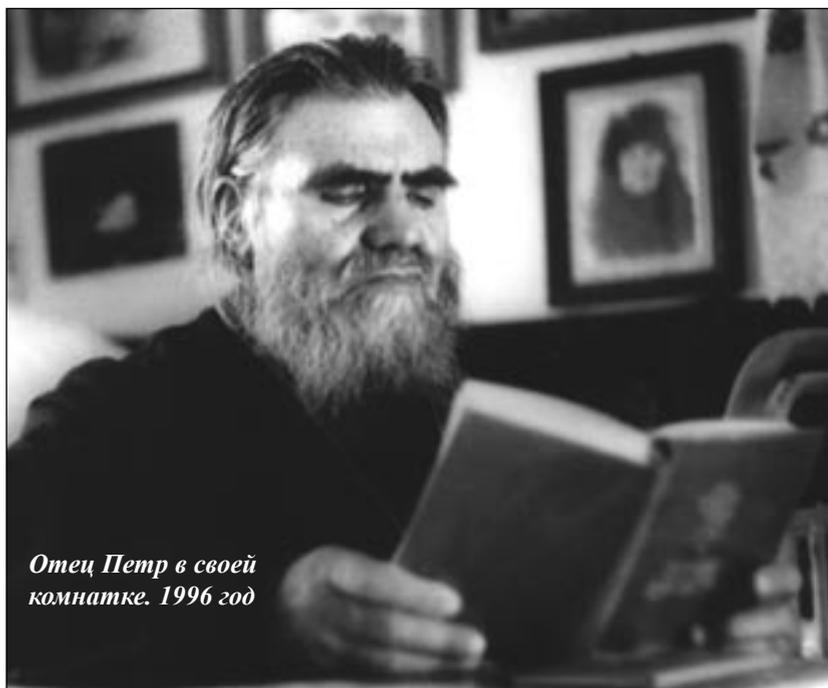
В 1960-х годах отец Петр вместе с близкими ему людьми посетил древний

грузинский монастырь Мцхету, что недалеко от Тбилиси. По случайности в это же самое время туда прибыл Патриарх Грузии Илия I. Все, кто был в монастыре, поспешили к нему под благословение. Подошел и отец Петр. Увидев, что перед ним стоит незнакомый священник, Патриарх неожиданно спросил: «Откуда?» «С Кавказа», - кротко ответил Батюшка. «Кавказ великий, - видимо, не удовлетворился таким ответом Святейший. - Откуда именно?» «Из Слепцовки», - последовал ответ. Седовласый Патриарх ткнул молодого иерея пальцем в лоб и в упор спросил: «Из Слепцовки, говоришь? А кто служил в твоём храме в прошлое воскресенье?» «Я служил по милости Божьей», - тихо ответил отец Петр. «А кто будет служить в это воскресенье?» - продолжал Патриарх. «Если Богу будет угодно, то снова я», - отвечал Батюшка под пристальным взглядом Патриарха. «Молодец!» - похвалил Святейший и с радостью благословил его.

Когда его прихожане возвращались из паломничества, то первым долгом шли к своему настоятелю, ибо уже знали: он ждёт их самого обстоятельного рассказа о путешествии. Иногда, по прошествии какого-то времени, отец Петр вновь просил рассказать об увиденном и пережитом. Батюшка считал, что таким образом человек лучше запомнит свои впечатления и сохранит их на многие годы.

«Ну, поездили, посмотрели святыньки, помолились? - приветливо улыбался паломникам Батюшка. - Вот и слава Богу, что помолились и вернулись благополучно. А ведь дома как хорошо! У нас тут свой Иерусалим».

Священники, совершавшие с протоиереем Петром Сухоносным Божественную литургию, вспоминают, что Батюшка подходил ко Святой Чаше и Агнцу с необычайным благоговением и трепетом. Он истово молился, будучи не в силах сдержать своих слез и испрашивая прощения за свое недостоинство, и принимал Святое Причастие именно так, как исповедовал Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: «яко сие есть Самое Пречистое Тело Твое, и сия есть Самая Пречистая

*Отец Петр в своей
комнатке. 1996 год*

Кровь Твоя». Перед Святым Престолом он горел духом, его необычайное внутреннее сосредоточение во время совершения Божественной литургии доходило даже до тех, кто стоял в коридоре.

Батюшка много наставлял свою паству в понимании тайн церковного богослужения и строго запрещал любые посторонние разговоры в храме. Во время ж самой службы отец Петр требовал от всех внимания и молитвы. И когда сердце человека тоже озарялось Божьей благодатью, Батюшка этому искренне радовался.

«Описанное вами о Страстях и Пасхе Христовой, ваше переживание очень радует меня, - пишет он в одном из своих писем. - Так и должно все быть. Мы не только вспоминаем, но и переживаем все то, что совершилось ради нашего спасения. Так должно бы быть во все дни жизни нашей, но увы... Остается только одно:

неизменно, неотступно быть преданным Господу».

В другом письме он разъясняет недоразумение по поводу того, что в некоторых храмах ве-

Книга была постоянной спутницей и помощницей отца Петра

рующие встают под благословение Святой Чашей на Великом Входе. Так делал и отец Петр, объясняя этот обычай таким образом: «Ваш вопрос очень простой и вы уже, наверное, сами нашли ответ на него. О Чаше освященной и не освященной вы сказали верно. Но поклоняться и благословляться ею в том и другом случае верно и полезно, и смущаться в этом случае не нужно совершенно. Вот такой пример: священнику мы целуем благословляющую руку, но если вместо руки мы поцелуем ему ноги - тоже не худо. Думаю, что это тоже правильно. У Господа ТАК все велико, что наше усердие никогда нелишне».

Часто приходилось наблюдать, как простые люди, подходившие к Батюшке за благословением, опускались перед ним на колени, кланяясь в ноги.

«Это они не мне кланяются, - пояснял отец Петр близким, - а вот Кому».

И указывал на образ Спасителя на своем наперсном иерейском кресте.

«Действительно, величествен и прекрасен сан и образ священника, ибо он «предстоит ежедневно престолу Божию на земле, как ангелы на небесах: приносит Богу благодарственную жертву за всех святых; ходатайствует о всем мире, за всех живых и умерших в вере и надежде воскресения, совершает пренебесныя таинства: крещения, миропомазания, покаяния и проч.; непрестанно беседует с Богом, как доверенное лицо; славит, благодарит, умоляет Его, приносит Ему покаяние свое и верных, проповедует слово Его; обращает заблуждающихся, вразумляет, убеждает, утешает, наказует духовно. Священник должен быть не только свят, но особенно свят, как человек Божий, как непрестанно беседующий с Богом» [32].

Отец Петр много и постоянно работал над собой. У него была обширная библиотека святоотеческой литературы, которую он кропотливо собирал всю жизнь. Когда кто-нибудь из близких или знакомых привозил Батюшке духовные книги, он принимал их с благоговением и благодарностью. Он не скрывал своей радости оттого, что люди наконец-то получили свободный доступ к огромному духовному богатству, что теперь они имеют возможность приобрести такие книги, о которых в прежние времена можно было разве что помечтать. В то же время его огорчало появление в церковной торговле сомнительных изданий, рассчитанных главным образом на сенсацию и популизм. Отец Петр с досадой говорил про их авторов: «Сами с ума походили и нас хотят свести».

Еще более категоричным ревностный служитель был в отношении еретической сектантской «макулатуры», завозимой к нам в огромных количествах из-за рубежа и распространяемой бесплатно среди православных. Единственное, что он считал достойным нашего внимания и самого скрупулезного изучения - так это творения святых отцов Церкви, оставивших нам незамутненное толкование христианства.

Батюшка был большим книголюбом и книгочеем. В его домашней библиотеке кроме богословской литературы были также словари, различные энциклопедии, справочники по многим отраслям знаний. Он с удовольствием читал исторические книги, любил «покопаться» в словарях, особенно если задумывался над происхождением того или иного слова. Высоко ценил русскую поэзию, литературных классиков, вообще ценил настоящую литературу, в которой не было соблазна. Живо интересовался он и политикой, просматривал газеты и журналы, был в курсе многих внутренних и международных событий, следил за новостями.

Будучи человеком эрудированным, с обширными

богословскими и энциклопедическими знаниями, отец Петр в то же время смиренно считал себя малограмотным: он всячески избегал общения с журналистами, стеснялся своего не слишком разборчивого почерка, чувствовал себя как-то неловко рядом с теми, кто, наоборот, старался блеснуть ораторским талантом, эрудицией. Как-то к отцу Петру, зная о его праведной жизни, захотел приехать православный священник с Украины. Со свойственной скромностью Батюшка отвечает: «Нету у меня ничего удивительного, замечательного, и если бы он (т.е. тот священник - прим. авт.) приехал, то у него ничего не было бы, кроме разочарования. Нет у меня ни дара слова, ни служения прекрасного, ни молитвы, ни понятия. Только одно могу сказать: простите меня за все. Грешный, бездушный, ленивый, непотребный...».

В другом письме он добавляет: «Прошу простить меня за дерзость такую - ведь я самый никудышный человек».

Книга, прежде всего богословская, была неотлучным спутником Батюшки. Едва выпадало свободное время, как он принимался за чтение – не механическое, а глубоко осмысленное, сосредоточенное, с многочисленными записями и цитатами, которые впоследствии использовал во время проповедей. К ним Батюшка готовился основательно, обдумывая и взвешивая значение каждого слова.

Проповеди отца Петра сохранились в памяти многих людей, слышавших слепцовского пастыря. Все они пронизаны духом глубокого покаяния и смирения. Случалось, что среди службы Батюшка неожиданно выходил на амвон и обращался к людям, чтобы они смогли глубже понять духовный смысл происходящего

в храме священнодействия, его величие и святость.

«Вот сейчас вы будете подходить к Святой Чаше с Телом и Кровью нашего Спасителя, - обращается отец Петр к людям, завершив евхаристичный канон. - Кто из нас может сказать, стоя перед этой величайшей Святыней, что он достойно подготовился к Ее принятию? Наверное, никто. Тогда как же мы, недостойные, дерзнем приступить к страшным Тайнам? С чем мы подойдем к Святой Чаше? А с тем и надо подходить: осознавая искренно, покаянно свое недостойнство, свою греховность. Нужно подходить с молитвой мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Тогда наше причащение не будет нам ни в суд, ни во осуждение...»

Тот, кто слушал слово отца Петра, невольно перенимался его покаянным духом, оставался пораженным той внутренней силой, которая исходила оттуда. С церковного амвона это слово звучало всегда неподкупно правдиво, в нем не было ничего лишнего, оно устремлялось в самое сердце человека - и в такие минуты каждый чувствовал, что проповедь была адресована именно ему. Лицо отца Петра, несмотря на годы, словно молодело, излучая благодатный внутренний свет.

Он трудился не только над каждым богослужебным, проповедническим словом, но даже над каждым его звуком, каждой буквой, стараясь не комкать и не «глотать» их, при этом хорошо выговаривая букву О. Если написано «Господь» или «Богородице», то из уст отца Петра никогда не звучало «Гасподь», «Багародице».

Проповеди же он говорил тихим, мягким голосом, немного наклонив голову и опустив глаза. Казалось, что Батюшка внутренним взором читает какую-то великую вдохновенную Книгу, глаголы которой были открыты только ему. Чтобы прихожане не догадались об этой тайне, отец Петр действительно клал перед собой раскрытую церковную книгу и делал вид, что читает по

*Отец Петр и архимандрит Меркурий (на фото слева)
у входа в Духовную Академию в бывшем Загорске*

ней. Но от близких людей все равно невозможно было скрыть того, что отец Петр делал это из-за скромности, дабы избежать ненужной людской славы. Во время проповедей в храме стояла абсолютная тишина. Но для того, чтобы хорошо было слышно даже тем, кто стоял сзади у входа, один из духовных чад поставил два микрофона с усилением звука: в алтаре и перед Царскими Вратами, откуда настоятель обращался к людям с пастырским словом.

В дни Великого Поста, когда в храме читался канон преподобного Андрея Критского, отец Петр всякий раз после службы раскрывал людям его глубочай-

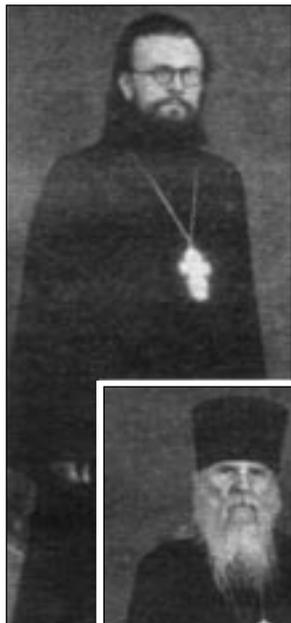

Свято-Михайло-Архангельская церковь в городе Грозном. Фото 1970-х годов

ший смысл и внутреннюю красоту, приводя много ярких поучительных примеров из Ветхого и Нового Заветов. Часто он обращался к примерам из

современной жизни, разворачивая перед людьми их глубокий духовный смысл. Обращался он и к новейшей истории христианства, рассказывая о подвигах святых новомучеников и страстотерпцев, от безбожной власти пострадавших. А иногда в проповедях Батюшки звучала духовная поэзия, которую он сильно любил и с удовольствием читал людям как произведения классиков, так и скромные сочинения прихожан и близких друзей.

«Стихи ваши какие-то уникальны и всеобщие, - пишет отец Петр одному из своих духовных воспитанников. - Очень мне они по душе. Читал с амвона, потом говорил на их тему: что вся природа, каждый цветок, каждая звездочка - все говорит о Боге, своем Создателе. А после литургии говорил, почему тоска у А., а также и

*Протоиерей Николай Александрович
Польский (верхнее фото) и архимандрит
Меркурий (Петроманский)*

у меня, да и у многих... Все прекрасное наводит тоску, прямо говорит о том, что есть Наивысшая Красота - красота райская, а вот ее отблески, ее отголоски на земле дают радость и тоску каждому по первичной Красоте».

Так Батюшку тронули несколько скромных поэтических строчек:

Отчего так бывает? Не знаю:

Только сердце сожмется в тоске,

Облака когда вдаль провожаю

По безбрежной густой синеве;

Или по полю иду колосистым

По умытой росой траве,
Или месяц струится лучистый
Серебром на раскрытом окне.
Отчего средь весеннего буйства,
Когда к жизни природа встает,
Вдруг на сердце становится грустно,
И душа в умиленьи вздохнет?
Может, сердцу открылась нечаянно
В той природе без края-конца
Необъятная вечная тайна
Созидателя Бога-Творца?

Когда в церковном саду созревали абрикосы, отец Петр собирал детей, подводил их к дереву, срывал спелые сочные плоды, всех угощал, а сам говорил с детским восхищением: «Ну посмотрите, какая красота! И кто же их так разрисовал? А пахнут как!» Откусит кусочек: «А сладкие, сладкие какие! А ну-ка рвите себе полные карманы!» Дети рады стараться, а с ними и Батюшка не может нарадоваться.

Будучи уже совершенно самостоятельным, духовно опытным священником, отец Петр Сухоносков не стеснялся все время учиться у других, более опытных, постоянно обогащая память новыми и новыми знаниями, радуясь малейшей возможности почитать или послушать наставления своих собратьев.

Среди них особо выделим архимандрита Меркурия (Петроманского) и протоиерея Николая Польского. Оба они в разные годы были назначены клириками Свято-Михайло-Архангельского храма столицы бывшей Чечено-Ингушетии – города Грозного. Доверие отца Петра к этим пастырям и уважение к ним было очень большим, что объяснялось не только тем, что они служили в одном благочинии, но и общностью многих черт характеров, устроений, духовного рвения в служении Богу.

Вот как характеризуются они тогдашним благочинным православных церквей Чечено-Ингушетии протоиереем Емельяном Каменским:

«Отец Меркурий Евгеньевич Петроманский, 1901-го года рождения, назначенный штатным священником Михайло-Архангельской церкви в 1958-м году, ведет строго монашеский образ жизни. Ревностный проповедник слова Божия, искренний молитвенник, скромный в одежде и словах. В 1958-м году окончил

Московскую Духовную Академию.

Протоиерей Николай Александрович Польский, 1911-го года рождения, назначенный штатным священником Михайло-Архангельской церкви в 1961-м году, добросовестно исполняет свои обязанности, является ревностным проповедником слова Божия, по религиозному настроению – фанатик» [33].

С благодарностью вспомним еще одно имя – протоиерея Петра Андреевича Нецветаева, служившего благочинным Чечено-Ингушского округа и настоятелем грозненского храма с 1980-х и вплоть до начала резкого обострения обстановки в начале 1990-х годов. Благодаря его мужеству удалось спасти многие церковные ценности, уберечь их от разграбления и уничтожения. Это был пастырь, обладавший редким даром проповедника. При его непосредственном и самом активном участии в республике началось изучение церковной истории края, духовное просветительство, возрождение православных храмов в казачьих станицах. Отец Петр Сухонос с глубоким почтением относился к отцу Петру Нецветаеву, неоднократно вместе с ним совершая Божественную литургию.

В ранний период своего служения на Кавказе отец Петр посещал известного старца архимандрита Херувима, который подвизался в горном грузинском селе Ахкперти. Известно, что отец Херувим (мирская фамилия Барабулин) был воспитанником Киево-Печерской Лавры. После ее закрытия Владыка Антоний (Романовский) дал ему приход в небольшом городке Невинномысске, а уже позже, выйдя за штат, старец нашел уединение в горах Грузии, живя там очень аскетично, получая пропитание от трудов рук своих на маленьком огорожке [34]. По свидетельствам близких людей, у старца отец Петр исповедовался и получал от него духовные наставления.

Нельзя не сказать и о том почтительном отношении, с которым Батюшка относился к своему правяще-

му архиерею. Мало кто знал о том, что отец Петр Сухо-
носов и ныне уже покойный Владыка Гедеон не просто
закончили одну духовную семинарию, но были одно-
курсниками, друзьями.

«Вчера были во Владикавказе, - пишет отец Петр
в письме, - отмечали память преподобного Серафима
Саровского. С проповедью обратился наш Владыка.
Слово архиерея очень мощное».

В одном из своих последних писем Батюшка об-
ращается к ставропольскому архиерею митрополиту
Гедеону: «Почему так получается, что я не вижу из-
данных книг проповедей современных проповедников
Слова Божия, первым долгом Ваших, Святый Владыка?
Как река, лилось и льется оно из уст Ваших, неужели
все потеряно? Сколько записано проповедей XIX, XVIII
и предшествующих веков, а где же XX век? И это при
такой высокой технике звукозаписи, при свободе сло-
ва. Разве нет у нас теперь отцов Иоаннов Восторговых?
Это Вы, Святый Владыка, отец Павел и многие другие.
Люблю читать с амвона проповеди других больше, чем
свои».

Это действительно так. Особенно он любил чи-
тать прихожа-
нам проповеди
своего духов-
ного наставни-
ка праведного
Иоанна Крон-
штадтского: не-
сколько томов
р е п р и н т н ы х
изданий этих
проповедей Ба-
тюшка бережно
хранил в своей
библиотеке.

Благословение Батюшки

Наставляя людей в вопросах христианской жизни, отец Петр любил дарить им духовные книги, на приобретение которых не жалел средств. У близких Батюшке чад бережно хранятся подаренные им церковные книги или купленные ими самими в слепцовском храме. Уже один внешний вид этих книг свидетельствует о трепетном отношении настоятеля к печатному церковному слову. Каждую книжку, которая шла в продажу, он собственноручно оборачивал целлофаном (позднее, в преклонные годы, отец Петр просил это делать своих помощников). Если же замечал, что приобретенные на складе книги имели ненадежный переплет, то такая книга непременно попадала в переплетную мастерскую и оттуда шла в продажу в обновленном виде.

Каждая книжка, которая выходила из рук Батюшки, сопровождалась листовкой, содержащей советы, которые он составил сам и отпечатал типографским способом:

«Как обращаться с книгой?

1. Руки должны быть чисто вымыты.

2. Книга обернута бумагой или заклеена целлофаном.

3. Нельзя мочить пальцы, ломать листы.

4. Переворачивать надо за правый верхний угол листа, указательным пальцем правой руки.

БЛАГОГОВЕЙ ПЕРЕД РЕЛИГИОЗНОЙ КНИГОЙ - ОНА СВЯТЫНЯ!

Ее очень трудно найти - береги ее!

Читай почаще книгу эту,

Она ведет тебя ко Свету,
Она научит тебя жить,
Трудиться, верить и любить»

В конце книжки обычно тоже была листовка такого содержания: «Кто такие чародеи? Это ОБМАНЩИКИ, вводящие в заблуждение и заблуждающиеся сами... Все верящие чародеям и боящиеся их, пребывают в обмане. Верить же обману неразумно и грешно».

Часто отец Петр вкладывал сюда листовки, содержащие краткие сведения о срочном крещении.

«Ой! Сколько сейчас книжечек во спасение, одна одной прекрасней! – по-детски радуется Батюшка в одном из своих писем в Украину. - Недавно были в епархии, глаза разбегаются: прекрасные, тесненные золотом, хоть бери да ешь. Набрали и еще надо брать, раздали солдатикам...»

«Книги как дети, - говорил он, бережно беря в руки церковную книгу, - они ведь тоже просят и тепла, и заботы, и любви нашей».

Искусству переплета и ремонта книг отец Петр посвятил даже специальную книгу, которую написал сам, отпечатал собственноручно на машинке и давал читать людям, в которых видел такую же любовь к переплетному делу. Он печалился, когда видел или узнавал, что кто-то пользовался церковной книгой или газетой неаккуратно, без должного благоговения, не считая их живым словом Божиим.

«Газета святая и равна Священному Писанию, и тем не менее она погибнет, да еще кощунственно! После первого прочтения, полежав даже недолгое время, она идет в расход в непредвиденные, не лучшие места. А в ней иконы, Святое Писание! Почему так бывает? Можно отвечать на это в десяти листах, но нет времени. Ведь что такое газета? Периодика? На злобу дня? А в церковной газете - «ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ».

Даже вчера, возвращаясь с престола Святителя Николая, вижу, как в храме продавец заворачивает иконы в газету ЦЕРКОВНУЮ! Она помялась и, значит, будет выброшена. А она ж равна той самой иконе!

Да, советское время осквернило газету безбожием, и это потянется на многие годы», - с горечью пишет Батюшка о современном отношении к церковной газете.

Все православное и церковное для отца Петра было чрезвычайно святым и высоким, не вызывающим никаких сомнений или недоразумений. Оно пронизывало отношение Батюшки ко всему – абсолютно ко всему – что касалось жизни Православной Церкви и всего общества.

В самом начале 70-х годов, когда в бывшем Советском Союзе начался обмен паспортов старого образца на новый, многие люди приезжали к отцу Петру с сомнениями: не есть ли это печать антихриста? Обстановка того времени во многом напоминала нынешнюю ситуацию, связанную с внедрением идентификационных номеров и штрих-кодов. Как-то верующие прихожанки, приехавшие из Грозного, с тревогой в голосе стали просить Батюшку разрешить их страхи и недоумения относительно новых паспортов. Отец Петр, вспоминая, вдруг распрямил свои сутулые плечи и из-под густых бровей посмотрел на женщин: «И это говорят православные? Мы, христиане, должны знать только одну Печать и верить в ее силу!»

При этих словах, вспоминая стоявшие рядом с отцом Петром люди, он не спеша широко перекрестился, словно каждым движением крестного знамения действительно впечатывал в себя его непобедимую силу.

Протоиерей Димитрий Гриценко замечает в сво-

их воспоминаниях, что трудно было понять, когда отец Петр отдыхал. В окошечке его келлии даже глубокой ночью всегда горел свет. Это означало, что настоятель молится. Каково было его молитвенное правило – этого никто не знал. Сокровенная молитва заполняла все его время, свободное от богослужений и постоянного общения с людьми. Отец Петр не требовал от людей духовных подвигов, которые им были просто не под силу. Он учитывал их немощи, болезни, семейные обстоятельства, часто повторяя: «Все правила написаны для здоровых людей, а у болезни свои законы». Однако это вовсе не означало, что Батюшка давал поблажку, освобождая паству от необходимого молитвенного труда. Напротив, он требовал неукоснительного выполнения того, что предписывала Церковь, но всячески оберегал своих чад от того, что могло привести их в уныние, отчаянье, ропот или даже к утрате веры в Бога.

«Дается вам легко молитва - молитесь, любите читать духовные книги - читайте, есть силы и здоровье встать ночью и делать поклоны - делайте. Но во всем должна быть рассудительность. Душа вам сама подскажет свое стремление и свое правило».

Исходя из духовного состояния человека, отец Петр благословлял на чтение Псалтыри, творений святых отцов: к каждому из своих чад у него был свой, сугубо индивидуальный подход.

«Одному вера дается по милости Божьей легко, а другому с великими трудами. Один человек грамотный, а другой с трудом все постигает. Но Господь ждет к Себе всех», - так наставлял он свою паству.

«Будьте осторожными с людьми, которые учат вас христианской жизни, не зная самой этой жизни, - говорил отец Петр. - Найти опытного духовника сегодня трудно даже в монастырях. Чтобы учить кого-то христианству, нужно самому быть настоящим христианином. Искренне верьте в Бога, молитесь Ему, просите у Него

помощи и прощения за свои грехи, живите скромно, смиренно, помогайте по возможности другим, ни на кого не обижайтесь, терпите друг друга - и Господь вас никогда не оставит, Он Сам откроет вам все, что необходимо, и подаст для вашего спасения».

Особенно отец Петр старался оградить свою паству от влияния сектантов и местных мусульманских проповедников, поддавшихся влиянию ваххабизма – крайне правого исламского течения, связанного непосредственно с религиозным экстремизмом и терроризмом. И те, и другие вели среди православных активную работу. В своих многочисленных проповедях, обращенных к пастве, отец Петр не устает говорить о верности Православной Матери-Церкви, стойкости перед нагрянувшими на кавказский край и всю Русь испытаниями, необходимости глубокого покаяния в душе русского народа.

«Много постоянных бед испытывала наша русская земля, - звучит в середине 1990-х годов живой голос Батюшки на одной из немногочисленных сохранившихся видеозаписей, сделанных в Покровском храме Слепцовки на праздник Казанской иконы Божьей Матери. - Одни беды проходили, другие начинались. Все получалось по одной причине – по грехам наших сынов российских. Мы ведь такие: когда все хорошо, благополучно, то сразу Бога забываем, грешить начинаем, пить, гулять, кутить. Нам уже ничего не страшно, проводим веселую жизнь, а эта жизнь, как и распутство, ведет к тяжким грехам. Вот и опять посылается нам бедствие, чтобы мы остановились, задумались...»

Мы не знаем, что ожидает нас завтра. Может быть, еще большие беды и скорби. А мы начинаем ви-

нить кого-то, искать виноватых: дескать, кто-то там виноват. На самом деле мы сами виноваты. Это все попущение Божие – попущение, которое бывает нам, сынам российским, за наши грехи, за наши беззакония, за наше удаление от Бога. Мы начинаем уже себя считать богами и не знаем, Кто же насылает на нас такие беды. Да, это попущение Божие, но этим самым единственным средством Господь приводит нас к смирению. Так вот, надо нам каяться, надо обращаться к Богу, усердно просить, чтобы Он остановил Свой праведный гнев на нас. Конечно, если будут обращаться к Богу, к Матери Божией и всем святым, то люди опять будут помилованы Богом. А то ведь страна уже и выхода найти не может. Нельзя доходить до отчаяния. А некоторые дошли уже... Надо непрестанно стоять на правильном пути, не падать духом. Каяться нужно.

Вот почитаю вам слова архиепископа Херсонского, ровно сто лет назад сказанные им в ответ на вопрос, почему Господь постоянно испытывает нас скорбями и бедами: «Чтобы никогда не терять нам веры к спасению Отечества, каким бы искушениям и бедствиям, судьбам Всевышнего не угодно было подвергнуть нас. Премудрость Божия любит народы, ей угодные, равно как и людей, ей любезные, искушать бедствиями, чтобы тем более очистить, укрепить и возвысить их...»

Народ российский, как показывает история его, один из таковых народов. Сколько раз приближался он к концу своего существования, полного разложения! Так было перед Куликовской битвой, так было во времена нашествия поляков, когда некому было управлять Российской державой, так было во времена Наполеона. Но сколько бы ни продолжался этот страшный час, всегда являлись спасители земли Русской. Так явился преподобный Сергей Радонежский, так недавно снова явился нам Серафим Саровский, который умоляет за нашу землю Русскую. Являлась и Сама Матерь Божия. После

всего этого можем ли мы терять надежду ко спасению нашего Отечества? Так что с помощью Божией, Матери Божией, святых угодников будем надеяться, что при нашем покаянии еще наступят лучшие времена для русского народа...»

«Были у воинов, находящихся за Нестеровкой на берегу Ассы, побеседовали и окрестили в бурной Ассе трех воинов, радость-то какая! И офицеры с крестиками!.. Но вот лукавый хочет запугать, то ересями, как Вы пишете, то нашими войнами, чтобы заглушить радость веры святой», - разделяет Батюшка озабоченность проблемами нынешней духовной жизни в обществе.

Еще одно предостережение, составленное отцом Петром в связи с попытками некоторых лже-пастырей насадить в православной среде идеи католицизма:

«Бдите и молитесь, да не внидите в напасть.

Вот именно: бдите, потому что времена опасны. Сектанты и иноверцы везде ходят с проповедью и склоняют на свою сторону. Да что они, если есть батюшки, которые службу изменяют и склоняют в католичество. Да, есть такие, приехавшие с запада, и среди них, кото-

рые служат в Светлограде, о. Серафим, о. Иван.

Вот мы и призываем вас, сами избегайте таких проповедников и не имейте с ними контактов и с другими. Сообщайте, что они уже затянули много, бойтесь этого!»

Есть достаточно подтверждений тому, что в жизни пастырей, сосредоточенных на духовной жизни, молитве и церковном служении, чисто материальные попечения отступают на второй план или же, по крайней мере, не вытесняют попечения духовные. Отец Иоанн Кронштадтский в одной из бесед со священниками как-то заметил:

«Я, братие, не веду аскетического образа жизни. Не подумайте, что я считаю это чем-либо достойным подражания. Нет. Быть может, в моей деятельности было бы и гораздо более успехов, если бы я устроил жизнь с более аскетической обстановкой. Но условия моей службы лишали меня возможности быть аскетом. Я читаю и газеты; но часто жаль бывает потерянного времени» [35].

Эти слова были сказаны о себе священником, более полувека прожившем в маленькой тесной квартирке, великим постником и бескорыстным слугой для тысяч обездоленных и несчастных людей.

Отец Петр тоже стремился обустроить свой быт, исходя из окружавшей его обстановки и условий жизни, чтобы ничто не мешало, а, наоборот, располагало к духовной жизни. Батюшка имел в собственном владении небольшой кирпичный домик в считанных шагах от храма: здесь он жил вместе с мамой и сестрой. Жили Сухоносовы чрезвычайно скромно, ничем не украшая своего жилища, не имея никаких излишеств: самая что ни на есть простая деревенская мебель, простая посуда,

одежда. Рядом с ним жили такие же простые, неприятельные люди, очень скромные в быту и искренние в отношениях. Отец Петр ничем – кроме своего священства - не выделялся среди прихожан.

К тому же Батюшка мало пользовался собственным домом: тут он держал одну-единственную светлую комнатку, в которой оборудовал переплетную мастерскую. Остальную же площадь отдавал бескорыстно людям, которые нуждались в приюте: в последние годы здесь проживала русская семья беженцев из соседнего курортного городка Серноводск. Сам настоятель жил преимущественно в небольшой келлии при церковном дворе: в ней не было ничего, кроме самодельного шкафа, закрытого ширмой, металлической кровати с деревянным настилом, печки у левой стены, большого круглого стола, старых стульев и лавки. На стенах много икон, а в отдельном месте он поместил фотографии своих родных и близких. В этой маленькой комнатке Батюшка проводил многие часы молитвенного уединения и сюда редко кого пускал, оберегая свою келлию от постороннего взгляда.

«В его кабинет мы редко заходили, - вспоминает одна из прихожанок. - Помню, как Батюшка и вся наша семья служили молебен за брата: его сильно напугали чеченцы, вследствие чего он кричал по ночам. После молебна брат совершенно выздоровел. Еще раз помню, когда Батюшка болел, то нам, малышам, разрешили войти туда проведать его. А еще был случай: мы зашли туда, Батюшка встал, отодвинул ширму на левой стене и показал на большой портрет, который висел там. Это был святой праведный Иоанн Кронштадтский. Потом взял аккуратно сложенную в углу епитрахиль и сказал нам: «По очереди подходите, кланяйтесь и прикладывайтесь к епитрахили: в ней служил сам Иоанн Кронштадтский».

Как великую святыню он сберегал также еще одну

старенькую епитрахиль: это был подарок его духовной наставницы монахини Фессалоникии. Она сшила ее, когда отец Петр был рукоположен во иереи, и вышила на обратной стороне свою дарственную надпись. Батюшка часто служил именно в этой епитрахили.

«Однажды отец Петр сильно заболел, требовалось поставить банки, а сделать это было некому, - вспоминает Елена Михайловна Гурина, давняя прихожанка Покровской церкви. - И когда я по благословению зашла в келию, чтобы поухаживать за Батюшкой, то увидела, что он спал почти на голом твердом топчане, а вся обстановка была необычайно простой и скромной».

Ко всякого рода роскоши он относился крайне отрицательно, считая, что все лишнее, вычурное, комфортное препятствует молитвенной работе и разнеживает, расслабляет не только тело, но и дух. С молодости и до конца дней своих отец Петр всегда ходил в длинном подряснике и не снимал его с себя даже ночью, когда ложился спать. А из подрясника можно было увидеть лишь обувь: сапоги, которые Батюшка менял на теплые валенки в зимнее время года. Если кто-то удивлялся этому, то он не уставал повторять: «Высшая мода - не по моде одеваться, а быть здоровым». И людей учил одеваться по погоде, не следовать модным веяниям, которые наносят непоправимый вред здоровью человека. Отец Петр даже написал свой отзыв о моде, сказав, что она «коварна, жестока, соблазнительна, губит людей, их здоровье, а человек, следуя моде - без головы». Носил одежду он очень аккуратно, был всегда опрятен. Несмотря на скромность и простоту одежды, она была всегда чистой, выстиранной, выглаженной. О ношении священниками подрясника он писал так:

«Дай Бог носить почаще, на здоровье и спасение. Если уже невозможно постоянно в Вашем окружении. Патриарх Сергей говорил: «Форма дух бережет», к этому же призывал и Патриарх Пимен».

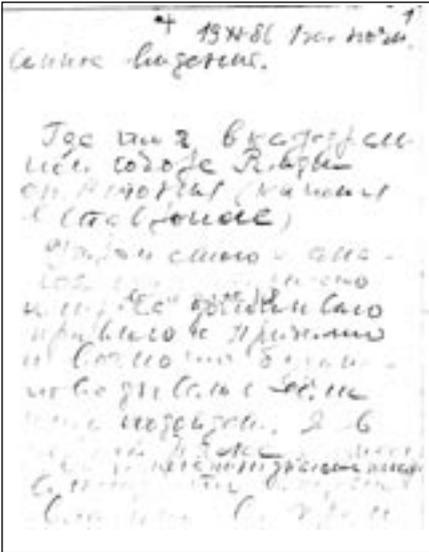
В пище отец Петр тоже был абсолютно непритязателен. Часто его едва ли не силой усаживали за стол, чтобы он хоть что-нибудь перекусил и возвращался к людям, которые его ждали во дворе или храме. Мяса, по свидетельству близких, Батюшка вообще не ел. Лишь в присутствии других позволял себе проглотить маленький кусочек, и то лишь для того, чтобы никто не обнаружил тайны его подвижничества. Конечно, люди, которые ухаживали за настоятелем и готовили ему еду, всячески старались угодить, подавая на стол все свежее и вкусное. Видя же такое старание, он нарочито говорил, приступая к трапезе: «Пересолено», «Жирного много положили», «Пережарили» или еще что-либо в этом же духе. Люди совершенно не обижались и не оправдывались, уже зная, что таким образом Батюшка хвалит их усердие и труды. Он говорил, что пища не должна быть слишком вкусной, ибо от этого разгорается аппетит и человек переедает во вред своему здоровью.

В первое блюдо - борщ или суп - отец Петр обычно добавлял холодной кипяченой воды. «Кусок хлеба да вода, но с молитвой, принесут пользы больше, чем кусок мяса», - наставлял он своих прихожан. Постоянно забывая про еду сам, отец Петр, однако, не отпускал без угощения никого, кто к нему приезжал. Если позволял церковный устав, Батюшка предлагал гостям немного домашнего виноградного вина: казаки в этих местах издавна славились своим виноделием. Сам же отец Петр лишь пригубливал вино, обязательно разбавляя его водой. Иных крепленых напитков он вообще не употреблял.

Подобно тому, как Батюшка старался во всем брать пример с Иоанна Кронштадтского, подражая ему в ревности служения, благочестии, милосердии, так и возле отца Петра постепенно выросли люди, бравшие пример со своего духовного наставника и впоследствии ставшие священниками. На фотографии 70-х годов рядом с отцом Петром запечатлены молодые священники, выросшие на ниве благодатного общения со своим опекуном и наставником. Кроме выпускника Одесской духовной семинарии Михаила Афонина с отцом Петром стоят еще двое его воспитанников: священники Николай Котельников, который ныне служит настоятелем храма в дагестанском городке Дербенте, и Алексей Маздор, связавший свою судьбу с пастырством в Ставропольском крае. Великое духовное окормление, которое они получили от отца Петра Сухоносова, оставило в их жизни неизгладимый след. Забота о духовном воспитании станичной молодежи не оставалась незамеченной властями. Отец Петр и его ревностные в вере воспитанники находились постоянно в поле зрения административных и идеологических органов, стремившихся любой ценой ограничить их влияние на остальную молодежь, дискредитировать личность православного священника.

В свое время нам попал в руки документ из секретных фондов архива бывшего Чечено-Ингушского обкома партии [36], проливающий свет на обстановку, которая искусственно создавалась вокруг отца Петра и его духовных чад. Этот документ - служебная записка работника отдела пропаганды и агитации на имя секретаря обкома М.К.Фоменко:

«В Сунженском районе плохо поставлена научно-атеистическая и антирелигиозная пропаганда среди населения, в том числе и среди молодежи, а между тем имеют место случаи, когда молодые люди посещают

**Первая страница видения,
записанного отцом Петром
19 ноября 1986 года**

церкви...Осенью прошлого года в станице Орджоникидзевской произошел уродливый случай, когда под влиянием церковников бывший выпускник Орджоникидзевской средней школы, комсомолец Маздор Алексей поступил учиться в Ставрополь-

скую духовную семинарию... Под влиянием матери и местного попа... он, еще учась в школе, посещал церковь, но об этом никто не знал, в том числе и школьная комсомольская организация. Не знал об этом и районный комитет комсомола. И только после того, как в РК ВЛКСМ сообщили о стремлении Маздора поступить в духовную семинарию из органов, райком начал заниматься этим фактом... В беседе с работниками райкома комсомола Маздор заявил, что он решил пойти учиться в духовную семинарию, что это его решение окончательное, что ему надоело везде и всюду, где бы он ни учился и где бы ни работал, слышать сквернословие, матерщину. Ему объяснили, что именно комсомол борется против сквернословия, против хулиганства и т.д., что если и есть такие случаи, то это не характерно для нашего общества, что это пережитки капитализма. На это Маздор не мог ничего ответить. Товарищи пытались доказать ему, что учеба в духовной семинарии и работа священника – дело бесперспективное, что чем дальше, то все меньше становится религиозных людей, что лучше ему пойти учиться в любое другое учебное

заведение. В ответ на это Маздор заявил следующее: «А чем вы уверены, что ваша система будет прогрессировать?». На этот антисоветский выпад ему был дан нужный ответ... Комсомольцы колхоза «Победа», которые на своем собрании обсуждали поступок Маздора и исключили его из рядов ВЛКСМ, восприняли этот факт, по выражению работников райкома комсомола, «как снег на голову». Видимо, если даже подобного случая в Сунженском районе не оживилась антирелигиозная пропаганда, то такой «снег» может выпасть еще кое-кому на голову».

Если учесть, что во всем Сунженском районе в то время действовала одна-единственная церковь, настоятелем которой был священник Петр Сухоносков, то становится понятным, про какого «местного попа» в ней идет речь. Сила пастырского слова и личное обаяние Батюшки притягивали к нему молодых людей, стирали в их сознании атеистический стереотип о религии как «опиуме для народа» и о православном священнике, как чем-то архаичном, отсталом и ненужном «светлому коммунистическому будущему». В этом документе поражает нравственная атмосфера тех лет, в которой обычным явлением снова стали «стукачество», наущничество и доносы. С другой стороны, в нем поразительно пророчески звучат слова того самого Алексея Маздора, который все же станет священником: «А чем вы уверены, что ваша система будет прогрессировать?» Вопреки прогнозам партийных и комсомольских вожakov о том, что «чем дальше, то все меньше становится религиозных людей», как раз этих-то людей среди сунженских казаков становилось с каждым годом больше и больше.

Не без благотворного влияния протоиерея Петра Сухоносова стал православным священником и отец Сергей Резников – в прошлом выпускник Грозненского нефтяного института, а ныне – настоятель православ-

Милосердие

О делах доброты и милосердия протоиерея Петра Сухоносова можно рассказывать так же много, как и о его священстве. И даже больше. Потому что вся священническая жизнь Батюшки была окружена огромным числом людей – самых разных по возрасту, идейным убеждениям, силе веры и профессий. И если их отношение к отцу Петру было разным, то отношение самого отца Петра ко всем без исключения людям, с которыми сводил его Господь, было неизменно милосердным, чутким и доброжелательным.

В повседневной жизни нас окружает, в сущности, немало добрых людей, тоже разнящихся между собой по возрасту, социальному положению, вере, национальности и другим признакам. Но лишь христианству присуща та доброта, которая проявляет свое действие не избирательно, а всеобъемлюща по своему характеру.

«Надо, чтобы на сердце нашем начертаны были неизгладимо слова: возлюби ближняго, яко сам себе (Мк. 12, 31), и чтобы они служили всегда руководством для сердца при встрече с ближним где бы то ни было и когда бы то ни было: он ли когда придет к нам, мы ли к нему, дело ли какое для него надо сделать, дать ли ему что надо, при беседе с ним. И так носи в сердце слова: люби, яко сам себе и веди постоянно умную войну за соблюдение этих живых словес Господа нашего... намеренно беспокой, тревожь, мучь скрывающегося внутри червя самолюбия и злобы, распинай его, побеждай его в державе крепости (Еф. 6, 10)

Господа нашего Иисуса Христа» [37].

Вот эти-то священные слова: возлюби ближняго, яко сам себе – и были начертаны на любящем сердце отца Петра, они-то и были главным мотивом его поступков по отношению к окружавшим его людям. В делах милосердия и сострадания к ближним подражание отца Петра праведному Иоанну Кронштадтскому проявилось с необыкновенной силой. Читая духовное наследие «всероссийского батюшки» Иоанна, порой кажется, что сказанное им сказано о будущем страстотерпце Петре Сухоносове.

«Наша жизнь есть любовь, - да, любовь. А где любовь, там и Бог, а где Бог, там все добро. Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33). Итак, с радостью всех питай и услаждай и надейся во всем на Отца Небесного, Отца щедрот и Бога всякого утешения. Приноси в жертву любви к ближнему то, что дорого тебе. Приноси своего Исаака, свое сердце многострастное, в жертву Богу, закалай его своим произволением, распинай плоть со страстьми и похотьми. Все получил от Бога, будь готов и отдать все Богу, чтобы, быв верен в малом Господу своему, ты был поставлен потом над многим...» [38].

«Радуйся всякому случаю оказать ласку ближнему, как истинный христианин, усиливающийся стяжать как можно более добрых дел, особенно сокровищ любви. Не радуйся, когда тебе оказывают ласку и любовь, считай себя по справедливости недостойным того; но радуйся, когда тебе предстоит случай оказать любовь. Оказывай любовь просто, без всякого уклонения в помышления лукавства, без мелочных житейских корыстных расчетов, памятуя, что любовь есть Сам Бог, Существо простое. Помни, что Он все пути твои назирает, видит все помышления и движения сердца твоего» [39].

Большая духовная семья отца Петра

Прочитывая эти дневниковые записи Иоанна Кронштадтского, можно было бы порекомендовать любезному читателю обратиться к уже изданным книгам об отце Петре Сухоносове, где его деятельное милосердие и любовь к людям описаны довольно подробно и являются конкретным воплощением того, к чему призывал, чему наставлял святой кронштадтский праведник. Но не будем спешить, а задумаемся над глубинными мотивами поистине воинствующего добра, которым жило любящее сердце этого пастыря.

Вне всякого сомнения, отец Петр не мог не откликаться на несчастья, скорби, болезни других уже хотя бы потому, что сам родился и вырос в бедной семье, среди скорбей и болезней. Но не это главное. Главное ж состоит в том, что отец Петр, как и праведный Иоанн Кронштадтский, которому он во всем старался подражать, был человеком глубокой, живой веры в Бога, любви к Нему. Все люди – независимо от из возраста, социального положения и других отличий – были для Батюшки прежде всего образом и подобием Божиим,

чадами Одного Бога, членами Церкви Христовой. Поэтому любовь к Богу у него начиналась и подкреплялась всегда любовью к ближнему. Без этой любви – деятельной, горячей, искренней – всякие разговоры о любви к Богу есть лишь самообман, самообольщение, вражеское прельщение.

Любовь, как высшее свойство Божьей природы и Божьего естества, известна и дьяволу, потому-то, предостерегает отец Иоанн Кронштадтский, он и воюет прежде всего против нее.

«Бог есть любовь, и пребывая в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» (1 Ин. 4, 16). Враг (то есть диавол) больше всего нападет на любовь, на чувство любви; и адски стремится исторгнуть из сердца любовь; и насадить, и укоренить в нем самолюбие, злобу, зависть, корыстолюбие, плотуугодие, блуд и проч.; чтобы растлить душу и тело человека и сделать его неспособным к истинной любви» [40].

В этих словах кроется тайна воинствующего милосердия отца Петра Сухоносова, часто наставлявшего своих духовных чад мудрыми словами: «Ищите тех, кто нуждается в помощи вашей». Он не просто ждал, когда кто-то к нему обратится за помощью или состраданием, а сам искал и находил тех людей, которые нуждались в его милосердии.

Дух этого удивительного пастыря в полной мере отвечал его любвеобильной жизни. Вокруг него всегда царил какой-то особый благодатный мир и покой. Он никогда и ни в чем не показывал своего превосходства перед людьми, которые в силу разных причин обращались к нему за помощью или духовным советом. Напротив, своим отношением к человеку Батюшка всегда старался подбодрить его, покрыть грех, утолить боль и скорь, первым подойти и попросить прощения. Рядом с ним постоянно жили или находились люди, которые нуждались в помощи, утешении. Через руки настояте-

*Отец Петр со станичниками
- сунженскими казаками*

ля проходили немалые суммы денег: люди щедро жертвовали их на храм, и отец Петр был рад возможности помочь нуждающимся. Он никогда не отпускал без помощи обездоленных, больных, немощных. Тем же, кто приезжал к нему издалека - а таких людей всегда было немало - Батюшка давал с собой на дорогу, не взирая на их самые категорические возражения. А когда в эти края пришла война, Свято-Покровский храм в станице Орджоникидзеvской стал настоящим домом милосердия, где находили приют и утешение обезумевшие от горя родители, приехавшие в поисках своих пропавших без вести сынов.

Уже первые минуты знакомства и общения с отцом Петром очаровывали гостей, располагали к непринужденной и доверительной беседе. Никто не чувствовал себя рядом с этим священником как-то сковано, неуютно. Батюшка встречал каждого мягкой улыбкой и теплым взглядом, и от этого взгляда исчезали всякие страхи, лукавые мысли, а на душе воцарялся мир и тишина. Люди, близко и давно знавшие протоиерея Петра Сухоносова, не припомнят случая, чтобы он на кого-нибудь накричал или кому-то сказал грубость, дерзко ответил. Случалось обратное: другие могли наругать ему, даже накричать, укорить, на что Батюшка с большим терпением говорил, что «гневные люди несчастны и слабы, ибо их одолевают искушения, и за них надо неустанно молиться».

Открытый, мягкий и незлобный характер протоиерея Петра Сухоносова притягивал к нему очень многих и зачастую разных по своему характеру и темпераменту людей. Но особенно к нему тянулись дети. Наверное, потому что инстинктивно чувствовали в нем такой же непосредственный детский дух и простоту.

Из воспоминаний Анны Купкиной:

«Вместе с родителями мы часто приходили по вечерам к Батюшке. Родители за столом, тетя Таня - родная сестра Батюшки - сидела на топчане, а мы, дети, мостились на маленьких стульчиках. Батюшка что-то рассказывает, слегка наклонив голову, а на нас смотрит из-под густых бровей ласковыми теплыми глазами. Нам казалось, что он нас насквозь видит. Это не давало нам полностью по-детски расслабиться и начинать шалить. Такие тихие вечера в обществе отца Петра приучали нас прежде всего к дисциплине, порядку, уважению: ведь разговаривали старшие!

***Отец Петр с семьей
Сапрыкиных в день
венчания их старшей
дочери Татьяны***

Меня всегда удивляли длинные Батюшкины волосы. Как это? - думалось мне, когда я была еще совсем маленькой девочкой. Однажды я не выдержала и говорю: «Батюшка, а можно мне расчесать Ваши волосы?» Он улыбнулся и отвечает: «Ну, расчеши, только

не больно». Я быстренько взяла расческу и принялась за дело. Увлечлась, нечаянно потянула, а Батюшка как маленький ребенок, без всякого и раздражения: «Ой-ой-ой, мне больно!» Мне стало так досадно, что я причинила ему боль из-за своей неосторожности...

Когда взрослые заканчивали свою беседу, для нас наступал долгожданный момент. Отец Петр обращался к сестре: «Таня, ну что там у нас есть, давай на стол». У него для детей всегда было припасено то, чего у нас не было. Например, сочные ароматные яблоки зимой, золотистые апельсины, мандарины. Я помню, как тетя Таня достанет из-за ширмы яблоки, помоеет их, порежет на четыре части, вычистит семечки, тогда Батюшка говорит: «Давай детям. Нет, подожди, что-то они холодные. Принеси кипяточек, я погрею их, а то у меня горло

болит, и у них будет болеть».

В последние годы жизни отец Петр Сухоносков свой дом отдал беженцам из соседнего городка-курорта Серноводск. Глава этого семейства много лет работал учителем физики, но вынужден был покинуть разрушенный во время артиллерийского обстрела и бомбардировок дом и вместе с женой, работавшей в местном санатории медицинской сестрой, и двумя дочерьми искать нового пристанища. Промыслом Божиим он познакомился с отцом Петром, который тут же приютил его в своем доме. Батюшка не скрывал радости, видя, как вся семья - и родители, и дети - стали по-настоящему церковными, православными людьми. Он много молился за хозяйку этой семьи Нину Петровну, сильно пострадавшую от своей доверчивости местному оккультисту: она не могла уснуть по несколько суток, мучаясь от тяжелых нервных и психических состояний.

«А мы будем молиться, - успокаивал ее отец Петр, - и все пройдет. Раз вы не спите по ночам, то молитесь, и я помолюсь ночью, потому что тоже сна нет».

Когда же становилось особенно тяжело, пастырь вместе с Ниной в своей комнатке опускался на колени перед святыми образами Спасителя и Матери Божьей и со слезами вымаливал облегчение ее душевных терзаний. И, действительно, состояние женщины заметно улучшилось. Вскоре она смогла найти работу, дети пошли в школу, а через три года старшая дочка Таня стала у Батюшки помощницей во всем, что касалось делопроизводства и порядка в бумагах. Нине Петровне и ее детям отец Петр часто дарил духовные книги, которые теперь стали бесценной реликвией всей их семьи. На одной из таких книг он напечатал и собственноруч-

но вклеил слова преподобного Исаака Сирина:

«Позволь преследовать себя, но сам не преследуй.

Позволь распять себя, но сам не распинай.

Позволь оскорбить себя, но сам не оскорбляй.

Позволь клеветать на себя, но сам не клеветай.

Радуйся с теми, кто радуется.

Плачь с теми, кто плачет –

Таков закон чистоты.

Страдай с болящими, скорби с грешниками, радуйся с
кающимися.

Но в духе твоём оставайся одинок.

Набрось покрывало на впавшего в грех и прикрой его.

И если не сможешь взять на себя его прегрешение и
понести кару и стыд вместо него, то хотя бы не забывай его».

«Я часто открываю эти слова, - говорит Нина Петровна, - и задумываюсь над тем, что каждая строчка написанная относится к Батюшке. Все сказанное в них он пережил и исполнил сам».

«Мы в полной мере

испытали на себе благодатную силу святых Батюшких молитв, - рассказывает Татьяна Гапотченко, старшая дочь Нины Петровны Сапрыкиной. - По его благословию я вышла замуж за верующего человека. Когда пришло время рожать, то мама хотела отвезти меня в соседний Владикавказ, чтобы я была под наблюдением хороших специалистов. Но Батюшка не благословил, а настоял на том, чтобы я рожала в Слещовке и чтобы рядом были родные. Я не дерзнула ослушаться и осталась дома. Роды у меня были тяжелые, т.к. когда меня привезли в больницу, то родовая деятельность полностью прекратилась и ребенок мог погибнуть в утробе. Что только врачи ни делали - все было неэффективно. Мама в слезах прибежала к Батюшке и стала просить его святых молитв. Тогда он открыл Царские Врата в нашем храме и отслужил молебен. А меня в больнице тем временем положили на стол, собрались все врачи и смотрят с удивлением: «Таня, как же твой ребенок еще живет? Ведь у тебя совершенно нет вод». Но по милости Божьей и молитвам нашего отца Петра все прошло благополучно, и на свет появился наш живой и здоровый сыночек-первенец. Когда меня выписывали домой, то Батюшка всех врачей одарил конфетами».

Последние годы рядом с ним жила девочка Ангелина (на фото). У нее было непростое детство: в неполные пять лет ее едва не убили собственные родители - горькие сельские пьяницы. «Наш ребенок: что захотим - то и сделаем», - задиристо поговаривали они, когда соседи старались хоть как-то уговорить их. И когда близкие увидели, что в любой момент эти угрозы могут стать кровавой драмой, они вырвали девочку оттуда и привели к Батюшке для временного жительства. Несмотря на угрозы лично расправиться «с попом», отец

Петр решительно не отдавал им ребенка, а вскоре суд лишил их родительских прав. Но Ангелина так и осталась жить у Батюшки. Она была настолько запугана постоянными угрозами, пьяной бранью, драками своих родителей, что ни с кем не разговаривала: исключением был только Батюшка, который сажал ее себе на колени и учил грамоте, а девочка открывала ему свои детские секреты. Вскоре у нее проявились заметные способности к церковному пению. Поначалу Ангелина стояла в понамарке и негромко подпевала клиросу, время от времени спрашивая стоявшую тут же для помощи Батюшке пожилую женщину: «Тетя Надя, я правильно беру ноту?» Батюшка из алтаря подбадривал свою воспитанницу, а впоследствии благословил ее на клирос учиться церковному пению всерьез.

«Анжеле вручили при певчих иконочку, прочел ей все, что Вами написано, - пишет Батюшка письмо в Украину, рассказывая о своей маленькой воспитаннице. – Стоит, бlyмае очима... Читает и поет по книге, но буквы не знает. Надо бы ей игрушку хорошую, а вот какую – я не знаю. Может быть, найдете?»

«Ангелине нужна игрушка, - вновь он вскоре обращается с просьбой, - только игрушка УЧЕБНАЯ, т.е. азбука. Ведь были же когда-то кубики с картинками! Память у нее есть, читает Трисвятое наизусть, но развитие надо подтолкнуть, вызвать желание учиться. Приходит к семи часам. Вообще, она речистая, выражается чистым русским языком. Может быть, найдете на картоне отдельные буквочки?.. Постарайтесь. Нужно срочно».

«Спаси, Господи, за кубики, - благодарит Батюшка, - да, этого я и просил. Анжела алфавит почти знает, но слоги даются ей трудно, или желания мало. Алле приходится покрикивать на нее. А на устную речь она грамотная. Но от строгих наказаний воздерживаемся... Ей уже 7 лет. В школу ходить опасно, а как еще – не при-

думаем...»

Отец Петр никого не назидал словом: вся его смиренная жизнь была лучшим проповедником всего, что заложено в православном христианстве.

«Однажды Батюшка преподал мне незабываемый урок смирения и кротости, -

рассказывает М., многие годы живший рядом с отцом Петром. - Как-то я заглянул в комнатку, где он обычно трапезовал. Смотрю: стоит баночка черной паюсной икры, и он ложечкой пробует ее на вкус. Видимо, кто-то привез этот деликатес, чтобы немного полакомить отца Петра. «Батюшка, что Вы делаете?» - в изумлении воскликнул я. «Да вот пробую, что это за штука такая», - ответил он. «Да это же икра! - вырвалось опять у меня, - Ее не едят ложкой, ведь это очень дорогой деликатес. Икру мажут на хлеб с маслом и подают к столу как закуску». «Правда? - посмотрел с искренним удивлением

на баночку Батюшка. - Неужели она в самом деле такая дорогая? Ну, тогда пусть ее едят другие ...» «Более достойные», - наверное, хотел добавить отец Петр, но не договорил и отодвинул от себя икру, прикрыв баночку крышкой. А в то время при церкви жила одна женщина. Она относилась к тому роду людей, которых Господь посылает нам для нашего же смирения и вразумления. Когда кто-то опаздывал на службу, вел себя в храме или возле него неподобающим образом, она начинала браниться, не слишком выбирая подходящие для этого слова. Прихожане ее запомнили как вечно ворчащую и чем-то недовольную. У многих она вызывала раздражение, ее недолюбливали и сторонились. И каково же было мое изумление, когда через некоторое время я вновь заглянул в комнатку, где был отец Петр, и вместо него увидел там ту самую женщину. Она сидела за столом и ... доедала ложкой деликатесную икру. «Вы что делаете? Кто вам разрешил это?!» - от неожиданности и возмущения я не мог найти слов. «Кто, кто? - проворчала она, облизывая ложку. - Батюшка - вот кто!» Так отец Петр дал мне понять, что нельзя ничем показывать перед людьми своего превосходства. Все мы - дети Божьи, Его рабы и слуги».

Из воспоминаний духовной дочери протоиерея Петра Сухоносова Анны Никулиной, проживающей ныне в г. Георгиевске Ставропольского края:

«Я знала отца Петра, когда была еще маленькой девочкой и просто из любопытства бегала в церковь на Пасху. Но ближе мы познакомились значительно позже. В 29 лет у меня была трехлетняя дочурка Ада, которую я собралась окрестить. Да и сама я была некрещеной, поэтому вдвоем пришли к Батюшке. Он не стал крестить нас сразу, а провел несколько бесед, расска-

зал о православной вере, Христовой Церкви, дал время выучить главные церковные молитвы и Символ Веры. Лишь в свои 29 лет я впервые узнала, что есть священники, которые трудятся в храме не ради зарплаты, а по глубоким убеждениям. Служба в храме была для отца Петра не работой, а призванием. Он горел верой в Бога. Так Батюшка стал вскоре крестным отцом мне и моей дочери, которую во святом крещении дал ей имя Дарья - с тех пор мы ее так и зовем. Мы очень привязались духовно к Батюшке, но не решались переехать к своей сестре. Жила я тогда в Новгородской области. И вот спрашиваю отца Петра: «Батюшка, а если мы соберемся переезжать, Вы нас благословите?» Он отвечает: «А вы к нам сразу сюда в Слепцовку и переезжайте».

Так оно и получилось. Вскоре дом моей сестры в Серноводске разбомбили, и мы - две семьи - поселились с Батюшкиного согласия и благословения в его доме рядом с церковью, где он служил. Вот с этого времени наше общение с отцом Петром настолько сблизилось,

что он стал нам как родной отец. После каждой службы мы все шли к Батюшке за благословением.

Христос посреди нас.
Величаем ты пречистая дева
избранная отраковница и тмим же
в храме господи вношение твое
Вспогой и радной нам батюшка
вашего благословения юный
ж Ванд. Благословите поздравите
вас всех с праздником божией матери
и пожелать вам всех благ от господи
нашего гуса Христа здоровья и благо-
получия на дальне и многие годы Радной
нам батюшка прошу вашей помощи
помогите мне в моих
трусдах, кратости, смиренне и правде.
Помогите за нас всех.
я хочу каждую субботу наног к
брату Женюке и воскресенья я бываю
с ним будино слушаем то что она нам
приподаст. прошу ваших святых молитв

За молитвенной помощью и духовным советом к отцу Петру обращалось огромное число людей - и пожилых, и молодых, и даже малолетних детей. На фото - одно из таких детских писем, адресованных Батюшке

Я не забуду его широкую теплую руку, которой он нас благословлял, и его ласковые слова: «Доченька моя». За все время я ни разу не видела его раздраженным, сердитым, разгневанным, не услышала ни одного грубого или резкого слова. В его глазах светилась глубокая вера и смирение, в них можно утонуть и утешиться. Он подарил нам много книг о Православии, житиях святых, и мы читали эти книги запоем. У нас не всегда была возможность купить их в церковном киоске, а Батюшка дарил нам, не жалея денег.

Отец Петр радовался, когда мы всем нашим дружным семейством приходили в храм на службу, а если по какой-то причине мы не были на вечерней, то Батюшка после службы приходи к нам сам и говорил: «Аннушка, какая красивая вечерняя служба! Какие прекрасные молитвы!» И нам невольно становилось стыдно за себя, что мы разменивали эту благодать на мимолетные суетные дела.

Однажды мою Дарью, когда ей было уже 6 лет, на улице сбила машина. У меня наступило такое отчаяние, что я решила: это конец. Врачи не давали никаких гарантий, но отец Петр неустанно молился о ее спасении, и она по святым молитвам Батюшки выжила и выздоровела.

Я прожила с Дарьей и семьей своей сестры Нины в доме отца Петра полтора года. Но потом жизнь сложилась так, что я была вынуждена переехать в Георгиевск, чтобы ухаживать за своей тяжело больной мамой. Осознание того, что придется расставаться с нашим любимым наставником, сильно угнетало меня. Слезы не высыхали на глазах, хотя по своей натуре я человек не плаксивый. И вот наступил час расставания. Мы подошли с сестрой Ниной к Батюшкиному домику и постучались в дверь. Был вечер, густые сумерки. Отец Петр открыл дверь и приветливо встретил нас. Внутри тоже было темно, свет не горел.

«Господи, - думала я, - только бы Батюшка не включил свет». Я еле сдерживала себя, чтобы не разрыдаться, слезы душили меня и ручьем текли по щекам. Но отец Петр словно догадался о том, что творилось в моей душе, и пригласил нас к себе, сказав при этом: «Давайте не будем включать свет, посидим так». И я немного успокоилась. После нашего расставания я несколько раз приезжала в Слепцовку, чтобы навестить своего духовного отца. А перед тем, как его схватили бандиты, мне было видение: я стою перед Батюшкой на коленях и безутешно рыдаю - с таким чувством, будто больше никогда не увижу его живым...»

Горя, пламенея любовью к людям, свою радость к ним Батюшка, однако, проявлял очень сдержанно: его никогда не видели громко смеющимся, распахивающим объятия гостю. Лишь взгляд - необычайно теплый и ласковый - говорил о том, что он несказанно рад видеть человека. Когда ему докладывали, что приехал кто-то из близких, отец Петр начинал суетиться в своей скромной комнатке, зажигать лампадки перед образами, поправлять фитили, отдавать распоряжения. Но во всей этой суете виделась радость, которой было переполнено его любящее сердце. Своих гостей отец Петр встречал и провожал отеческим благословением, ласково при этом целуя в голову. Часто близкие люди - взрослые и дети - становились под благословение Батюшки, кланяясь ему до земли.

Живя необычайно скромно, отец Петр находил возможность постоянно помогать другим. Через наиболее доверенных людей благотворил бедным монастырям, много жертвовал заключенным в местах лишения свободы, обездоленным. Это добро совершалось им в глубокой тайне, сокровенно, бескорыстно,

поэтому многие дела милосердия Батюшки остались скрытыми от людской славы и известны лишь Богу.

Одно из последних свидетельств, раскрывающих тайну милосердия отца Петра Сухоносова, поведала совсем недавно Наталья Ефимовна Афанасьева, уроженка станицы Слепцовской, с раннего детства воспитывавшаяся под благотворным влиянием Батюшки.

«Помню, мне было лет семь, - вспоминает Наталья Ефимовна, проживающая ныне в Тюменской области, - как Батюшка стал мне духовным отцом. Мама наша часто болела, и отец Петр постоянно бывал у нас дома, исповедуя маму, причащая ее и постоянно беседуя со мной и моей сестричкой Ксенией. А по вечерам он приходил к нам вместе со своим близким другом Федором Тимофеевичем Гриценко и его женой. Все вместе они в утешение нашей мамы пели умилительные духовные песнопения.

Однажды Батюшка, как обычно, пришел к нам, а я занималась домашней уборкой, подметала двор, поэтому лишь подошла к нему, попросила святого благословения, проводила в дом, где находилась больная мама, а сама возвратилась к незаконченной уборке. Делаю свое дело неспешно, а Батюшка, оказывается, все это время меня терпеливо ждал, чтобы в моем присутствии начать свою духовную беседу.

Мама позже вспоминала об этом случае:

«Подойдет, - говорит, - к окну, посмотрит и снова присядет на стульчик».

«Все еще метет», - говорит. И продолжает терпеливо ждать. А когда я все закончила, вошла в дом, то Батюшка радостно обращается ко мне:

«Вот и дождался я тебя. Теперь давай побеседуем».

Меня всегда удивляло, как ему, священнику на несколько больших станиц, хватало времени и терпения для меня, подростка!

Еще помню, что возле калитки на церковный двор стояли нищие и просили милостыню. Звали их Стефан и Феня. Феня видела очень плохо, почти незрячая. Подадут ей монетку, она благоговейно крестится, и Стефан молится. Чем-то он был похож на юродивого во Христе: летом и зимой стоял возле церкви босиком и смиренно просил подаяния. Ему из сострадания дадут старые сапоги или еще какую обувь, а он их свяжет веревкой, перекинет через плечо и снова босиком стоит на холодной земле. Я его хорошо помню: русоволосый, с выразительными голубыми глазами...

Батюшка очень берег этих Божьих людей. Когда в церкви совершалось отпевание, то Стефан шел из храма на кладбище впереди всех и без посторонней помощи нес на плечах могильный крест. Крест тяжелый, а путь был неблизкий.

Отец Петр любил всех, кто шел к нему, никого никогда не осуждал и не укорял ни в чем. Меня он в детстве благословил образом моей небесной покровительницы святой мученицы Наталии, с того времени этот образок всегда со мною.

Мы с сестрой пели на клиросе в храме и читали, а Батюшка за нас сильно страдал от властей. Ведь то были 1960-е годы, открыто исповедать свою веру строжайше запрещалось. Вот и вызывали нашего настоятеля то в районо, то в райисполком, в местной газете критиковали за то, что он втягивает нас в церковь. Отец Петр смиренно терпел все насмешки и угрозы и нас учил собственной жизнью не стыдиться святой веры в Христа».

Рассказала Наталья Ефимовна о том, что до недавнего времени было ее сокровенной тайной:

«Мой покойный папа 1904 года рождения тоже был православным священником. За свою веру он сильно пострадал, прошел через тюрьмы и сталинские лагеря. Последний срок отбывал десять лет: с 1937 по 1947 годы. Когда его содержали в знаменитой Бутырке,

то под жесточайшими пытками принуждали отречься от веры и сана. Палачи ему ломали пальцы, загоняли иголки под ногти, приговаривая при этом: «То ты крестил, а теперь мы тебя «крестить будем» Три раза надзиратели ему вязали ноги и головой вниз опускали в тюремные нечистоты...

После всех пережитых издевательств и увечий рук папа уже физически не мог служить у Престола и совершать священнодействия. Зная о том, что ему довелось пережить и через какой ад пройти, отец Петр из великой милости и сострадания причащал моего папу прямо в алтаре».

«В своих молитвах я обращаюсь к нашему дорогому Батюшке как к священномученику, прося у него ходатайства перед Богом о прощении грехов и помощи, - завершает свои воспоминания Наталья Ефимовна. - Однажды во сне я увидела его, входящего в открытую дверь. Я сложила руки под благословение и подошла к нему. Батюшка благословил, положил на мои ладо-

ни свою широкую руку и говорит: «А руки-то болят у тебя!»

У меня действительно руки сильно болели и не-мели по ночам. После этого видения боли совершенно прошли, то есть я получила чудесное исцеление по молитвам нашего страдальца - духовного отца Петра.

Другой раз я его увидела молодым – таким, каким его помню, когда еще была девчушкой. Я сильно обрадовалась и подбежала к нему, говорю: «Батюшка, я так много плакала, когда узнала, что Вас бандиты похитили и замучили. А Вы живы?»

«Да, я жив!» - ответил он...

Митрополит Вениамин в своих воспоминаниях об отце Иоанне приводит примеры, как кротко и смиренно относился праведник к людям неправославного вероисповедания. Будучи жестким обличителем

всякого рода ересей, Иоанн Кронштадтский своим личным примером показывал добросердечное расположение ко всякому человеку, который нуждался в помощи.

«Всеми силами старайся насаждать, развивать и укреплять в душе своей искреннее ко всякому человеку доброжелательство и любовь – и нещадно гони из сердца зарождающуюся зависть и недоброжелательство или презорство, неприязнь и ненависть, которые суть исчадие диавола, - пишет праведный Иоанн в своих дневниковых размышлениях. - Предоставляй суд над людьми неправедными праведному Сердцеведу и Судии всех – Богу; ты же молись усердно о неправедных, да обратятся от неправды ко всякой правде, да не погибнут и спасутся. Между тем бывает так, что мы озлобляемся на неправедных и судим их в себе строго, желая им наказания и муки и даже смерти, забывая, что и они имеют душу разумную, способную чувствовать, любить, каяться, исправляться, изменяться к лучшему. Старайся всеми силами иметь в сердце ко всем любовь и желание добра, - чтобы и тебе желали добра и любили тебя. Не уподобляйся злему (диаволу), но благому (Богу) (3 Ин. 1, 11)» [41].

В книге «Кавказская Голгофа» [42] есть отдельная глава о том, с каким терпением, незлобием, любовью и простотой отец Петр строил свои отношения с людьми другой веры - мусульманами, ничем не противопоставляя себя им и не возносясь над ними. Служение в здешних местах требует от православного пастыря особого такта, понимания и уважительного отношения к местным традициям.

Станичники-мусульмане с глубоким почтением относились к настоятелю здешнего православного храма протоиерею Петру Сухоносову - за праведность его жизни, смирение и простоту, любвеобильность и внутреннее обаяние. Некоторые из них между собою назы-

вали его «русским муллой». Они всегда учтиво здоровались с отцом Петром, встретившись на улице, охотно приходили, когда он обращался к ним за помощью.

Отец Петр достойно представлял в исламском крае Православную Церковь, умея наладить правильное общение с лидерами местных мусульманских общин. Если возникала необходимость дать ответ по существу того или иного богословского вопроса - а такие вопросы неизбежно возникали при контактах и встречах настоятеля православного храма с имамами мусульманских мечетей - Батюшка отвечал, ссылаясь на Священное Писание и творения святых отцов Церкви: без угодничества и лести, убедительно и доступно. Часто появляясь в станицах или бывая в ингушских селах, он никогда не снимал с себя подрясника и иерейского креста.

Бексултан - бригадир ингушских строителей, работавших в середине 1990-х годов на реконструкции Покровской церкви в Слепцовке (на фото крайний слева) - вспоминает о своем общении с отцом Петром Сухоносковым:

«Однажды Батюшка подходит ко мне, отзывает немного в сторонку и спрашивает, стали бы мои рабочие курить в мечети или возле нее. «Конечно, нет, верующий человек этого не позволит себе», - ответил я. «Тогда почему они курят на территории нашего храма?» - прямо спросил меня отец Петр. Я немедленно собрал ребят и напомнил им то, о чем нас просил и предупредил мулла, и с тех пор к этому вопросу мы больше не возвращались.

Мы старались как можно быстрее завершить начатую работу и работали без выходных. В первый же воскресный день наша бригада с раннего утра собра-

«Не бойся борьбы и не бегай ее»

Случалось ли вам, любезный читатель, задумываться над одним, казалось бы, простым вопросом: почему среди прославленных святых так мало приходских священников? Не тех, что пострадали за Христа, стали мучениками или же взяли на себя тяжелейшие, под силу далеко не всем, подвиги (юродства, например), а тех, кто прожил в миру благочестивую жизнь и мирно отошел ко Господу, обретя вечный покой для своей кроткой души.

Может, таких людей просто нет? Вряд ли. Они были всегда, во все времена. Наверняка, есть они и теперь. У покойного отца Петра Сухоносова доводилось видеть книги, посвященные как раз именно таким людям, подвижникам веры и христианского благочестия – не канонизированным Церковью, но вполне соответствующим образу святых. Среди них немало есть самых обычных, на первый взгляд, приходских священников, оставивших по себе благодарную память, живя в глубочайшем смирении, вере, чистоте, правде, нестяжании, самоотверженном пастырском служении. А сколько таких людей среди мирян – разных сословий, возрастов и профессий, которых вполне можно назвать бесребрениками, странноприимцами, исповедниками, праведниками? Что мешает поставить их имена рядом с теми, кто стал святым, прожив такую же благочестивую жизнь, но оставив мир и его суеты? Что мешает признать этих воистину Божьих людей тоже святыми, дабы на них, живших и подвизавшихся в миру, равнялись те, кто тоже живет в миру? А может, те, кто живет

в миру, испытывают меньше скорбей и теснот, нежели подвижники, порвавшие с ним?

В детальном описании жизни праведного Иоанна Кронштадтского, составленного митрополитом Вениамином, есть немало интересных наблюдений, касающихся нашего восприятия святости того или иного подвижника. Так вот, в те времена, когда к кронштадтскому пастырю пришла всероссийская слава, бытовало мнение, что вся его жизнь была бесскорбной, якобы лишенной того поприща борьбы, которое проходит настоящий подвижник. Один архиерей вообще сомневался в его праведности и святости именно через это кажущееся отсутствие внешних признаков крестоношения отца Иоанна. И что будто бы только в последние годы своей жизни он испытал на себе открытую газетную клевету, поношения и гонения в лице своих не в меру разумных почитателей – так называемых «иоаннитов», которых вполне можно уподобить сектантам.

Известно, что на личность отца Иоанна Кронштадтского поначалу неодобрительно смотрел даже такой современный ему духовный авторитет и подвижник, как епископ Феофан Затворник. В одном из своих писем он высказывал опасения, что отец Иоанн идет небывалым путем: спасется среди мира, среди многих соблазнов. Но за два года до кончины он изменил свое мнение:

«Отец Иоанн Кронштадтский – Божий человек. Молитва его к Богу доходна, по великой вере его. Господь хранит его в смирении и преданности Его святой воле, и в самоотвержении... Это – милость Божия!!» [45].

История Церкви знает немало примеров того, как святые угодники, почти не знавшие открытых гонений, изгнаний, поношений, тем не менее несли порой

тяжелейшую внутреннюю борьбу – духовную брань. Подтверждением тому может стать, к примеру, житие и подвижничество одного из наиболее почитаемых святых последнего времени – преподобного Силуана Афонского.

Вся долгая пастырская жизнь праведного Иоанна – а это более полувека – тоже была сплошным поприщем духовной борьбы, прежде всего с искоренением из души и тела всякого греха, всякой склонности к нему. Об этом отец Иоанн пишет много в своих дневниковых записях.

«У людей, старающихся провожать духовную жизнь, – наставляет он, – бывает самая тонкая и самая трудная война через помыслы, каждое мгновение жизни – война духовная» [46].

«Иногда только лишь насладишься Господом, а враг вскоре же после того или сам, или через людей нанесет тебе крайнюю скорбь. Таков удел работающих в этой жизни Господу» [47].

«Не испытаешь на себе действий злых козней духа злого, не узнаешь и не почтишь, как должно, благодеяний, даруемых тебе Духом благим; не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти – мы узнаем ясно ту и другую; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя, Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти» [48].

Вот что было скрыто от взора тех, кто судил о личности отца Иоанна лишь по его внешнему образу жизни. А если добавить сюда телесные болезни праведника, ежедневные разъезды по больным, умирающим, обездоленным, скорбящим? И, возвратившись домой смертельно уставшим, обессиленным глубокой ночью, немного отдохнуть, чтобы в четыре утра снова быть в

храме для молитвы и утешения ждавшей его паствы.

«Да одного этого духовного подвига, и подвига «непрестанного», - заключает Владыка Вениамин, - достаточно для того, чтобы сказать: не вынести другому! А батюшка нес его всю жизнь» [49].

Размышляя о природе духовной брани как необходимого условия спасения и христианского совершенства, достижения святости, отец Иоанн Кронштадтский заключает:

«Не бойся борьбы и не бегай ее: где нет борьбы, там нет и добродетели, где нет искушения верности и любви, там неизвестно, есть ли верность и любовь ко Господу. Вера, упование и любовь наши познаются в противностях, то есть в трудных и тяжелых обстоятельствах внешних или внутренних: в болезнях, в скорбях, в лишениях» [50].

Всю жизнь скорби не просто сопровождали, а преисполняли отца

Протоиерей Петр Сухоносов совершает отпевание усопшего. 1980-е годы

Петра Сухоносова, время от времени лишь ненадолго ослабевая, а потом, по попущению Божьему, разгораясь с новой силой.

Уже в первые годы своего священства Батюшка сполна испытал на себе гнев и немилость официальных властей, которые искали малейший повод, чтобы оболгать, очернить молодого иерея, уронить его авторитет среди верующих. Слепцовский же период служения отца Петра – а это, напомним, без малого сорок лет – был сплошным крестоношением, завершившийся мученической смертью. Батюшка приехал в казачью станицу – совершенно чужой, незнакомый ему край – в очень сложный период, который уже сам по себе требовал от православного священника немалого мужества и готовности терпения скорбей. Когда сюда ехал отец Петр, в эти же места после многолетней сталинской депортации к родным очагам возвращались чеченцы и ингуши – коренное население здешнего края, исповедовавшее не христианство, а ислам, с совершенно отличными от христианства религиозными традициями и культовой практикой. Их отношения с казачеством, населявшим Слепцовку и другие сунженские станицы, всегда складывались непросто. Историческая народная память горцев хранила много разных обид на царское время, на допущенную несправедливость в период сталинской депортации.

«Я, приехав сюда, был смущен, - так вспоминал потом Батюшка, - в автобусе с ингушами ехал, они возвращались из ссылки, да как на их территорию въехали, так запели – заунывно, скорбно... Страшно мне стало: куда еду?..»

«Идти в церковь по темным улицам в те годы было страшно, особенно зимою, - рассказывала Евдокия Евдокимовна Афонина, проработавшая у отца Петра более тридцати лет церковным кассиром. - Бывало, иду в храм на службу, глухая ночь вокруг, и вдруг из темноты

слышу неприветливый голос кавказца: «Кто идет?» Отвечаю: «Человек идет». А сама молюсь, чтобы Господь спас от беды. «Ну, иди...», - слышу тот же голос. Многие шли пешком по 8-10 километров, чтобы попасть на службу. Вот какие ревностные люди были!»

А мог ли отец Петр отказаться от Слепцовки, предложенной ему архиереем Владыкой Антонием? Наверное, во власти Владыки, близко знавшего своего воспитанника, было возможным как-то иначе решить его судьбу, найти другое, более спокойное и не такое опасное место. Но Владыка, наделенный от Бога даром духовной рассудительности и мудрости, решил по-другому: он отправил своего любимого ученика на подвиг, а сам ученик с глубоким смирением и покорностью принял архиерейское благословение, не выпрашивая для себя ничего лучшего.

До прихода отца Петра Сухоносова в Слепцовку, тут мало кто задерживался подолгу на одном месте. И когда еще молодой годами настоятель совершил здесь свое первое богослужение, казаки сразу увидели в нем поистине ревностного пастыря, стремившегося угождать не властям, а Богу.

Но пройдет немного времени – и приблизительно с середины 1960-х годов на отца Петра Сухоносова поднимается новая волна гонений. К тому времени Ставропольскую епархию возглавлял уже не Владыка Антоний, а другой архиерей. Властям удалось принудить его написать указ, согласно которому настоятель Покровского храма станицы Орджоникидзевской священник Петр Сухоносков выводился за штат. Официально причина была сформулирована так: «по болезни». Но истинная причина крылась в совершенно ином.

Как раз в те годы страна готовилась помпезно от-

метить 50-летие Октябрьской революции. Власти всячески старались внушить людям, что в советском обществе наступило полное и бесповоротное торжество атеизма. А для подкрепления этой лжи нужны были факты: о закрытых храмах, о священниках, запятнанных неблагоприятными делами и поступками. И такие «факты» создавались искусственно. К тому же партийным властям бывшей Чечено-Ингушетии давно «мозолил» глаза единственный в Грозном Михайло-Архангельский православный храм, уцелевший от разрушения большевиками в 20-30-е годы. Идея «светлого коммунистического будущего» никак не гармонировала со стоящей в самом центре города церковью, двери которой всегда, даже в годы страшной войны с немецко-фашистскими оккупантами, были открыты для прихожан. Но ликвидировать или хотя бы «временно» закрыть здешний храм, где располагалось благочиние республики, означало вызвать бурю негодования со стороны верующих, негативный резонанс среди широкой общественности. Поэтому власти решили для начала расправиться с храмом в Слепцовке, чтобы тем самым существенно ограничить влияние церкви на население края.

И они стали искать для этого подходящий повод, применив проверенную тактику стравливания людей, сплетен, доносов и клеветы. Расчет был очень прост: настоятель, по мысли организаторов беззакония, не сможет угодить всем, рано или поздно он обязательно займет позицию одной из конфликтующих сторон и тем самым станет неудобным для другой. Но отец Петр смиренно и всецело предал себя в руки милосердия Божьего. Он хорошо понимал: полагаться на чью-либо иную помощь - простых людей или власть имущих - означало погубить себя и свою паству.

Так для отца Петра началась настоящая травля, подогреваемая грязными сплетнями, слухами, зубоскальством.

Размышляя сегодня над теми скорбными для Батюшки днями, начинаешь понимать, что именно указ архиерея вывести настоятеля за штат спас отца Петра от окончательной расправы. Ведь выведенный за штат священник был волен сам определять свою дальнейшую судьбу: ехать куда-то или оставаться на месте. Поступи правящий архиерей по-иному - например, подпиши он указ о переводе отца Петра на другой приход - и Батюшка обязан был бы исполнить волю Владыки. Годы служения в Слепцовке сроднили отца Петра Сухоносова с этим казачьим краем и его людьми. Тут его уже хорошо знали, любили, он сблизился духовно со многими прихожанами. Неплохим для него оказался и климат с сухим жарким летом и умеренными холодами зимой. Поэтому, имея на руках архиерейское распоряжение, он решил остаться на месте, никуда не уезжая. Простые люди видели вопиющую несправедливость, допущенную к их доброму пастырю, и всеми силами старались защитить его.

Чтобы хоть как-то утихомирить кипевшие в храме страсти, Владыка направил сюда нового настоятеля. Но верные своей совести прихожане отказались принять его, решительно сказав: «Мы будем хлопотать за своего». Так же поступили и со вторым священником - архимандритом, приехавшим для служения в Слепцовку.

Но на этом гонения не прекратились. Батюшку стали вызывать в государственные учреждения, где его уже никто не мог защитить от произвола и насилия местных властей. Он вынужден был покидать свой храм, чтобы давать пояснения в разных кабинетах, выслушивать нелепые обвинения в свой адрес, а затем, за их безосновательностью, возвращаться в Слепцовку. Но даже

тогда, когда Батюшке открыто угрожали расправой, он старался найти оправдание обидчикам, покрыть их своей любовью, привести к покаянию и примирению. Отец Петр твердо уповал на Господа, веря в то, что все эти испытания Он посылал ему для укрепления веры в Бога и любви к людям. Не теряли упования на милость Божию и те, кто оставался преданным своему пастырю, не разделял грязных разговоров и сплетен.

Весь этот страшный период Батюшка находился в своей келлии: он встал на подвиг безропотного терпения скорбей и молитвы. Никто не может припомнить, когда он ложился отдыхать - всю ночь до утра в его комнате горел свет. Люди знали: настоятель горячо и слезно молится вместе с ними за судьбу храма. На его лице никто не видел следов отчаяния, страха, чувства какой-то безысходности. Выходя навстречу ожидавшим прихожанам, он поражал всех своим спокойствием, молитвенным настроением, внутренней собранностью. Это его духовное состояние передавалось и людям.

«Будем терпеть и молиться, - успокаивал их Батюшка, - Господь не оставит нас...».

Прихожане по-прежнему не оставляли без присмотра свой храм, теперь закрытый милицейским замком, чтобы туда не проникли посторонние. А у отца Петра между тем нашлись недоброжелатели и завистники даже среди духовенства.

«Чего это они в Слепцовку рвутся? Что там такого нашли?» - недовольно говорили некоторые, видя, как люди отовсюду шли и ехали к отцу Петру, чтобы поддержать его в трудный час.

«Чего вы все заступаетесь за этого блудника и разбойника?» - говорили гневно другие, не в силах понять любовь простых прихожан к своему настоятелю.

«Ничего, никуда он не денется, будет служить, как и все. Какая им разница, кто как служит?», - злорадствовал кто-то, видя, как за свою несгибаемую веру и

служение настоятель слепцовского храма подвергается безжалостным поношениям и клевете.

Надо признать: не было единоклассников и среди прихожан. Часть верующих, видимо, поддавшись увещаниям и угрозам местных властей, тоже восстала против своего настоятеля, оболгав его и тоже назвав «разбойником». Раздоры не прекращались. Одни ездили кляузничать в епархию и в Грозный уполномоченному, а другие неустанно молились Спасителю, Небесной Заступнице, Архистратигу Божьему Михаилу и всем святым за избавление отца Петра от наветов вражьих. Почти целый год церковь была на замке. Лишь на Страстной и Светлой седмицах власти разрешили совершить богослужения, чтобы дать людям возможность встретить Христову Пасху и освятить пасхальные куличи.

«200 человек день и ночь молились в ограде нашего храма, - вспоминает о том смутном периоде Евдокия Евдокимовна Афонина. - Одни уходили по домам, чтобы немного отдохнуть, другие приходили им на смену. Полный двор людей был! Каждому хотелось почитать, помолиться вместе со всеми, а двор не мог вместить сразу всех желающих».

Под нажимом безбожных властей отец Петр подвергся открытым гонениям со стороны правящего в тот период архиерея. очевидцы, бывшие у него на приеме в Ставрополе вместе с отцом Петром, вспоминают, что

Святейший Патриарх Алексий II с известным российским ученым-экономистом и благотворителем Борисом Кузыком

Владыка неожиданно предложил ему: «Я тебе любой приход дам. Только уйди оттуда».

Отец Петр смиренно поклонился архиерею и попросил оставить на месте.

«Почему не уходишь? - вспыхнул Владыка. - На каком основании?!»

«На основании старцев», - так же смиренно и кротко ответил ему Батюшка, кланяясь в ноги.

Есть основания полагать, что отец Петр сослался на благословение грузинского старца иеросхимонаха Херувима, которого он давно лично знал и доверял ему все откровения своей души. Незадолго до гонений Батюшка приехал в горное грузинское село Ахкперти, где подвизались 20 сестер вместе в игуменьей Марией. Все они жили в небольших домиках, днем вместе с другими трудились на землях здешнего колхоза, а по ночам и в праздники совершали тайные богослужения. Там же подвизался и почтенный схимник отец Херувим (на фото). Когда приехали гости из Слепцовки, старец предложил им совершить небольшой поход к одному из чудотворных горных источников, но сам шел с отцом Петром на некотором расстоянии от всех, творя молитву и слушая то, о чем ему поведал Батюшка. И в этой беседе старец прозорливо открыл ему, что все гонения, которые отцу Петру предстояло вскоре претер-

петь, суть от врага нашего спасения, и покидать Слепцовку он своего святого благословения не дает.

И вот теперь отец Петр смиренно стоял в кабинете разгневанного архиерея, уповая лишь на милость Божию.

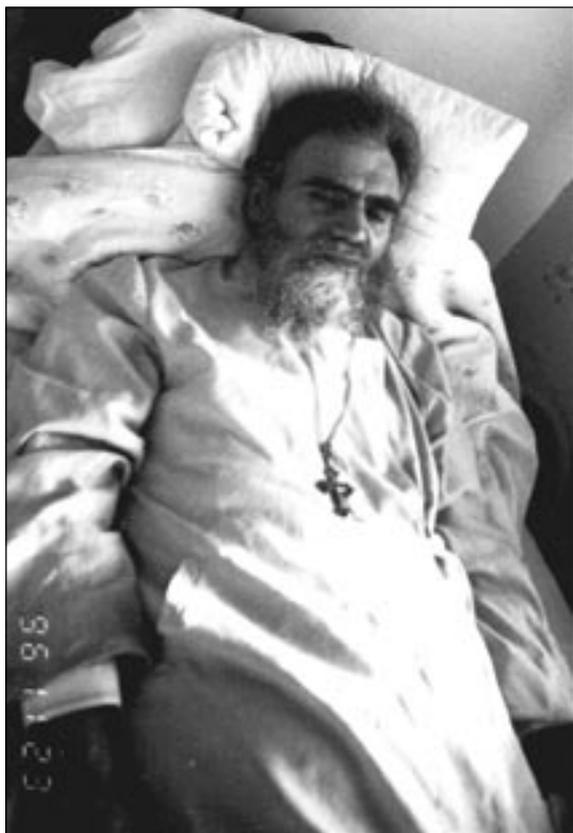
«На основании старцев? – воскликнул он, услышав от своего клирика такой ответ. – А я кто для тебя?!»

Отец Петр молчал, склонившись до самой земли. Владыка встал из-за стола, гневно посмотрел на священника и широким шагом молча вышел из кабинета...

Как и чем разрешился этот драматический конфликт – подробно описано в предыдущей книге «Кавказская Голгофа». Напомним, что справедливость была полностью восстановлена благодаря личному вмешательству в этот конфликт Патриарха Алексия I. Однако окончательное восстановление отца Петра Сухоносова в служении связано с именем нынешнего Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия II, бывшего в те годы в сане Митрополита и занимавшего должность Управляющего делами Московской Патриархии. Именно он добился от местных властей полной справедливости, сняв с Батюшки все обвинения и клевету.

18 апреля 1965 года Ставропольским архиепископом Михаилом отец Петр был поставлен в сан протоиерея. Почти через 30 лет спустя – ко дню Пасхи 1993 года от Рождества Христова – новый архиерей наградил его святой митрой, а в 1998 году, за год до мученической смерти – орденом святого равноапостольного князя Владимира III степени.

Интересно, что распоряжением Святейшего Патриарха отцу Петру повелевалось служить настоятелем Покровского храма в Слепцовке пожизненно. Промы-

сел Божий укоренил отца Петра в станице до последней Божественной литургии, которую он совершит, прежде чем кротко предать себя в руки палачей. В последние годы Батюшка даже на почтовых конвертах и в письмах, адресованных близким, подписывался так: «Протоиерей Петр Слепцовский». Слепцовка стала его жизнью и его судьбой.

В один из тех драматических дней, когда Покровская церковь была закрыта, а ее настоятель ожидал решения относительно своей дальнейшей судьбы, произошел дивный случай, о котором вспоминала ночной церковный сторож, потомственная казачка Мелания Воронкова. Сохранилась магнитофонная запись этого разговора, которую мы приводим с незначительным литературным редактированием. Датирована она 4 апреля 1991 года.

«Я вам не смогу назвать точно ни года, ни месяца, когда все это произошло. Помню только, что наша церковь была закрыта 9 месяцев. Батюшку мы не ви-

*Священники совершают масло-
соборование тяжело болящего
отца Петра в больничной пала-
те одной из клиник Пятигорска*

дели, он не служил, его постоянно вызывали куда-то, а тут была милиция и творилось невообразимое. Я работала ночным сторожем, а со мной вместе Катя - Катерина Алексиевская, она уже умерла. И вот мы с ней как-то дежури́м ночью. Дежури́м, а холодно! Церковь закрыта на замок, все кругом тоже закрыто и опечатано. А мы сидим под дверями возле сторожки, только брезентом сверху накрыто от дождя. Катя закуталась в тулуп, а я в шубу. И вот вдруг на меня напала дремота. Я говорю: «Катя, я подремлю немного. Хорошо?». А она мне в ответ: «Ну, разве мож-

*Протоиерей Петр Сухонос со своими воспитанниками,
пришедшими навестить его в больнице. 1996 год*

но?» И сама сидит, усердно читает молитвы, просит Архистратига Михаила защитить нас. А я не могу ничего с собой поделать, сплю - и все тут. Катя видит такое дело и говорит: «Ну ладно, подремли немножко». Я и задремала. Сколько я так дремала - не знаю. Только вдруг я открываю глаза и вижу, как из боковых дверей церкви выходит святой Иоанн Воин - точь-в-точь такой, как он там изображен у нас на иконе. Вышел во всем военном снаряжении, с копьем в руках. Все расправил на себе, подтянулся по-военному и спускается прямо к нам со ступенек коридора. Подходит сюда и говорит: «Я сейчас пойду до Ионы и вам помогу». Повернулся и пошел на Федоров двор. Там и исчез. Я кричу: «Катерина, вон

*Отец Петр и его родная сестра Татьяна Петровна
у гроба матери*

Иоанн Воин пошел!» Она смотрит и ничего не видит. Я ей снова кричу: «Да ты что, ослепла? Я вижу, а ты не видишь». Я его действительно видела не во сне, а живого, а Катя не видела. Потом она говорит: «Подожди, Мелания, это хорошо, что ты его видела». А Иона был в то время нашим епископом в Ставрополе. Там находился и Батюшка, поехал за разрешением. А вместе с ним много людей наших поехали. И вот ночью это случилось, а утром приезжает староста Семен Степанович и привозит ключи от церкви. Батюшка тоже приехал и сразу в райисполком пошел. Оттуда приходит и говорит радостно: «Федоровна, скорее открывайте ворота! Вот они, ключи!» И показывает их нам. Так Иоанн Воин святой все устроил, как пообещал».

Болезни, физические немощи тоже обильно устлали скорбями весь жизненный путь отца Петра. Крепким здоровьем он никогда не отличался: простуда, грипп, воспаление легких были его постоянными спутниками. Часто даже в летнюю жару Батюшка надевал телогрейку и обувал валенки, а едва становилось прохладно и сыро, то кутал горло шерстяным шарфом, но все равно постоянно кашлял и температурил. К врачам он не спешил обращаться - только в случаях крайней необходимости и только после настоятельных просьб его близких, а так всецело полагался на волю и милость Божию. В детстве он тоже часто болел.

«Однажды, - вспоминал отец Петр, - когда я был еще подростком, мне стало совсем плохо. Случилось это как раз под Успение. Пришел доктор и сообщил моей маме, что я уже не жилец на этом свете. А я и сам чувствовал, что смерть моя на пороге, и тогда попросил, чтобы меня причастил наш священник. Так и сделали. И вот верите? Не прошло и полчаса, как в моем больном

организме появилось какое-то облегчение. Много дней я на еду и смотреть не мог, а тут мне вдруг захотелось покушать. Так милостью Божьей и поправился. Матерь Божия отвела от меня смерть...»

За два года до трагедии, почти на престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отец Петр очутился в больнице: ему поставили диагноз, требовавший немедленного хирургического вмешательства. Батюшку полуживого привезли в одну из клиник Пятигорска (на фото). Проведать и поддержать его люди приезжали отовсюду.

«Без присмотра и заботы отец Петр не был, - пишет ставропольский священник протоиерей Ф.Устименко, - старались все: и местные, и приезжие батюшки и миряне. Приезжали со Ставрополя, из Слепцовки, из Грозного и даже из Волгограда. Врачи и медперсонал относились очень хорошо. Лежал он в отдельной палате, никем и ничем не стесненный. Он остался доволен и благодарен».

«Посетители, как паломники, шли к отцу Петру непрерывным потоком, - вспоминает в своем письме супруга бывшего благочинного церковей Чечено-Ингушетии матушка Людмила Нецветаева. - Таких батюшек-праведников в нашей Ставропольской епархии немного! Находился он в скромной, но, главное, в одноместной палате, на окне стояла икона и лампада, был он всегда в подряснике - и днем, и ночью. Любезно провожал нас до лифта, а был он еще очень слабый».

После двух тяжелых операций отец Петр возвратился домой с единственной почкой, но продолжал свое пастырское служение. Служить ему становилось все труднее и труднее. Часто он был вынужденный прерывать ненадолго службу, чтобы дать передышку больному сердцу. Кое-кого из церковных людей он просил тогда почитать проповедь святых отцов - особенно он любил пастырское слово Иоанна Кронштадтского. А нередко давал людям возможность послушать полез-

ную и поучительную информацию из церковных газет.

Именно в таком тяжелом физическом состоянии отец Петр встретил начало полномасштабных военных действий в Чечено-Ингушском регионе, направленных на подавление международного терроризма и сопротивления вооруженных боевиков.

Признаться, когда в свет вышла первая небольшая брошюра, посвященная жизнеописанию мученического пути отца Петра Сухоносова, сразу бросилось в глаза то, что в ней почему-то не было сказано почти ни слова об этом драматическом периоде служения. А между тем именно тогда с наибольшей силой раскрылся нестигаемый дух скромного сельского священника, готового душу и саму жизнь положить за свою христовлюбивую паству. Об этом периоде можно писать много, и в конце книги читатель найдет полную главу из «Кав-

«Святость наша есть долг наш»

Не так давно на одном из православных сайтов появился материал под названием: «Кавказский мученик протоиерей Петр», подписанный анонимно неким «иереем Г.» [51]. Помимо содержащихся там досадных неточностей и биографических несоответствий, обратило на себя внимание стремление автора внести в образ отца Петра Сухоносова элементы некой идеализации, без которых он и так воспринимается без всякого умаления.

На основании чего, например, утверждается, что в последние годы жизни отец Петр «стал совсем похож на Серафима Саровского»? Откуда у автора сведения о том, что, «даже заточенный в яме или подвале для заложников, отец Петр неопустительно вычитывал суточный круг богослужений без помощи Часослова», чем «вызывал невольное уважение даже у следивших за ним охранников»?

Среди огромного моря житийной литературы, посвященной подвижникам веры и благочестия нашего времени, подобные публикации, к сожалению, не являются редкостью. Мало встретишь такие жизнеописания, какое оставил нам митрополит Вениамин, где великий пастырь и чудотворец Иоанн Кронштадтский предстает перед нами в виде живого притягательного образа, святость которого вовсе не умалется описанием его личной борьбы с искушениями. Мы видим прежде всего живого человека, отличающегося от многих из нас гораздо более нетерпимым отношением ко

греху, гораздо более собранного молитвенно, более добродетельного и т.д. Отсюда – желание не только восхищаться такими подвижниками, но и быть хотя бы в чем-то на них похожими, подражать им, прежде всего, в стремлении к духовному совершенству, добродетелях, противостоянии собственным порокам и страстям.

Не чудеса, точно замечает Владыка Вениамин, составляют «самое высокое достоинство угодников Божьих, а их святая жизнь; чудеса же являются результатом и знамением – да и то не всегда обязательным – их святости» [52].

В самом деле, в истории Церкви немало подвижников, чья святая жизнь не вызывает сомнений, но при этом они не оставили никаких сведений о том, что были чудотворцами. Сказанное можно отнести, например, к равноапостольным Кириллу и Мефодию, преподобному Андрею Рублеву, святителю Феофану Затворнику. И в то же время наиболее почитаемые отечественные чудотворцы – преподобные отцы Киево-Печерские, Сергей Радонежский и Серафим Саровский – были прославлены не только за свои великие чудеса, но, прежде всего, за неоспоримую святость и богоугодность их жизни. Чудеса лишь засвидетельствовали сию святость.

Этому же учит и Евангелие. Вспомним, что сказал Господь на радостные слова Своих учеников, возвратившихся с проповеди и возвестивших Ему, что «и бесы повинуются нам о имени Твоем» [53]? Господь ответил на это довольно сдержанно: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» [54]. И тем не менее Господь радуется за Своих учеников, еще не осознавших до конца, какой милости они сподобились от Отца Небесного – видеть в Учителе Самого Бога, а потому говорит им далее: «Блаженны очи, видящие то, что вы видите» [55].

А в другом месте Господь уже строго предупреждает: «Многие скажут Мне в тот день (Страшного Суда): Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас, отойдите от Меня, делающие беззаконие» [56].

Таким образом, важны не чудеса, а святость жизни, сопричастность Христу. Об этом важнейшем христианском призвании праведный Иоанн Кронштадтский говорит настойчиво в своих проповедях и дневниковых записях:

«Святость наша есть наш долг, природа наша, интерес величайший, радость наша, цель всех стремлений и надежд наших, трудов наших; в святости наша жизнь, отрада, покой, наслаждение, край всех желаний, ибо соединяет нас с Богом» [57].

«Что такое святость? – вопрошает себя отец Иоанн в одной из дневниковых записей. – Свобода от всякого греха и полнота добродетелей. Этой свободы ... достигают только немногие усердные. И то не вдруг, а постепенно: продолжительными и многими скорбями, болезнями и трудами, постом, бдением, молитвою. И то – не своею силою, а благодатию Христовою» [58].

«Святые Божии велики по своему духовному расположению, по своей вере, по своему твердому упованию на Бога и горячей любви к Богу, для Которого презрели все земное. О, как мы пред ними ничтожны, как на них не похожи! Велики они по своим подвигам воздержания, бдения, поста, молитвы, упражнения в

слове Божьем, в богомыслии. О, как мы на них не похожи! Как же мы должны по крайней мере почитать их! Как просить их молитв за себя с благословением! Но ни в коем случае не относиться к ним легкомысленно, неблагоговейно, памятуя их обожение, единение с Божеством» [59].

«Неблагоднадежный, неистинный тот христианин, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ, НЕ НАДЕЕТСЯ И НЕ СТАРАЕТСЯ БЫТЬ СВЯТЫМ, - как неблагонадежен и тот воин, который не хочет, не надеется и не старается быть победителем. МЫ ВСЕ, возлюбленные братия, МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ БЫТЬ СВЯТЫМИ! – не своею силою и заслугами перед Богом, - нет; а силою благодати Божией; а благодать «комуждо – сказано – дадеса нам» (Еф. 4, 7), то есть дана каждому из нас; и (можем – заслугами Христовыми)» [60].

«ДА, НЕПРЕМЕННО СДЕЛАЕШЬСЯ СВЯТЫМ, - если не будешь жить в духовной дремоте и бездействии, а будешь деятельно воевать на страсти и на врага бесплотного, ежедневно усиливающегося поджигать нас страстями и пристрастиями житейскими» [61].

Размышляя о природе христианской святости, критериях применения этого богословского термина к земной человеческой личности, Владыка Вениамин рассуждает так:

«Святость!» - В нашем обычном понимании это слово имеет чрезвычайно высокий смысл: святой – это уже совершенный, то есть безгрешный человек. И обыкновенно этим именем мы называем прославленных уже Церковью, или канонизированных ею в этом качестве «святых» людей. Поэтому к обычным христианам, даже к лучшим из них, мы не прилагаем этого имени, а называем их «благочестивыми» или «богоугодными», в лучшем случае называем людьми «праведной жизни», но даже не праведниками: это слово у нас понимается уже почти как и слово «святой». И такая осторожность

в наименовании – похвальна: человек «святой» или «праведный» - это люди крайне редкие, исключительные, особенные, выделяющиеся по благочестивой жизни» [62].

И после этих слов Владыка признается в том, что применить слово «святой» даже к отцу Иоанну Кронштадтскому – в то время еще не канонизированному в лике святых угодников, но, безусловно, признаваемому в народе как выдающаяся, в полном смысле этого слова «святая» личность – было выше его прав. Поэтому он выбирает более умеренные определения – в частности, «преподобничество».

Называя в воспоминаниях свою бабушку «святой смиренницей», Владыка Вениамин тем самым тоже подчеркивает ее благочестие [63].

В Ветхом Завете словами «святость» (евр. *кодеш*) и «праведность» (евр. *цэдэк*) выражается духовное явление одного порядка: связь с Богом, исполнение Его заповедей, нравственная чистота и противоположность греховности. Пророк Моисей говорит Израилю: «В сем будет наша праведность, если мы будем стараться исполнять все сии заповеди пред лицом Господа, Бога нашего, как Он заповедал нам» (Втор. 6, 25). В апостольский век святыми называли всех христиан. Это указывало на их духовную выделенность светом Христовым из окружающий их тьмы неведения истины. Слово «праведный» в священных новозаветных текстах применяется к тем, кто своей богоугодной жизнью стяжал высокие добродетели: «тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43). В нашем же языке понятием «святой» принято называть того, кто соборным решением признан угодником Божиим и имя которого включено в святы. Понятие «праведник» по

объему шире. Оно относится ко всем людям высокой духовной жизни, как уже прославленным, так и еще не канонизированным [64].

Будем и мы, по примеру богомудрого Владыки, «со страхом Божиим» в этой главе говорить о тех сторонах жизни протоиерея Петра Сухоносова, которые соотносимы с размышлениями праведного Иоанна Кронштадтского о главном призвании и цели христианской жизни – быть святым, ибо христиане – это именно те люди, призванные, в конечном счете, быть святыми. Но при неуклонном общем оскудении духовной жизни и христианского благочестия, особенно в последнее время, святые люди стали настолько великой редкостью, чем-то чрезвычайным, а то и вовсе уму непостижимым, что нам порой действительно трудно поверить в то, что святые люди живут рядом с нами – живут тихо и кротко, озаряя нас благодатным светом своей веры, любви, бескорыстия и милосердия. Их жизнь исполнена часто великих скорбей, выдержать которые под силу лишь настоящим воинам Христовым. Такие люди по особому Промыслу Божьему становятся праведниками и мучениками, иногда уже при жизни прославляясь благодарной памятью народной.

Именно таким человеком был убиенный отец Петр. Можно снова и снова сказать: даже если бы его жизнь завершилась не христианским подвигом мученичества, а блаженным успением в старчестве, она все равно была бы достойна нашего восхищения прежде всего как жизнь *святая*. Хотя это совершенно не означает, что в ней не было места для борьбы со многими искушениями.

Люди, часто исповедавшиеся у отца Петра, свидетельствуют, что иногда Батюшка начинал слезно каять-

ся вместе с тем, кто стоял у него под епитрахилью, прося у Господа прощения и милости. Делал он это глубоко искренно, располагая тем самым человека к такому же покаянному настроению, раскрывая его душу и сердце.

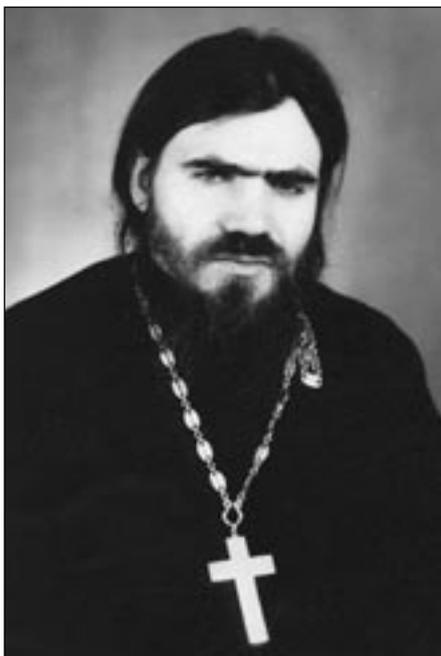
«Спаси, Господи, что хотите приехать, - пишет Батюшка одному из своих духовных чад, - но я же грешный, недостойный Вашего понятия о мне, самый рядовой и еще похуже, нет ничего, что бы хотели найти во мне. То болезнь-простуда, да и сердце, и еще леньность большая в постель меня много укладывают».

«Бывает так, что человек молится, молится, просит о чем-то Бога, а его молитва остается не услышанной, - наставлял отец Петр. - Причиной этому является чаще всего грех гордыни, который сидит у нас в душе. А Бог, как известно, любит смиренных, им Он дает благодать, а вот гордым противится. Человек должен это осознать и смириться. Есть грехи, которые являются проявлением нашей человеческой телесной немощи, а есть грехи, которые имеют прямое дьявольское происхождение. Гордость - это как раз тот самый грех. Когда человек горд, то это является прямым свидетельством того, что им правят страсти, и их-то и надо искоренять в себе самым решительным и беспощадным образом».

Внимательное, предельно взыскательное отношение к себе, внутреннее самосозерцание Батюшка стремился воспитать в себе с молодых лет под благодатным влиянием своих духовных наставников. Покойная матушка Анастасия до последних дней своих бережно хранила маленькие листочки, оставленные иеромонахом Симоном (будущим иеросхимонахом Сампсоном) с требованиями к духовной жизни. Вот, например, один из таких сохранившихся листочков.

«Чего надо бояться? - поучает старец. - Злоречия. Злословия. Пересуд. О ком-либо плохое что-либо сказать. О себе ни словом, ни намеком. Не извинять себя и не заступаться за себя, себя защищая. Чтобы лень, праздность, беспечность не мешали бы молитве. Бояться забыть не прочесть сердцем с умом «Достойно есть» 40 раз. Лень книгу читать духовную 30 минут ежедневно. Не записать укоризны совести. Молитва, молчание, самоосуждение всему научат богоугодному».

Особенно настоятельно отец Симеон добивался от своих юных воспитанников выполнения того, что он называл «записью укоров совести»: в конце каждого дня постараться вспомнить и записать все, в чем сегодня обличила совесть. Записать до мельчайших грехов, уловить каждое неверное движение души, каждый лукавый помысел. Эти записи, учил старец, должны быть основой настоящей исповеди христианина: чистосердечной, искренней, осмысленной, а не механической, заполненной лишь общими словами.

Сам Батюшка вспоминал о таком поучительном случае, происшедшем с ним в годы учебы в семинарии:

«Как-то к нам в общежитие вселили группу первокурсников, только что сдавших приемные экзамены и зачисленных в семинарию. Расселили их по комнатам, а они

*Протоиерей Петр Сухоносков.
Фото 1979 года*

шумят, смеются, разговаривают без умолку, ходят по коридору. Нас, естественно, это отвлекало и от занятий, и от молитвы. «Какие же из них священники будут, если они такие неугомонные?» - подумалось мне. И вот за такую дерзость, что я плохо подумал о людях, Господь попустил мне духовную брань. Полезли в голову такие мысли, что и вспомнить страшно. Стою в храме перед святыми образами, а в голову грязь так и лезет, и нет от нее никакого спасения.

Тогда пошел я к своей духовной наставнице матушке Фессалоникии, открыл ей беду, она внимательно выслушала меня, а потом спрашивает: «Ну-ка постарайся вспомнить: ты никого не осуждал - может, даже случайно?» И я тогда вспомнил, что действительно поступил нехорошо и просил у Господа прощения. Только после этого враг отступил. А те ребята стали впоследствии прилежными студентами, очень смиренными и послушными. Вот что значит: не суди ближнего...»

Поэтому нельзя утверждать, что все притягательные черты характера отца Петра – его незлобливость, кротость, сострадание к людям, чуткость, готовность всех простить – пришли к нему сами собой, без внутренней борьбы с искушениями. Но именно в этой борьбе формировался духовный облик будущего пастыря-подвижника.

К тому же следует напомнить, что Батюшка был безбрачным священником-целибатом. А высота этого образа жизни, по наставлениям духовно опытных отцов, чрезвычайно опасна своими искушениями и падениями [65].

В молодости и зрелые годы отец Петр имел красивую внешность: высокий, стройный, темные курчавые

волосы, выразительные глаза, правильные черты лица, обаятельная улыбка. На фотографиях разных лет его лицо всюду благообразно, просветлено. Оно сохранило детскость и непосредственность, чистоту и застенчивость. Нет и тени лукавства. У Батюшки был тот редкий тип лица, который иногда называют иконописным.

Прослышав о том, что в Слепцовке появился новый настоятель - ревностный в служении, всегда готовый откликнуться на любую беду, люди потянулись в храм. А кто-то шел поначалу просто посмотреть на нового приезжего священника, послушать его проповеди. Среди них, по воспоминаниям, были излишне впечатлительные молодые женщины, которые приезжали даже из соседних городов Грозного и Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Зная их помыслы, Батюшка кротко улыбался: «Слава Богу, что хоть так идут в храм Божий. Ничего, потом покаются и будут жить мирно...»

Одна из духовных воспитанниц, часто навещавшая отца Петра, вспоминает:

«Моя приятельница после встречи с отцом Петром рассказывала: «Ты знаешь, меня такой батюшка благословил! Брови черные, глаза черные. Мне стало так плохо, что я такая плохая, а рядом со мной такой человек стоит». Я ей говорю: «Неправда, что у него черные глаза». Она говорит: «А какие?» Я растерялась, потому что не знала, какие у него глаза.

В последний мой приезд в Слепцовку у меня хватило смелости рассказать про этот случай отцу Петру. С ним ведь очень просто было. «Я ей так и ответила, а какие у вас глаза - я до сих пор не знаю». Он как ребенок просто посмотрел на меня. Его глаза были голубого, даже какого-то василькового цвета. И я тогда поняла, что так нельзя. Кто я такая?..»

Рассказывают, что когда отец Петр служил непродолжительный период в Дивном, к нему в храм приехала девушка по имени Лида. Она временно жила в Арма-

вире и находилась на послушании у монахинь ликвидированного там женского монастыря. Лида сильно страдала от нечистых духов. Где только ни была - ничто не могло ей помочь. Тогда кто-то и посоветовал ей поехать в Дивное: там, сказали, настоятель хоть и молодой, но большой молитвенник. Девушка приехала и со слезами отчаяния стала просить о помощи в своих страданиях.

Отец Петр стал усердно молиться вместе с несчастной, и та вскоре почувствовала в себе необычайное облегчение. От радости она упала настоятелю в ноги и сказала: «Батюшка, где будете Вы - там буду и я. Благословите». Но родные отца Петра - мама и сестра Татьяна Петровна - встретили такую радость очень сдержанно:

ведь Батюшка был целибатом, и его надлежало беречь от ненужных соблазнов и искушений.

Таким образом, не только отец Петр хранил себя в целомудрии и чистоте: об этом также заботились его самые близкие и родные люди.

Искушения, которые Господь попускал отцу Петру для борьбы и укрепления веры, были особенно сильными в слепцовский период его служения. И когда у некоторых поворачивался язык назвать целомудренного пастыря «блудником и разбойником», Батюшка смиренно сносил все поношения, молясь за этих осле-

пленных грехом людей, рано или поздно приводя их к глубокому раскаянию.

Что придавало ему силы противостоять всюду поджидавшим падениям? Конечно же, жизнь во Христе и Его спасительной Церкви. Жизнь не частичная, не половинчатая, не раздвоенная, а всецелая, самоотверженная, глубоко преданная и искренняя. Его никогда не видели в состоянии какого-то духовного расслабления, духовной вялости, а тем более лени. В храме ли, в пути, на отдыхе – отец Петр всюду был духовно собран. Только такая жизнь может дать христианину силы в борьбе и полноту спасения его души. Но когда Батюшка говорит, что его Господь вел по жизни «беспредетковенно», это вовсе не то же самое, что «бескорбно».

«Враг рода человеческого, - свидетельствовал в своих воспоминаниях митрополит Гедеон, - не оставлял

Строительство храма в Рагулях

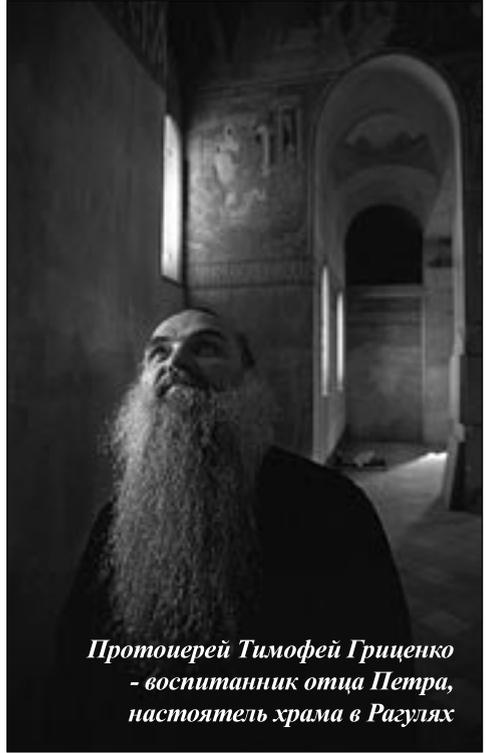

своими нападками отца Петра всю его подвижническую жизнь, но Батюшка с кротостью переносил все удары. Как отковки булат становится только крепче, так укреплялась вера отца Петра вплоть до смертного часа, который довелось ему встретить в чеченских застенках» [66].

Нет ничего неожиданного в том, что при такой праведной, глубоко смиренной и молитвенной жизни в ней нашли проявления чудесных дарований. Им уделено достаточно места в уже изданных жизнеописаниях Батюшки «Кавказская Голгофа» и «Крестный путь отца Петра Сухоносова». В большинстве из описанных там случаев в отце Петре отмечается действие Божественного дара прозорливости.

Клирик Бакинской епархии протоиерей Николай Котельников (на фото вместе с семьей), ставший священником под благодатным влиянием отца Петра Сухоносова, вспоминает:

«Когда мы получили свой первый приход, стали собирать иконы для церкви. Одну я попросил у отца Петра – он дал мне. Потом – вторую... А потом говорит мне: «Зачем ты иконы собираешь? Будут скорби на приходе...»

*Протоиерей Тимофей Гриценко
- воспитанник отца Петра,
настоятель храма в Разулях*

И действительно, вскоре восстал у нас одна прихожанка, обвинив меня в том, что я церковные иконы забрал, а свои домашние в храме повесил. Приехал я к отцу Петру, рассказываю об этой беде, а он напоминает: помнишь, дескать, я тебе говорил – не собирай иконы...

Было и так: приедем к Батюшке, и если он спокойный, радостный – значит, у нас на приходе все нормально. Если же хмурый, молчаливый – значит, на приходе уже что-то происходит. По возвращении домой мы неоднократно убеждались в этом» [67].

Интересное воспоминание сохранилось у жителя села Рагули Петра Ивановича Киселева, тоже близко знавшего отца Петра:

«Мне отец Петр в 1981 году подарил книжечку рукописную, в которой перечислялись все церковные праздники. Я говорю: какой почерк у вас, Батюшка, неровный! Он отвечает: пишу, мол, как умею. И спрашивает: «А как надо?» - «Да вот так», - говорю, и пишу красивым почерком слово «всегда». А он дописывает своей рукой: «приезжайте к нам». Получилось: «всегда приезжайте к нам». И подпись ставит: «П». Я спрашиваю: «А почему не полностью имя?» - «Да потому, что вы скоро откажетесь от нас, - отвечает Батюшка, - перестанете к нам ездить». «Как?!» – возмущаюсь я. «Да так! Вы нас забудете...» Было это в 1981 году – я действительно приезжал к отцу Петру в последний раз. Так получилось, что больше никогда не был в Слепцовке, и эту ситуацию Батюшка предсказал. Он обладал таким даром.

Однажды мы отлаживали самодельную систему вентиляции в его храме: дернешь за веревочку – и все окна одновременно открываются. Я, забравшись наверх,

говорю: «Боюсь, весь воздух отсюда высосет».

«Не рассуждай, - ответил отец Петр, - высосет или не высосет... Придет время, вы у себя там, в Рагулях, сделаете с Тимофеем такую систему, как надо, а здесь и такая пойдет...»

А ведь мы и представить тогда не могли, что в Рагулях когда-нибудь будет храм» [68].

Надежда Михайловна Брюховецкая, проработавшая 28 лет церковным старостой возле отца Петра, вспоминает про такой происшедший с ней случай:

«Батюшка постоянно наставлял нас в любви и милосердии, взаимном терпении. Как-то он в конце своей проповеди говорит: «Не забывайте, что вы христиане. Вот сейчас пойдете из храма, и что бы с вами в пути не случилось, не ссорьтесь, не обижайтесь друг на друга». И все это было сказано как будто для моего вразумления.

Вышла я после службы из храма, а на дворе дождь, грязь, такие лужи большие, что не обойти. Прошла всего метров пятьдесят, как вдруг вижу: впереди медленно идет дедушка 85 лет, тоже из церкви. Идет в фуфайке и ватных штанах к автостанции, потому что жил он далеко от Слепцовки - в станице Ассинской. А мне надо было добираться автобусом в другую сторону, в Нестеровку: это 10 километров. И вот едва я поравнялась с ним, как меня словно кто-то толкнул прямо на него. Старик не удержался на ногах и падает, я лечу через него вперед, и оба мы очутились в огромной грязной луже.

Я поднялась и говорю: «Дедушка, наверное, это для нас двоих была проповедь в церкви». А он тоже встал - грязь ручьями течет с него, нос разбитый до крови - и отвечает: «Да, Надежда, если бы не слово Батюшки, досталось бы тебе за такие дела». Я у него попросила

прощения, и мы расстались с миром. Потом вернулась к вечерней службе, рассказала отцу Петру о том, что со мной произошло, а он лишь улыбнулся и ничего не сказал, потому что все сам знал наперед ...»

Антонина Чеботаева, близко знавшая отца Петра многие годы, тоже вспоминает об одном поучительном для нее случае.

«Я работала на заводе по сменам, очень уставала после ночи, но все равно старалась не пропустить ни одной службы. И вот как-то, возвратившись после ночной смены, я пришла в храм. Народу было мало. Я стою и прямо сплю, ничего не могу с собою поделать, глаза сами слипаются. Смотрю на певчих, а они так слаженно, красиво поют. Я и подумала тогда, глядя на них: «Хорошо им! И спать, наверное, не хочется, и мысли дурные в голову не лезут...» Стою так, рассуждаю про себя, и вдруг ко мне подходит мой дядя Иван Филатович – он пономарем был у нашего отца Петра – улыбается и говорит мне: «Дочка, Батюшка велел передать тебе, чтобы ты шла на клирос и помогала певчим». Как я могла послушаться? Пришла на клирос и говорю регенту, что отец Петр благословил меня попеть с вами. Та, не говоря ни слова, поставила меня рядом с остальными певчими. И что же? Такие лукавые мысли в голову полезли, такая грязь, что не только петь – я не знала, куда деться от своих мыслей! Так отец Петр прозорливо увидел, о чем я думала, когда стояла в храме, и вразумил меня...

Вообще же он никого не обличал прямо в его грехах и проступках, которые видел, казалось, насквозь. Обычно в присутствии человека, которого хотел вразумить, Батюшка начинал разговор как будто о ком-то, притом без всякого зла или укора, а по доброму. После такой беседы становилось понятно, что это он обо мне

рассказывал...

Вскоре после того, как отец Петр приехал к нам на служение (а мы тогда жили в соседней станице Троицкой) и молва о нем стала быстро распространяться среди простых людей, мне однажды было ночное видение. Я увидела нашего Батюшку, выходящего из алтаря навстречу народу со Святой Чашей, а за ним величественно шествовали все семь архистратигов Божиих с большими горящими свечами. Мы все, стоящие в храме, поклонились им до пояса – и я проснулась. Когда об этом видении я рассказала своим родителям – а они были и очень богобоязненные и благочестивые – то они сказали мне, что отец Петр действительно Божий человек...»

У отца Петра была духовная дочь Любовь Леонтьевна Паршичева, жена полковника в отставке. Она глубоко почитала Батюшку и во всем повиновалась его духовным советам и наставлениям. Но родной ее сын жил далеко от Кавказа - в Санкт-Петербурге.

«Любовь Леонтьевна, - обратился к ней однажды отец Петр, - а вы не хотите повидаться с сыном?» «Батюшка, я бы с радостью поехала к нему, да не на что», - ответила женщина. «Это не беда, - сказал отец Петр. - Вот вам на дорогу, а эти деньги передайте ему». Та не знала, как благодарить Батюшку за такую милость. Она немедленно собралась в дорогу и поехала. «Мама, - воскликнул обрадованный сын, увидев ее, - как хорошо, что ты здесь! Если бы ты приехала завтра, то уже не застала меня в живых...» Оказалось, что он задолжал каким-то сомнительным друзьям солидную сумму, и те дали ему короткий срок возвратить деньги. «Иначе убьем!» - пригрозили они. Сын в слезах раскаяния признался матери, что решил выброситься из окна,

если бы они ворвались в его квартиру. Он немедленно возвратил долг, порвал со всеми компаниями, остепенился и вскоре тоже стал духовным сыном отца Петра. Любовь Леонтьевна рассказывала, что Батюшка любил прогуливаться с ее родным сыном под руку, тихо о чем-то беседуя: они очень привязались друг другу духовно. Батюшка венчал его. Под руководством отца Петра сын вскоре сильно преуспел в духовной жизни, у него был красивый сильный голос, он стал петь в одном из монастырей и великолепно читал «Апостола».

Жизнь этого молодого человека оборвалась трагически: его на дороге намеренно сбила машина. Любовь Леонтьевна переехала в другое место и сильно скорбела об утрате сына. «Не плачь, - утешил ее один старец, которому она поведала о своем неутешном горе, - твой сын созрел для Царствия Божьего...»

Но во многих сохранившихся и дошедших до нас воспоминаниях раскрывается также дар дерзновенной молитвы, которой наделил Господь Своего угодника. По горячим молитвам этого пастыря совершилось не-

Семья Гриценко

мало исцелений – от, казалось бы, совсем простых, незначительных, до совершенно удивительных.

В считанных километрах от Слепцовки - в станице Троицкой - жила раба Божия Антонина. Врачи диагностировали у нее злокачественную опухоль, и этим диагнозом она была обречена на скорую смерть, потому что ни сделанная ей хирургическая операция в Грозном, ни облучение совершенно не помогли. Все ее знакомые по палате женщины давно умерли. Она тоже смиренно готовилась к смерти. По силе своего здоровья Антонина старалась все же ходить в храм, раздавала много милостыни. Наконец, она пригласила отца Петра к себе домой, чтобы он напоследок соборовал ее. Отец Петр исполнил ее просьбу. После соборования здоровье Антонины стало заметно улучшаться, и она три года в меру сил занималась хозяйством.

Но потом болезнь вновь обострилась. Антонину привезли в больницу. Операцию ей делали под местным наркозом: хирурги лишь констатировали, что бессильны перед такой разросшейся раковой опухолью, откачали немного жидкости и через несколько дней возвратили домой. Умирать. Через своего мужа Павла - тоже глубоко верующего человека - Антонина снова пригласила Батюшку соборовать ее. И вновь он исполнил ее просьбу. Каждый день медсестра приходила делать болящей укол, чтобы хоть немного облегчить ее страдания, а сама больная щедро раздавала бедным все, что было нажито ими в доме. Сестры возроптали: «Ты хоть Павлику оставь что-нибудь!..» Но муж Павел смиренно и со слезами возразил им: «Не запрещайте ей. У меня есть крыша над головой - и хватит». Когда после соборования отец Петр стал собираться домой, Антонина настояла, чтобы в машину ему положили подушки и одеяло для нуждающихся, ибо сам Батюшка наотрез отказался брать с нее что-либо. Все, что пожертвовала Антонина, отец Петр раздал девочкам-сиротам.

*Протоиерей
Петр Сухонос с
автором книги и
корреспондентом
ингушского теле-
видения
Розой Ляувой.
1996 год*

По вере Антонины и святым молитвам отца Петра Господь вновь явил Свою милость и чудо: болящая оправилась от своей, как это казалось всем, неизлечимой раковой опухоли, прожила в силе и здравии после этого еще 15 лет, и отошла ко Господу, пережив мужа Павла.

Упомянутая выше Надежда Михайловна Брюховецкая, бывшая в годы служения отца Петра Сухоносова церковным старостой, вспоминает и про такой случай:

«Я еще тогда Батюшку не знала, увидела его впервые на панихиде. А вскоре заболела воспалением легких, получила осложнения и пролежала дома на кровати два года. Лежала и просила: «Господи, Матерь Божия, помогите мне!» И вот через два года набралась я сил, поползла в храм. Буквально ползком, без преувеличения! Подползаю к амвону, а тут Батюшка выходит из алтаря. Поисповедовал он меня, причастил... Из храма я в тот день летела на крыльях. Наварила борща, муж возвращается с работы, спрашивает: «Как, ты вставала? Даже борщ сварила? Как же это получилось?» А я отвечаю: «По молитвам отца Петра Господь меня исцелил» [69].

«Наш сын Федор, - рассказывал близкий друг отца Петра Федор Тимофеевич Гриценко, - давно и

сильно страдал радикулитом. Лечился он и домашними средствами, был в клиниках Элисты и Пятигорска, но ничего не помогало. И вот он попросил отца Петра пособоровать его, когда тот приехал к нам в Рагули. Несмотря на то, что Батюшка был в этот день сильно уставший, он сжалился над нашим сыном и в тот же день совершил над ним это святое Таинство. Мы позвонили в Дивное, где настоятелем был близкий отцу Петру протоиерей Серафим Невечера - и вот они и наш местный рагулянский священник приступили к Таинству. Вместе с сыном соборовались почти все прихожане нашего храма».

Отец Петр потом признался, что к нему еще никогда не приходило собороваться так много народу.

А наш сынок Федор и вместе с ним еще двое больных, за святые молитвы Батюшки и за великую милость Божию к нам, недостойным и многогрешным, совершенно исцелились».

Когда я первый раз пришел в храм и познакомился с отцом Петром, то сразу обратил внимание на маленькую девчушку, которая постоянно крутилась под ногами и озорничала. Батюшка, казалось, не обращал на это никакого внимания, а, напротив, ласково гладил ее по головке. Звали эту девочку Таня. Она была совершенно немой, и врачи не могли установить причину этого недуга, уже не говоря об эффективном лечении. Родители Тани уехали на заработки куда-то на Север, а девочку бросили на воспитание ее родной тетке. Та, к счастью, была верующей женщиной и привела девочку в храм. Батюшка внимательно посмотрел на нее, улыбнулся, а потом велел, чтобы девочку каждое воскресенье приводили на Причастие. Когда шла служба, Танечка усаживалась на ступеньку амвона и зачарованными

глазами следила за Батюшкой. Так она посещала храм еженедельно вместе со своей тетей. Примерно через год-полтора я вновь оказался в Слепцовской и зашел в храм. Каково ж было мое удивление, когда ко мне подбежала веселая «болтушка» с огромной куклой в руках. «А вы ее не узнаете? - спросила меня знакомая. - Да это ж наша Таня. Господь возвратил ей «глагол», Батюшка наш вымолил». Теперь эту девчушку было не узнать: она заметно повзрослела и совершенно свободно разговаривала, от прежней немоты не осталось и следа. Скоро, сказали мне, она должна была идти в школу.

В 1990 году я ехал к отцу Петру со своим другом Михаилом (сегодня он – священник Михаил Бездетный). Ехали мы туда обычным рейсовым автобусом. До Слепцовки оставалось не более десяти-пятнадцати километров, когда на наших глазах произошла страшная авария: легковая машина, в которой ехали двое, на огромной скорости врезалась в тракторный прицеп и перевернулась. Водителя легковушки от сильного столкновения выбросило прямо на трассу, а неуправляемую машину понесло в кювет и там «сложило» пополам при ударе об дерево. В этой «мясорубке» оказался тот, кто сидел сзади. Когда все выбежали из автобуса, чтобы оказать помощь пострадавшим, то увидели, что оба они были офицеры. Сидевший сзади умирал на наших глазах: его с большим трудом удалось вытащить из груды металла.

Кто знает, чем бы все закончилось, если бы рядом не остановилась новенькая легковая машина, за рулем которой сидел молодой парень-ингуш. Не говоря ни слова, он открыл заднюю дверцу и помог уложить туда умиравшего. Доставив его в больницу, мы пришли, наконец, в храм: перепачканные, грязные. Вечером, после

службы, зашел отец Петр. Мы тут же рассказали ему о происшедшем. Батюшка отнесся к рассказу не только сочувственно, но и очень серьезно. Он благословил нас немедленно идти в больницу, узнать состояние больного и оказать возможную помощь. «И не забудьте узнать, - сказал он уже вдогонку, - крещен ли этот пострадавший». Мы ушли, а Батюшка стал молиться о его спасении. Имя нам уже было известно: Владимир, он служил в одной из воинских частей недалеко от Грозного.

Прошло время - примерно месяц. Оказавшись снова у Батюшки в гостях, я заехал проведать и Влади-

*Протоиерей Петр Сухонос со своим близким другом
отцом Серафимом*

мира, недвижимо лежавшего в местной райбольнице. Состояние его - хоть и медленно - улучшалось.

«Знаете, - признался он, - врачи говорят, что меня спасло время и какое-то чудо».

Рядом сидела и тихо плакала его молодая жена. Я рассказал им о том, что все эти дни за него молился настоятель здешней православной церкви отец Петр. Наверное, его богоугодные святые молитвы и сотворили то чудо, которое спасло Владимира от смерти.

Время почти стерло в моей памяти этот случай. Но когда мы с Батюшкой встретились вновь, он неожиданно спросил: «Интересно, а жив ли Владимир?» Меня поразило то, что он все помнил! Владимир был жив молитвами отца Петра. Батюшка опустил голову, и, пряча улыбку, перекрестился: «Вот и слава Богу!..»

Таких примеров великое множество, а их подробное описание, основанное на свидетельствах живых очевидцев, могло бы составить отдельную книгу.

Возвратимся к размышлениям Владыки Вениамина о духовной природе чудотворений, излагаемые им в воспоминаниях об отце Иоанне Кронштадтском:

«Еще в студенческие годы мне пришлось вычитать из «Отечника», собранного епископом-подвижником Игнатием (Брянчаниновым), следующее. Однажды собрались святые старцы к нему (святому Антонию Великому – прим. авт.). И он задал им вопрос: до какой степени они достигли, подвизаясь долгое время? Один ответил, что он дошел до высот молитвы. Другой, что он удостоивается видеть ангелов. Третий, что он творит чудеса. Потом спросили его слова. Он ответил: «Истинно говорю вам, братья: не великое дело творить чудеса, не великое дело видеть ангелов. Великое дело – видеть собственные грехи».

Признаюсь, что я тогда даже не поверил правдивости этих слов. Я заподозрил, что святой отец сказал так для того, чтобы из педагогических целей направить нас на путь смирения и на подвиги покаяния; а что на самом деле чудеса и видение ангелов выше зрения наших грехов.

Но впоследствии я понял, что в словах св. Антония Великого – истинная правда. Действительно, для нашего спасения и совершенствования ни чудеса, ни видения не имеют такого значения, как зрение нашей греховности; ибо чудеса для нас – внешнее дело, а само зрение – внутреннее; чудеса не делают нас обязательно лучше, а зрение грехов непременно побуждает нас к внутренней, органической работе над собою» [70].

И далее Владыка заключает: «Чудеса – дело не наше, а Божие; а борьба с грехом – наш прямой подвиг и путь ко спасению» [71].

Такого взгляда на природу разных чудотворений строго придерживается все православное святоотеческое богословие. В подтверждение этому можно процитировать святителя Игнатия (Брянчанинова), на высокий духовный авторитет которого ссылается Владыка Вениамин:

«Если некоторые из святых приняли дарования, то приняли по требованию нужды; или по причине духовной простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины». Вот почему, цитирует святитель Игнатий преподобного Исаака Сирина, «истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога. Тем, что они признают себя окаянными, свидетельствуется их истина».

«После того делается ясным, - приходит к выводу святитель, - почему великие отцы – Сисой, Пимен и другие, имея обильный дар исцелений, старались скрывать его» [72].

Церковная история убедительно свидетельствует, что практически все без исключения подвижники, в которых раскрылась благодатная сила чудесных дарований, подвергались многим и подчас тяжелейшим скорбям и искушениям: болезням, поношениям, клевете, гонениям и т.д., без чего, по мысли преподобного Исаака Сирина, «невозможно стяжать душевной крепости». И напротив: стремление сознательно везде и всюду искать чудес, раскрыть и в себе «чудесные» способности по примеру нынешних экстрасенсов и так называемых «нетрадиционных целителей», не говоря уже о повальном увлечении среди некоторой части православных людей сомнительных повествований про «чудеса», есть прямым свидетельством духовной неопытности и слепоты, которой ловко пользуется враг для дальнейшего прельщения, вплоть до гибели души.

Описывая многочисленные чудесные дары, которыми Господь преизобильно наделил праведного Иоанна Кронштадтского, прославив его не только как великого пастыря, но и чудотворца, Владыка Вениамин

Отец Петр на погребении

при этом восхищается несравненно больше духовным совершенством личности отца Иоанна, его внутренним духовным миром, его глубочайшим смирением и многими другими добродетелями.

Точно также, говоря о личности отца Петра Сухомосова, можно восхищаться совершенством его души несравненно больше, чем чудесными случаями, связанными с его именем. Однако при этом Батюшка никогда не давал повода считать имевшиеся в нем духовные дарования своей личной заслугой. Напротив, он искренно считал себя недостойным великих милостей Божьих и призывал верить лишь Единому Всемогущему Богу, напоминая людям слова святого пророка: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу...» (Пс.113.9). Батюшка начинал гневаться (если это вообще можно назвать гневом, поскольку отец Петр никогда не позволял себе гневного тона в общении с людьми), если видел, что кто-то подходил к нему с вопросами, рассчитывая обнаружить в его ответах прозорливую силу.

кавказский страстотерпец и праведник нашего времени

КАВКАЗСКАЯ ГОЛГОФА

**Главы из книги
Дополнено и переработано автором**

БЕСПРЕДЕЛ

В 1992 году в Грозном - столице бывшей Чечено-Ингушетии - мирно уходил из жизни архимандрит Меркурий. Это был известный старец, стяжавший своей праведной жизнью многие благодатные дары. Его окружили близкие люди, которые сопровождали отца Меркурия в течение многих лет, досматривали его и были у него в послушании. Эти-то люди передавали, что перед смертью старец вдруг произнес страшные и до конца не постижимые слова: «Спасайтесь! Скорее все спасайтесь! Земля в огне! Все горит!»

Некоторые из духовных чад архимандрита Меркурия пытались истолковать эти наполненные пророческим духом слова как близкий конец света - тем более, что весь ход жизни человечества все больше и больше напоминал апокалипсические пророчества. Но теперь, когда задумываешься над сокровенным смыслом предсмертных слов старца с высоты трагедии, которую Господь Своим непостижимым Промыслом попустил на кавказскую землю, становится понятным, КАКОЙ ОГОНЬ отец Меркурий имел ввиду. Это, видимо, было пророчество уже совсем близкой войны, пожар которой вскоре опустошит огромный город, превратив его в сплошное пепелище и развалины, разорит села, унесет с собой десятки тысяч жизней, лишит людей крова и сделает изгнанниками с родной земли. Но тогда, в конце 1980-х и самом начале 1990-х годов, вряд ли кто мог всерьез предположить, что все, кто жил в Грозном

и кто позднее приедет сюда воевать, уже разделены грядущей трагедией на спасенных и обреченных, на живых и мертвых...

Никто не верил в реальность войны, хотя все говорило о том, что ее начало - лишь дело времени.

Вся атмосфера жизни в республике была наполнена предчувствием чего-то неизбежно трагического. Горжане с тревогой всматривались в ночное небо: там, со стороны южных гор, покрытых мраком, полыхали зловещие зарницы – без грома, без признаков обычной летней грозы, наводя еще больший ужас. По словам ученых, это было очень редкое природное явление – так называемая «сухая гроза». А мирные люди видели в ней знак неотвратимой беды.

Природа трагедии, пришедшей в Чечено-Ингушетию, сложна и неоднозначна. Здесь отразились противоречивые социально-экономические и политические процессы, начавшиеся еще в СССР в период горбачевской перестройки. А на многие вопросы современные политики и историки до сих пор не могут найти ответа и радикально расходятся во мнениях.

Был ли предопределен, фатально неизбежен конфликт, переросший в гражданскую войну, а впоследствии полномасштабную военную операцию с многочисленными человеческими жертвами и разрушениями? Можно согласиться с тем, что скорее всего этот конфликт «был спровоцирован борьбой постсоветских политических элит России и Чечни за передел власти и собственности», прежде всего в сфере влияния на нефтяной бизнес [75].

По официальным данным, к 1991 году эта сравнительно небольшая республика ежегодно добывала до 4,2 млн. тонн и перерабатывала 18 млн. тонн неф-

ти в год, давая 6 процентов валового национального продукта СССР. После распада Союза удельный вес грозненской нефти не сократился, а увеличился до 12 процентов [76]. К тому же по территории Чечни проходят важные нефтяные и газопроводы к черноморским портам. Такой огромный нефтяной «куш», ставший к моменту полнейшего развала экономики страны фактически бесхозным, не мог не спровоцировать схватку новых бизнесфинансовых структур Москвы и Грозного. Доходы от операций с нефтью и нефтепродуктами в чеченском анклав по подсчетам специалистов составляли миллионы долларов. Большая их часть в условиях финансового и экономического коллапса оседала на счетах посреднических фирм, банков, отмывавших чеченские нефтедоллары. Чеченский теневой капитал, быстро легализовавшись в начале 90-х годов, занял прочные позиции в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и других крупных городах СССР. Он стал серьезно теснить своих конкурентов в сфере спекулятивного банковского бизнеса, финансовых пирамид и приватизации. Ответной реакцией конкурентов стало вытеснение чеченских дельцов из легального бизнеса в России и странах СНГ. В результате под флагом идеи национального возрождения, суверенитета был совершен очередной передел власти и собственности в корпоративных интересах. Свергнув власть коммунистической номенклатуры, социальные низы вскоре стали жертвой новой власти – диктатуры постсоветской элиты, национальной по форме, антинародной, по сути. Таков печальный, а впоследствии трагический итог так называемой «чеченской революции» [77].

Тезис о Чечне, «независимой от России», стал всего лишь удобной приманкой, ловушкой для большой массы политически обманутых дудаевской пропагандой людей. Для многих в Чечено-Ингушетии уже тогда было ясно, что курс на радикальную суверенизацию - в

условиях отсутствия широкого плебисцита, со ставкой на силу, при низком уровне политической культуры властвующих элит и в России, и в Чечне, расколе чеченского общества по вопросу о путях самоопределения - неизбежно обернется очередной трагедией для чеченского народа. Под лозунгами идей про национальное возрождение и независимость был совершен передел власти и собственности в корпоративных интересах. Но, как часто бывает в незрелом обществе, справедливо замечает известный чеченский историк, «свергнув власть коммунистической номенклатуры, восставшие социальные низы вскоре стали жертвой новой власти - диктатуры мафиозно-клановой постсоветской квазиэлиты, национальной по форме, античеченской по сути» [78].

В чеченском конфликте был и немаловажный геополитический фактор. Распад СССР не был конечной целью многолетней «холодной» войны. Ее идеологи никогда не скрывали своей заинтересованности в процессе дальнейшего расчленения, дробления России по югославскому варианту. Чеченский кризис с рецидивами взрывов напряженности на всем Кавказе находился в центре внимания геополитических соперников России. Поэтому столь внушительной оказалась поддержка чеченских сепаратистов со стороны Запада и реакционных исламских кругов. В чеченском конфликте были кровно заинтересованы те, кто боится возрождения сильной, процветающей России.

По мнению авторитетного историка, этот конфликт «был порожден самыми разнородными причинами, которые, как в фокусе, сошлись в нужном месте и в нужное время» [79].

Начиная с конца 1980-х годов, на волне горбачевской «перестройки» и связанного с ней развала Со-

ветского Союза как мощной супердержавы, не только в Чечне, а фактически во всех республиках Северного Кавказа стали набирать силу антирусские настроения. При активном содействии местных советско-партийных кланов (и негласной поддержке центральной власти) под видом национально-культурных обществ создавалось ядро будущих сепаратистских организаций. Одновременно происходила активная «национализация» административного аппарата, правоохранительных органов и управленческих структур.

А на бытовом уровне стала набирать силу все более оголтелая травля русского и казачьего населения. Все чаще зазвучали лозунги: «Русские, убирайтесь вон!», «Русские – в Рязань, армяне – в Ереван, ингуши – в Назрань!», «Долой русских оккупантов!». Любые преступления против русских практически не расследовались, порождая безнаказанность со стороны националистических сил. Все это вынуждало коренных русских, украинцев и представителей многих других национальностей покидать места своего исконного проживания. Уже к концу 1980-х годов этот процесс приобрел массовый характер. Например, если в 1988 году город Грозный покинуло около 8 тысяч русских, то уже через год их число возросло до 19 тысяч, а еще через год - в 1990-м – из республики выехало более 60 тысяч русскоязычного населения [80].

К этому времени существенно изменился этнический состав традиционно казачьих станиц Наурского, Шелковского, Грозненского и Сунженского районов республики. Сюда началось активное переселение чеченцев из горных районов, которое теперь составляло от 20 до 50 процентов местного казачьего населения [81].

Сразу же после самоликвидации Чечено-Ингушской автономии в 1991-1992 годах центральное правительство при полном параличе официальной государственной власти на местном уровне позволило не про-

сто расчленишь, а разодрать без учета интересов и прав многотысячного коренного русского населения всю ее территорию между двумя вайнахскими национал-экстремистскими режимами.

К началу 1990-х годов в Чечне были созданы все условия для начала открытого террора против русского населения. В столице республике и на местах большинство руководящих постов, особенно в силовых структурах, занимали чеченцы. Были созданы и получили поддержку со стороны властей массовые политические и общественные организации антирусской направленности: «Народный фронт», «Вайнахская демократическая партия», партия «Исламский путь», «Зеленое движение» и ряд других.

Формальные и неформальные лидеры Чечни, отказавшись действовать согласованно во имя высших интересов нации, «раскололи народ и упустили шанс создания в республике полиэтнического правового, гражданского общества. Этим и воспользовались античеченские и антироссийские силы как в самой России, так и за ее пределами, спровоцировав вооруженный конфликт» [82]. А их сращивание с уже сплошь «национализированными» органами МВД и «национальной гвардией» открывала практически неограниченный доступ к огнестрельному оружию, хранящемуся в арсеналах дислоцированного на территории Чечено-Ингушетии крупного учебного центра Северо-Кавказского военного округа и других воинских частей, к находящейся там современной боевой технике.

В 1993 году в руках Дудаева оказалось 90% находившегося в республике огнестрельного армейского оружия. Лишь ничтожная его часть была отправлена спецавирейсами с гарнизонных складов за пределы республики. У новоявленного лидера Чечни сконцентрировалось такое количество оружия, которым можно было вооружить армию численностью в 100 тыс.

человек, в том числе - ракеты, танки, боевые самолеты. Состоялась тотальная милитаризация Чечни. Кому-то это было выгодно: генералитету, оружейной мафии, политикам?... Вопрос этот остается открытым [83].

Первой демонстрацией силы почувствовавших безнаказанность вооруженных чеченских молодчиков стало дерзкое нападение на станицу Троицкая 28 апреля 1991 года (станция расположена в нескольких километрах от Слепцовой – прим. авт.), когда местные жители там гуляли на свадьбе молодоженов. Вот как описывает это событие очевидец:

«...Подбежав к окну, которое выходит на улицу, я увидела, что вся наша улица заполнена машинами; множество мужчин, в руках которых ружья, пистолеты, ножи. Они стреляют, кричат, свистят, как дикая орда. Мимо проезжал русский мужчина на «Жигулях», его остановили, вытащили, стали бить, автомобиль перевернули. Весь этот кошмар длился 7-10 минут, затем все сели в машины и поехали в сторону станицы Орджоникидзевской.

Только они уехали, как подъехала милиция, все люди вышли, стали кричать, женщины плакать. А эта толпа уже виднелась возле центральной остановки. Затем вся эта колонна автомашин стала возвращаться и, не доезжая до нас, свернула на улицу Широкою, ведущую в станицу.

Я сказала милиционеру: «Смотрите, вон они поехали в станицу, это они!» Но милиция как будто не слышит, ходят, рассматривают перевернутый автомобиль, слушают истерики перепуганных женщин. И тут я поняла, что мы бессильны, что нас раздавят, перестреляют, перевернут всех, и никто нас не защитит.

Минут через десять милиция уехала, все люди ста-

ли расходиться, а еще минут через десять произошел второй налет... Добив все, то осталось еще целым, они поехали в сторону Карабулака, и мы услышали там, на автобусной остановке выстрелы, которые звучали все чаще, крики избиваемых и бегущих людей. Закрыв ворота на замки, мы убежали из дома и до темноты вместе с соседями провели в садах и зарослях кустарников. А по станице то в одной, то в другой стороне слышались выстрелы...» [84].

Характерный факт: ровно за три дня до этого бандитского налета в станице работала объединенная группа МВД и КГБ республики, которая изъяла у казаков все охотничьи ружья.

И еще одна деталь: станица Троицкая к этому времени оставалась единственной станицей, где проживало только православно верующее казачье население, казачьи традиции были здесь особенно сильны, и станичники отказывались продавать дома чеченским переселенцам. Понятно, что это обстоятельство сыграло решающую роль в выборе первой мишени для полномасштабного погрома.

Вскоре беспредел перекинулся и на другие традиционно казачьи станицы.

«В связи с ослаблением позиции России на Кавказе и особенно неопределенностью положения Сунженского района, идет беспредел в отношении русских, в буквальном смысле уничтожение, повторение геноцида 1921 года. В настоящее время у нас нет ни нации, ни Родины, мы являемся изгоями из своих домов, хотя здесь проживаем мы и наши предки более 200 лет, - с болью писали жители станицы Ассинская на имя тогдашнего российского Президента Бориса Ельцина, прося у него поддержки и защиты от чеченского произвола. - На сегодняшний день Сунженский район не делим, относится к Ингушской Республике, а станица Ассиновская входит в состав Сунженского

района и зависима от него как экономически, так и социально. В течение двух последних лет с приходом чеченской полиции на территории ст. Ассиновской царит полнейший разбой, грабеж, нет общественного порядка, полный произвол, безвластие, бесконтрольность...» [85].

И далее в этом же обращении приводятся факты вопиющего беззакония со стороны чеченцев:

«На территории станицы из колхоза им. XXIV съезда насильственным путем вооруженными лицами угнано и разворовано 11 тракторов и несколько автомашин. Трактора и машины изымались у колхозников русской национальности с последующими избиениями этих лиц... Угнаны трактор на заводе АКЗ. В совхозе «Ассиновский» также угнаны трактор и две автомашины.

Ограблены и избиты старухи: Федорова А., Триковозова М.Д., Казарцева А., Пирожникова В., Ваньшина М., Исаева К., Буханцова М., Матюхина В., Малышева А.К., Тиликова, Мишустина Х. И. и много-много других. А многие из этих старух являются вдовами погибших в ВОВ, да и сами они в тылу ковали своим трудом Победу, перенесли страшные страдания, и в настоящее время нет им спокойной старости. Идут зверские издевательства, не останавливают этих маньяков седые головы беззащитных старух.

Ограблены с разбоями семьи: Щербаковых, Вахрушевых, Мосиенко, Мишустинных, Тищенко, Щеховцовых, Бабенко, Никоновых, Сахаровых, Колесниковых, Баланова В., Багратиона В.Д., Мальцева М.Я., Гашенко и множество других семей...

Изгнаны из своих домов граждане станицы: Смык В., Полякова В., Жариков И., Золотова М., Ручица П. И., даже не продав дома за бесценок, лишились всего. Увезена из семьи мать троих детей Высоченко В. В., уже этому 2 года, помощи никакой. По слухам, она бичует в

с. Бамут (в районе хутора Веселого) Ачхой-Мартановского района.

Грабят и насилюют 70-летних старух, при этом говорят: «Вы, русские, живете на чеченской земле, и нам нет наказаний в наших поступках...» [86].

А вот еще страшные факты из того же обращения:

«22 февраля 1994 года в 8 часов вечера из дома прямо из постели была похищена гр-ка Ковалева Л., вывезена за пределы станицы в сторону Ачхой-Мартана и была изнасилована, а потом зверски избита группой из 6 человек и брошена в ночной сорочке, босиком. Расследования безрезультатны.

22 февраля 1994 года у своих дворов были избиты г-не Чехачев и Мишустин П.И. гражданином Мурадовым Лечей, а вечером он же побывал во дворе семьи Никоновых, затем с улицы бил ногами в калитку, требовал открыть и обзывал: «Вы русские ...» - нецензурной бранью. Этот гражданин нигде не работает, и его брат Руслан тоже нигде не работает. Из Карабулака их семья была изгнана за воровство, и они нашли убежище в ст. Ассиновской, творят то же самое, что и в Карабулаке. Они уже прошли по всей нашей станице с разбоями и грабежами. Не один раз забирались полицией и тут же были выпущены за выкуп... И таких семей, изгнанных из родных чеченских сел, очень много, они продолжают бесчинствовать теперь в нашей станице...

24 марта 1994 года из дома похищена ученица 8 класса Назарова Лена, была зверски изнасилована группой из 6 человек. Девочка вывезена в тяжелом состоянии за пределы республики, в данное время находится в больнице.

16 апреля 1994 года избита семья Балыковых. Проходивший мимо г-н Несмачный П. был также зверски избит, он шел горем убитый, похоронив в этот день свою мать. А фельдшер Пимонова Р., оказавшая Не-

смачному П. первую помощь, была подвергнута нападению. Один из нападающих был г-н Атриев..

13 мая 1994 года вооруженными бандитами было совершено нападение на семьи Майоровых и Конотопенко за несовершеннолетними девочками. В этих двух домах бандиты были отбиты с помощью соседей. А в доме Каминиченко этой же ночью и этой же бандой было совершено зверское нападение: выбиты двери, окна, избиты зверски мать и бабушка, а девочка Оксана 13 лет была в своем же доме изнасилована и увезена в 3 часа ночи в дом, расположенный за овощехранилищем Ассиновского консервного завода, где зверское насилие продолжалось 3-мя лицами.

Это насилие заставило подняться все население на сход жителей станицы Ассиновской, организованный трудовыми коллективами предприятий и хозяйств, находящихся на территории станицы. Сход продолжался 13 и 14 мая 1994 года в доме культуры ст. Ассиновской. И ни один из вышеуказанных фактов разбоя, хищения, насилия властями не раскрыт, хотя на территории станицы расположено Сунженское отделение чеченской полиции, где работающих около 60 сотрудников. Просто хочется задать вопрос, чем же занимается эта большая армия правоохранительных органов? И до каких же пор на территории станицы будет царить этот беспредел?..

Население станицы Ассиновской глубоко озабочено сложившейся криминогенной обстановкой в станице и просит защитить от произвола, который царит в настоящее время на ее территории. Мы, жители станицы, просим вас ввести на нашу территорию чрезвычайное положение и чтобы у нас в станице были правоохранительные органы министерства безопасности из Ингушской Республики и контролировали всю обстановку в станице.

Теперь посудите сами, как живет здесь беззащит-

ное русское население. Мы живем в страхе. День и ночь слышны автоматные очереди. Преступный мир съезжается к нам в станицу потому, что все проходит безнаказанно, и никто не несет за содеянное ответственность.

Люди от страха вынуждены за бесценок отдавать свои дома, нажитые кровью и потом, переезжая неизвестно куда, не приобретая себе за эти гроши жилья. Некоторые, не выдержав всего этого, лишаются рассудка, умирают, не доезжая до места...» [87].

Не менее страшный произвол и беззаконие творились в некогда культурном, процветающем городе Грозном. Вот лишь некоторые факты из многотомного досье бывшего атамана Грозненского отдела Терского казачества Василия Галкина:

«24 октября 1992 года. Синяева С.Г., проживает в Грозном по ул. Заветы Ильича, 191, кв. 33. Ее муж, брат и родственники, спасаясь от дудаевского режима, хотели перевезти семью в Ставропольский край. Погрузили вещи в грузовик и выехали. Но на выезде из города их подкараулили боевики, обстреляли из автоматов, забрали все деньги и ценное имущество.

19 марта 1993 года. В дом участника Великой Отечественной войны Павлова В.П., проживающего в Грозном по адресу ул. Хасавюртовская, 2, ворвались вооруженные чеченцы, избили и связали хозяина дома и его жену. Ограбили дом, забрали автомашину. Пригрозили, что убьют, если «русские свиньи» не уедут из республики...

Октябрь 1994 года. Очевидцы рассказали, как группа подростков, вооруженных автоматами, «охотилась» на русскую старушку, пришедшую на кладбище поправить могилку родственника. Автоматными очередями подонки гоняли старую женщину от могилы к могиле, пока окончательно не добились ее» [88].

В один из приездов в Грозный известного российского правозащитника Сергея Ковалева атаман

несколько дней ходил к дудаевскому бункеру, где пребывал правозащитник, чтобы передать ему несколько пухлых томов о зверствах дудаевцев по отношению к русскому населению в Грозном. Но, по словам Галкина, вручить эти документы Ковалеву так и не удалось: они, видимо, ему были просто не нужны... [89].

Бандитский, чисто криминальный геноцид русскоязычного населения в шариатской Ичкерии сопровождался жестоким гонением людей по религиозному признаку. Православие на территории Чечни было объявлено фактически вне закона.

Так Чечено-Ингушетия из процветающей республики с высокоразвитой экономикой, наукой, просвещением и культурой за несколько лет превратилась в международный криминальный «отстойник», рассадник национал-экстремизма и крайне правого международного исламского течения - ваххабизма. В этой зловещей клоаке отныне находили приют разномастные бандиты, казнокрады, мошенники, наркодельцы, террористы, наемные убийцы, многие из которых приехали сюда из-за рубежа – зарабатывать и отмывать грязные деньги.

Тогда же впервые заговорили о новом виде «чеченского бизнеса»: работорговле. В республике организовано действовали банды профессиональных похитителей, которые «охотились» главным образом на

ИЗГОИ

влиятельных бизнесменов и их детей, иностранцев, журналистов. Позже, с началом боевых действий, к их жертвам добавятся военнослужащие: офицеры и простые солдаты. Удерживая их в невероятных условиях плена - чаще всего в специально вырытых для этого землянках и бункерах с металлическими люками и решетками - и подвергая там нечеловеческим пыткам, похитители требовали от родственников выкуп.

Вот что писал в тот страшный период настоятель грозненского православного храма Святого Архистратига Божьего Михаила отец Захарий (Ямпольский) Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II:

«Невозможно человеческими словами описать ту страшную жизнь, которой мы здесь живем. Это жизнь в аду, среди наглого зла и полного беззакония. Чеченцы не хотят мирно трудиться с людьми других национальностей, предпочитают жить разбоем, воровством, похищением людей. Многие из них вооружены, растаскивают и грабят все, что возможно, в быту и на производстве. Работорговля в Чечне стала нормальным явлением, на всем делают бизнес. А нам, православным, уготована участь рабов».

«Для нас время приобрело особое отношение к жизни, - писал отец Захарий в другом письме. - Если вы прожили сутки и вас не ограбили, не унизили, не надругались, не взяли в рабство и тем более не убили, то это чудо и счастье. Все, что нажил приход за свое столетнее существование, - все разграблено, разрушено и сожжено» [90].

Слова отца Захария стали пророческими. В октябре 1995 года зверски избит второй священник этого храма отец Александр Смывин, в январе 1996 года похищены в Грозном отец Анатолий Чистоусов и отец Сергей Жигулин. В январе 1997 года были угнаны в рабство иеромонах Евфимий (Беломестный) и послушник Алексей Равилов. Весной 1999 года в станице Ассиновской были похищены русские священники отец Петр Макаров, отец Сергей Потапов, а вслед за ними и отец Петр Сухонос. А 19 июля 1999 года вместе со своим церковным старостой Яковом Рощиным и прихожанином Павлом Кадышевым прямо из храма в Грозном уведен в рабство и сам отец Захарий.

«Если бы Вы знали, как живут наши люди! Одни уехали, а другие живут - так как не за что уезжать - в страхе день и ночь, у каждого соседи не христиане. И только в храме они находят мир, тишину, успокоение, единение в родной святой нашей Православной вере. И часто не находишь слова, чтобы утешить, пожалеть их...», - так с нескрываемой болью писал сам Батюшка Петр Сухонос незадолго до пленения и мученической смерти.

Бандиты часто снимали страдания своих узников на видеокамеру, а пленку переправляли их близким родственникам, чтобы те были «покладистее». Нередко похитители совершали дерзкие нападения на состоятельных соотечественников и иностранцев с целью их последующего обмена на братьев-уголовников, отбывавших срок заключения в российских тюрьмах. Наиболее громкие похищения использовались бандитами для политического шантажа и давления на общественность. К началу второго этапа кавказской войны в 1999 году в чеченском рабстве, по разным сведениям, насильственно удерживалось более полутора тысяч пленников, из которых 90 человек были иностранными гражданами [91].

Вот одно из свидетельств бывшего узника чеченского рабства:

«...Выполняя заказы, мне приходилось посещать дома чеченцев, практически в каждом доме был русский рабочий-невольник, который выполнял всю самую грязную работу по хозяйству. Документы у них были отняты, и выехать из Чечни у этих лиц возможностей не было. В случае попытки побега пойманного либо жестоко избивали, либо убивали» [92].

Всего же в результате массового геноцида против русскоязычного населения в Чечне за период 1991-1994 годов примерно каждый десятый был насильно обращен в чеченское рабство [93].

Изгоями объявлялись не только русские, но и украинцы, армяне, евреи, дагестанцы - все, кто не хотел признавать диктаторского режима генерала Дудаева. Даже сами коренные чеченцы, умом и сердцем отказывавшиеся жить по морали творимых в республике беззаконий, бандитизма и насилия, тоже ставали неудобными для своих соплеменников и единоверцев.

Для криминальной Чечни того времени были характерны, с одной стороны – нищета и деградация рядового населения, с другой – обогащение лидеров режима, «новых чеченцев» и главарей вооруженных банд. В Чечне «правил балом» криминалитет. На территории республики действовало 157 вооруженных группировок. Они поделили между собой основные источники доходов. Организованная преступность превратила республику в производителя, потребителя и торговца наркотиками, оружием и нефтепродуктами. Приметами повседневной жизни стали убийства, аресты, похищения и торговля людьми. В среднем за неделю происходило 60-70 преступлений, в том числе от 8 до 10 убийств. В центре Грозного открыто действовал невольничий рынок, сотни и тысячи людей, в том числе сами чеченцы,

Отец Петр на могиле своей матери, оскверненной вандалами. 1996 год

томились в заложниках. Похищение людей с целью выкупа приобрело характер преступной эпидемии [94].

По некоторым официальным данным, с 1996 по 1999 год более 5 тысяч чеченцев были похищены с целью получения выкупа. Около 500 тысяч (полмиллиона!) чеченцев, не пожелавших разделить взгляды

сепаратистов, вынуждены были покинуть родину и, спасаясь от мести вконец озверевших «победителей», обосноваться в различных регионах России [95]. Но и здесь они не чувствуют себя в безопасности, равноправными гражданами России. Ситуация настолько обострилась, что Президент России Владимир Путин вынужден был публично выступить, напомнив о простой истине, что «преступники не имеют ни национальности, ни вероисповедания, что недопустимо в преступных деяниях искать национальный след и ста-

вить клеймо на тот или иной этнос».

Но если у чеченцев, что ни говори, на своей земле есть хоть какая, но все же защита – родовые (тейповые) связи, шариатские законы, с которыми порой не могут не считаться самые отъявленные бандиты, насильники и убийцы, то русское и остальное русскоязычное население Чечни не было ничем защищено от произвола ичкерийских властей. Но и в России беженцы из Чечни нередко тоже были никому не нужными изгоями.

Русская жительница Гудермеса Т.П. признается:

«Тут не только русских убивают. Чеченцев - тоже. Все страдают. Бандитам все равно кого убивать, лишь бы было что взять, нагрabить. Но чеченцы хоть могут уйти в горы, к родственникам, а нам, русским, куда деться? В России нас никто не ждет - напротив, нам там не рады. Называют или чеченскими подстилками, или еще как хуже. Нежелательны мы никаким властям, вот что обидно: После войны я с детьми побывала в Новгороде, в Буденновске, в Георгиевске Ставропольского края. Но из-за плохого отношения там снова вернулась в Грозный. Нас, выходцев из Чечни, в России тоже не любят. Есть озлобленные люди, у которых кто-то погиб на войне, но в чем же мы виноваты? В том, что родились на чеченской земле и она нам - родная?» [96].

Сунженско-грозненско-гудермесская чистка 1991-94 гг. привела к изгнанию с родных мест почти три четверти миллиона человек, а это 70 процентов тогдашнего славянского населения бывшей чечено-ингушской автономии. Около 90 тысяч женщин и детей – преимущественно русских и украинских - было изнасиловано. Число ж зверски убитых и замученных до смерти в этот период оценивается комиссиями депутатов Госдумы И.Шафаревича и С.Говорухина около 40 тысячами человек [97].

Такую страшную цену заплатила Россия за преступную антирусскую политику того времени, кощун-

приезжать и в Слепцовку: просить у отца Петра Сухоносова благословения и святых молитв на переезд в безопасные места. Уезжали и сами станичники. На заборах и воротах казачьих дворов сплошь и рядом можно было видеть лаконичную надпись: «Продается».

Вот вместе с Батюшкой из его домика выходит уже немолодая женщина, вся в слезах. Низко кланяется отцу Петру в ноги и на прощание просит его благословения и святых молитв: она тоже покидает родную станицу и родной храм. Видно, как тяжело обоим это расставание. Не успела она отойти, как тут же подошел еще один прихожанин – с той же просьбой...

«Таня, Таня! – расстроенным голосом зовет отец Петр сестру. – Ну вот, смотри, еще один собрался уезжать...»

«А на кого же вы оставляете нас?» - спрашивал отец Петр, которому было мучительно больно расставаться с близкими и дорогими людьми. Он ставил этот фактически безответный вопрос, прекрасно понимая, что люди спасают свои семьи, детей и родных от смерти. Многие предлагали Батюшке тоже поскорее покинуть этот взрывоопасный край и уехать с ними туда, где уже обосновались земляки и были православные храмы.

«Я, наивная, - рассказывает Елена Михайловна Гурина, - говорю: «Батюшка, поехали с нами, в нашем селе тоже есть храм, будете служить, наших земляков там много». А он ответил так: «Мне нельзя! Капитан покидает свое тонущее судно последним. У меня еще есть прихожане: на кого я их оставлю?»

И благословлял свою паству на переезд, сам оставаясь в своем маленьком храме на великий подвиг. Для

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТРАССА

каждого из уезжавших отец Петр находил теплое слово утешения, обещая не забывать в своих молитвах.

Духовная связь с паствой, оказавшейся в изгнании и вынужденной эмиграции, с этого момента продолжилась в письмах отца Батюшки. Писал он их постоянно и много, несмотря на занятость и нездоровье. Если болезнь все же одолевала, то Батюшка диктовал их через помощников. Часто печатал на старенькой портативной машинке, реже - писал собственной рукой, только в крайних случаях, когда дело не требовало отлагательства. Бывало, что отец Петр брался писать письмо, но откладывал недописанную фразу на другой день, а потом вновь возвращался к ней. Так на одно письмо уходило несколько дней, но в любом случае никогда не оставлял безответными письма людей, считая, что «не отвечать долго на письма других – тоже грех». Отвечая на конкретные вопросы, всегда интересовался житейскими делами своих чад, радовался их успехам и соболезновал горю. Не забывал он даже маленьких детей.

«Очень, очень рад успехам Кати, спаси ее, Господи! - радуется Батюшка за дочь своего духовного чада А., которую сам крестил в младенческом возрасте. - Только чтобы все ее старание было посвящено Господу, т.е. в смирении. А если гордость, то все пропащее. Что важнее для нее сейчас? ПОСЛУШАНИЕ - ни одной оговорки, прекословия папе и маме. Слышишь, Катенька? Где смирение - там и любовь, а она-то и назидает, а гордость кичит...»

Все, кто был близок Батюшке, отмечают, что по его

**Блок-пост федеральных
сил на центральном
проспекте Грозного.
1996 год**

святым молитвам они благополучно обжились на новых местах, наладили свой быт. Та же Елена Михайловна Гурина признается: «Только по молитвам отца Петра мы благополучно устроились на новом месте, нашли работу, построили дом. И, к великой нашей радости, Господь сподобил встретиться с нашим Батюшкой на Кубани в 1994 году. Он приезжал в Краснодар и, зная, что мы живем недалеко, заехал к нам, да не один, а с настоятелем храма иконы Казанской Божьей Матери в Карабулаке отцом Петром. Посетили они нас на Масленицу. Вспоминаю, как они сидели на диванчике и тихо беседовали с нами. Я рассказывала им, как по ночам читала акафист святителю Николаю, просила помощи в строительстве, и Господь помог нам. До сих пор в нашем доме чувствуется божественная благодать, которую мы, недостойные, получили во время освящения дома и всего подворья нашим духовным отцом».

Отец Петр не скупился на теплые слова своим духовным детям, оказавшимся изгоями.

«Ну что поделать, - утешает он в письме одного из них, - не скорбите, что оставили нас, время прежде не

**Боевое патрулирование
в небе Чечни**

вернуть. У вас ведь семья - не пошлешь же их на крест. Когда вырастут, тогда могут пойти сами. Наше же положение вам известно: война добра не делает никому...»

Своим вниманием он не оставлял никого из близких. В канун больших православных праздников рассылал всем поздравительные открытки, и люди уже знали, что если такой весточки от Батюшки долго нет, то, значит, что-то случилось. И начинали беспокоить отца Петра телефонными звонками, телеграммами или просто отправлялись в дорогу проведать его. Батюшка сердцем чувствовал это беспокойство близких и торопился их успокоить.

«Простите за малость писания по лености, которая прикрывается немощью, - пишет он. - И писать некогда, и работать, и молиться, а часы жизни не стоят. Ой, горе, горе мне, грешному...»

Несмотря на начало военной операции и опасность передвижения по территории республики - Ингушетия стала фактически прифронтовой зоной - десятки людей каждый месяц приезжали к своему духовнику и наставнику в гости. В основном это были женщины, которые пользовались большим, чем мужчины, доверием военных, не вызывали у них особого подозрения и беспрепятственно пропускались в станицу Орджоникидзевскую. Сложнее было мужчинам. Появление любого из них в этих местах, особенно если в паспорте стояла иногородняя прописка, вызывало подозрение на милицеских и армейских блок-постах, заканчиваясь, как правило, задержанием и выяснением личностей задержанных. Но люди все равно ехали в Слепцовку, и никакая война, никакие кордоны не могли остановить их любовь к духовному отцу и наставнику.

Каждой такой встрече Батюшка был рад несказанно. Наверное, в глубине души он все же не терял надежды на то, что жизнь скоро войдет в нормальное, прежнее русло, и что люди вернуться к родным очагам.

«Уже некоторые люди возвращаются, особенно к детям едут, - радостно сообщает в одном из писем. – Жаль, что Вы поторопились, теперь у нас в Назрани свое гостелевидение. Приезжали на Страстной Четверг, брали интервью, т.е. поздравление мое к людям. Говорил я за Вас директору, но забыл фамилию Вашу...»

«Да, скорбна и Ваша обстановка, - пишет Батюшка своему духовному чаду в Украину, раздираемую церковными расколами, - от одного горя ушли, другое встретили. Духовные скорби и разложение тоже ужасны. Вразуми и сохрани Вас, Господи... Приезжайте к нам, когда Господь управит, обратный путь оплатим. Говорят, что некоторые русские возвращаются, власти по-доброму относятся...»

«Собираетесь ли возвращаться? – обращается отец Петр через интервью с корреспондентом одной из российских газет. – Я понимаю, мне легко говорить, никого родных не осталось, доживаю. Но вы, кто и на чужбине не прижился, - долго скитаться будете? Три раза переехать – что раз сгореть. Вот недавно к нам старушка вернулась – нашли ей жилье. Может, и вам с Божьей помощью и с заботой руководства и жилье, и работа найдутся. Скорбно, с большой болью вспоминаем о вас...»

Трасса Баку - Ростов проходит в непосредственной близости от станции Орджоникидзевской. С началом войны эта транспортная артерия стала единственной «дорогой жизни» для всех, кто стремился в Слепцовку. Чтобы попасть в станицу, стоит лишь свернуть с шоссе и проехать несколько сот метров асфальтовой дороги. А почти параллельно с федеральной автомагистралью из Орджоникидзевской в сторону соседнего городка-курорта Серноводск - когда-то известной на весь бывший Советский Союз целебными грязями и минеральной водой здравницей - протянулась прямая, как

струна, 12-километровая дорога местного сообщения. Даже днем она выглядит пустынной: редкая машина обгонит тебя или пронесется навстречу. По этой безлюдной дороге похитители отца Петра будут уходить от погони, бросив у въезда в Серноводск одну из своих машин со свежими следами человеческой крови...

Близость федеральной трассы в жизни станичников органично сплелась с близостью самой войны. Лязг гусениц тяжелой бронетехники и гул крытых брезентом военных колонн отдавался дребезжанием оконных стекол в домах. Днем и ночью нескончаемым потоком в сторону Грозного двигались маршевые подразделения российских войск. А в обратную сторону армейские тягачи круглосуточно везли ту же бронетехнику, только теперь в виде бесформенной груды металла: искореженную, изуродованную от мин и снарядов, от выстрелов гранатометов, от бутылок с зажигательной смесью. Этой же трассой шел и страшный «груз 200»: цинковые ящики с останками ребят, сложивших свои головы в той страшной бойне. На въезде в Грозный российских

На руинах чеченской войны

солдат встречал зловещий плакат: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!»

Не только земля, но и небо над Слепцовкой не знало покоя - от рева проносившихся в сторону Чечни штурмовиков, бомбардировщиков, вертолетов. Все ближе и ближе слышались нарастающие раскаты артиллерийских ударов и разрывы авиабомб: совсем рядом - всего в нескольких километрах от станицы - шли яростные бои за чеченское селение Бамут. Сохранившиеся шахты стоявшей здесь в прежние времена ракетной части стратегического назначения боевики теперь превратили в неприступный бастион. Приезжавшие в станицу гости не переставали вздрагивать всякий раз, когда слышали очередной залп установок «Град».

«Этот «гром» у нас теперь и летом, и зимой», - спешил успокоить гостей отец Петр.

Сразу за станицей, на северном пустыре, выросли первые городки беженцев: в холодных дощатых вагончиках, домиках и брезентовых армейских палатках тут ютились тысячи людей разных национальностей, оставшихся без крова над головой. Отныне единственным их пропитанием была гуманитарная помощь в виде просроченных импортных «деликатесов» да куска хлеба, которым делились с несчастными людьми местные жители. Обозленные беженцы-чеченцы вымещали свою злобу на оставшейся части русскоязычного населения, видя в них главную причину своих бед и страданий.

Доставалось не только живым: разъяренные националисты пришли на местное христианское кладбище и начали устраивать там погромы могил. Таблички с именами усопших и их фотографии превращались в мишени, по которым целились и стреляли из оружия

НОВЫЕ ЗАБОТЫ

вандалы. Памятники и кресты валялись на земле, а на них корявой рукой в адрес еще живых было написано: «То же самое ждет и вас».

Впервые за всю историю станицы возле Покровской церкви, настоятелем которой был отец Петр, появилась вооруженная милицейская охрана: таково было распоряжение Президента Ингушетии Руслана Аушева. Отныне церковь охранял круглосуточный милицейский пост. Он значительно усиливался в дни больших христианских праздников. Но даже эти меры предосторожности не гарантировали личной безопасности настоятеля и прихожан, провокации или диверсии можно было ждать в любой момент. Во время крестного хода на Пасху через соседние дворы прямо в головы верующих летели увесистые камни, слышались выстрелы. Вооруженные милиционеры-ингуши в бронежилетах плотным кольцом оцепляли церковь, чтобы туда не проникли провокаторы, и тщательно проверяли всех подозрительных лиц, среди которых могли оказаться и специально подготовленные диверсанты.

«У нас Пасха прошла относительно нормально, - пишет отец Петр в письме 26 мая 1998 года, - но было происшествие. В Великую Субботу в два часа ночи мы слышали нападение на охранников. После Пасхи у нас дежурят три охранника. Обстановка в Ассиновке напряженная, да и у нас также. Как вы слышали, в Ставрополе будет штаб для наведения порядка на Кавказе. Отзывается торговля рабами. В первый день Пасхи прибыл и лично поздравил в 11 часов дня нас Президент Аушев,

подарив на храм 10 тысяч рублей, которые кстати при-
шлись вручить пострадавшим охранникам».

Так отец Петр не прекращал свою благотворитель-
ность даже в условиях реальной опасности его жизни.

«В Ингушетии по милости Божией сносно, тихо,
- рассказывает Батюшка в другом письме. - В Грозном
- сами знаете по телевидению. Ассиновская так и стра-
дает неопределенная между Ингушетией и Чечней... В
Ассиновке больших боев не было, неделю назад прое-
хал я треть села, разрушений не видел, поехал туда отец
Петр Троицкий (который впоследствии тоже станет
жертвой похищения террористами почти одновремен-
но с протоиереем Петром Сухоносовым - прим. авт.).
Да, в Грозный пока нет дороги от нас».

Из письма в Ставрополь протоиереев Дими-
трию:

«Обстановка у нас пока тихая, но пресса пугает,
как Вы слышите. В Ассиновке войска стоят. Залпы до
нас слышатся. Что дальше? Один Господь знает. Отец
Петр Троицкий служит там...»

Батюшка глубоко уважал настоятеля храма в
станции Троицкой отца Петра Макарова, называя его
«Троицким» - наверное, так же по-простому, как себя
- «Петром Слепцовским». Он искренно восхищается
его верой, скромностью, смирением, незлобием и му-
жеством, ибо служение православного священника в
тех краях всегда требовало немалого мужества, а в пе-
риод начавшейся новой кавказской войны - мужества
особого.

«Как мы живем? - пишет отец Петр Сухоносов
своему бывшему однокурснику Михаилу Васильевичу
Толмачеву - О мне что говорить, ведь я здесь старожил.
А вот интересно, как у нас здесь рядом 3-5 км в стани-
це Троицкой живет священник чуть постарше нас. Со-
вершенно одинокий. Открыли там службу в 1990 году,
отдали школу под храм, теперь домик рядом, он там жи-

Федеральные войска в центре Грозного

вет, 4 комнатки одному. Русских, как написали в газете, осталось всего 1120 душ, ну а сколько богомольцев - понятно. Еще он ездит в другую станицу, там тоже не больше. Певчие, псаломщица покинули его - и все. Я не представляю, как это можно! А он служит себе спокойно, как будто лучшего он и не знает. А перед ним два молодых не выдержали. И такое удивление! Как знал Владыка Гедеон, кого сюда надо! А имя этого святого священника - так скажу - иерей Петр. Фамилию не знаю, а сам он приехал из Ставрополя, Петровского района, село Сухой Буйволы. Вот есть какие...»

С уважением и теплотой пишет Батюшка о своем собрате из станицы Троицкой - отце Петре Макарове - и в других письмах:

«Отец Петр в Троицкой, мы теперь спокойны за священнослужителей. Ассиновские заботятся о приобретении иконостаса»; «Теперь Ингушетия в моем попе-

чении, а не о. П.Нецветаева. В Ассиновской больной... Не знаю, что и будет. В Троицкой о. Петр - прекрасный молитвенник, наверное, будем посылать его в Ассиновскую...»

Отец Петр тяжело переживал трагедию, пришедшую в край. Прожив тут много лет в большом многонациональном доме, он оплакивал страдания всех, кого война сразу сделала обездоленными, разоренными, голодными и холодными, осиротевшими. Он силился понять причины, ожесточившие сердца людей, еще вчера, казалось бы, живших в мире и согласии, находивших общий язык, вместе растивших детей, питавшихся одним хлебом, дышавших одним воздухом.

Станица Орджоникидзевская превратилась в транзитный пункт на пути следования не только российских войск, но и многочисленных миротворческих миссий, международных наблюдателей, представителей пацифистских организаций, журналистов, народных депутатов, а также посредников, занимавшихся обменом военнопленных. Не было дня, чтобы в Слепцовке не останавливались родители, приезжавшие сюда в поисках своих пропавших без вести детей.

1994-1996 годы по своей трагичности превзошли десять лет бесславной кремлевской авантюры в Афганистане. Бодрые обещания тогдашнего Министра обороны генерала Грачева развязать чеченский узел «силами двух парашютно-десантных полков» никак не вязались с большими потерями российских войск.

«Грачевская акция почти на всем своем хронологическом протяжении (за редкими исключениями, да и то лишь в отдельных частях!) аллегорически напоминала отмщение щелбаном (!) в ответ на серьезное увечье, - замечает историк А.Абакумов, анализируя причины трагических ошибок во время военной операции в Чечне. - По настоящему боевой дух пробудился у основной части действовавшего в «Ичкерии» полукорпуса толь-

ко в августовско-сентябрьских грозненских боях 1996 г. Лишь лебедевская (совершенно нецелесообразная) тогдашняя капитуляция сорвала реально наметившийся сценарий добывания дудаевско-масхадовского воинства» [99].

Осенью 1994 года - начало боевых полномасштабных действий - официальные власти организовали на федеральной трассе вблизи поворота на станцию Орджоникидзевскую митинг-встречу передовым армейским подразделениям. Мероприятию постарались придать характерную для того времени помпезность и браваду. Пригласили и протоиерея Петра Сухоносова, чтобы он сказал воинам напутственное слово и благословил их.

«Я шел туда и не знал, что говорить и на что благословлять, - вспоминал потом Батюшка. - Передо мной стояли совсем молодые солдаты и их командиры, и мне казалось, что никто из них не осознавал сути происходящего. Мне предоставили слово, но я лишь мог пожелать, чтобы Господь их всех сохранил от смерти. Помолвившись так, я осенил их крестом...»

В постоянных трудах и молитвах отец Петр мало интересовался политикой: на это у него просто не хватало времени. Тем более он не вникал в политические спекуляции и трескотню, которыми в те годы была окружена военная операция в Чечне. Но как опытный духовный пастырь и искренний патриот России, отец Петр чувствовал, что Родина тяжело больна. Не будучи политиком, он лучше иного профессионального политика видел глубинные причины того, что творилось вокруг. Батюшка ясно осознавал, что Чечня - это лишь очередная проба испытать Матушку-Русь и ее православный народ на

*Покровская церковь в
Слепцовке после ре-
конструкции.
1997 год*

прочность, ослабить, обескровить и окончательно вытеснить ее с Кавказа. Как мы - выдержим, выстоим? Или еще ниже согнемся под ярмом иуд и негодяев, отдавших нашу святую землю на разграбление и поругание, работая упавшим им в ноги? Он видел, как пожар новой кавказской войны, начавшись с небольших локальных конфликтов в Закавказье, уже перекинулся через Кавказский Хребет и с каждым днем угрожал охватить огромный российский регион.

Понимал он и другое: помочь России он лично может только молитвой. Не деньгами, не добровольцами, не оружием, а именно молитвой перед ликом Спасителя и Пресвятой Богородицы, перед мучениками и всеми святыми, чтобы они отвели беду и спасли край от «нашествия иноплеменников», дальнейшего разрастания междоусобной брани и кровопролития.

Поздним вечером весной 1996 года мы сидели с отцом Петром в его келлии и разговаривали. Ставни окон были плотно закрыты, внутри горела лишь одна маленькая лампочка. Было слышно, как в направлении соседнего Бамута «работала» тяжелая артиллерия и

авиация. Все живое в тех местах, казалось, было давно уничтожено: не только люди, но и вся живая природа. А боевики оставались живы и яростно сопротивлялись, зарывшись глубоко под землей в ракетные шахты.

Перед Батюшкой лежал листок бумаги. Это было стихотворение. Отец Петр взял листок и прочитал несколько строчек:

Великий Боже, помяни
В любви Твоей неизреченной
Солдат, невинно убиенных
В огне несправедливой войны.
Коль уберечь мы не смогли
Своих сынов от страшной смерти,
Ты Сам, Владыко, им отверзи
Селенья райские Твои.
Ты Сам, Владыко, упокой
Тех пацанов еще безусых,
Укрой их - юных, светлорусых -
Своей отеческой рукой.
Им память вечную сверши -
Живьем сгоревшим в «бэтээрх»,
Сраженным пулей у прицелов,
Огнем упавшим с высоты,
Замерзшим в поле и горах,
В мученьях кровью истекавшим,
От адских мук и ран стонавшим
В прифронтовых госпиталях;

“ЭТО БЫЛО ЧУДО БОЖИЕ”

В солдатских цинковых гробах
Прибывшим в вечные селенья,
Земле принесшим в погребенье
Свой скорбный неоплатный прах...

Это было страшное стихотворение... Горький молитвенный плач о тысячах русских сынов, сложивших свои юные головы в кавказской бойне.

Батюшка тяжело вздохнул и задумался. «А почему тут написано: «В огне *неправедной* войны?»» - после долгой паузы спросил он. Задумался и снова спросил: «Почему эта война *неправедная*?»

Я молчал, вспоминая и осмысливая прожитые в Чечне годы. Батюшка продолжил: «Мне кажется, эта война не *неправедная*, а *неправильная*. Что «праведного» в том, что над нами теперь издеваются ваххабиты? А разве «праведно» пустить по миру столько беженцев? Нет, мне все-таки кажется, что эта война прежде всего *неправильная*. Столько жертв, столько разрушений!.. Уничтожен целый город! А война сама по себе *праведная*: если эту беду сейчас не остановить, то скоро честному человеку нигде не будет места от бандитов и преступников».

С началом боевых действий у протоиерея Петра Сухоносова прибавились новые хлопоты. С весны 1994 года он назначается благочинным православных церк-

вей Ингушетии, поскольку Чечня с ее столицей городом Грозным полностью выходит из-под контроля центральных властей и становится настоящим бандитским логовом. Туда никто не решается ехать. В Слепцовку зачастили военные: они обращались с просьбой приехать в расположение дислоцированных на границе с Чечней подразделений и блок-постов окрестить молодых некрещеных солдат, прибывавших сюда со всей огромной России, совершить молебен о спасении. Прямо к церкви подъезжали военные машины, и Батюшка, собрав все необходимое для богослужения, уезжал часто на целый день. Люди, конечно, сильно волновались, плакали и молили Господа, чтобы Он уберет дорогого им пастыря от всех бед и напастей. Обычно вместе с собой отец Петр брал кого-нибудь из своих церковных помощников. Кроме того, он никогда не ехал в гости к воинам с пустыми руками, а обязательно вез им гостинцы и вообще все, что приносили люди в храм на панихидный стол. Солдаты всему были рады.

Монахиня Анастасия поведала об одной из таких поездок. Она вспоминает, как однажды летом 1995 года, когда недолго гостила в Слепцовой, отец Петр вдруг говорит, что завтра надо будет ехать на далекую пограничную заставу крестить солдат. В это время у него было много разных дел, и отлучиться из храма просто не имел возможности. Все, что можно перенести на другой срок, он переносил. Казалось, можно было отложить и эту поездку.

«Нет, - категорично возразил отец Петр, - завтра мы обязательно едем к пограничникам».

Рано утром в храм приехал офицер.

«Ехать было очень страшно, - вспоминала о той поездке матушка Анастасия. - Казалось, что из-за каждого дерева, куста по нам вот-вот откроют огонь притаившиеся там боевики. Такое тут часто бывало. А в горах, где стояли пограничники, бандитов скрывалось

еще больше. Пограничников для того и поставили, чтобы они никого не пропускали».

Наконец подъехали к высокой изгороди и увидели часовых. Немного поодаль стояли вышки с вооруженными солдатами. Всех собрали на площадке перед палатками, и Батюшка обратился к пограничникам с пастырским словом. Он напомнил им про христианский долг перед Богом и людьми, рассказал о бессмертии

ПЛЕННИКИ

христианской души, необходимости верующего быть готовым в любую минуту предстать пред Господом. Говорил он и о традициях православного воинства, приводил много примеров стояния за веру из жизни святых мучеников. Желających принять святое крещение оказалось очень много.

«Нас, - говорила потом матушка, - это сильно удивило: столько русских ребят некрещеных!»

Крестить решили прямо на берегу горной речки Ассы, в ущелье. Командир распорядился выставить дополнительные посты и усилить наблюдение, чтобы всем нам не оказаться под обстрелом чеченских снайперов, а солдаты тем временем установили на берегу небольшой деревянный настил, чтобы там смог стоять и молиться священник. Началась служба. Молодые ребята заходили прямо в бурлящую речку, и Батюшка их крестил там. Совершив таинство святого крещения, он затем отслужил перед солдатским строем молебен о спасении с чтением акафиста святому мученику Иоанну Воину. А после, когда все закончилось, пограничный отряд был приглашен за стол.

«Как ребята обрадовались нашим гостинцам - надо было видеть! - далее рассказала очевидица - Ведь жили они там впроголодь, простой хлеб привозили раз в трое суток, да и того едва хватало. Кругом глухие, дикие горы, сюда не наездишься. Даже часовые не выдержали и прибежали, чтобы взять хоть кусок хлеба. Лишь после обеда отец Петр возвратился домой в станицу».

«Приехал он очень печальным, - еще вспоминала монахиня Анастасия, - и почти всю дорогу молчал, был задумчив. По правде сказать, нам всем после этой поездки тоже было не до разговоров, ведь мы увидели близко живое лицо войны. А буквально через несколько дней нам стало известно, что вся эта пограничная застава погибла во время нападения чеченских боевиков [100]. Видимо, Батюшка все знал, потому и спешил к ним».

Так отец Петр исполнил свой пастырский долг и подготовил православных воинов, «за веру и Отечество живот свой положивших», к встрече с вечностью.

На Пасху настоятель посещал армейский блокпост, расположенный на повороте с трассы в Слепцовку, поздравлял воинов с великим христианским праздником и оставлял им в подарок целую корзину всевозможных гостинцев. Среди чеченцев такие визиты вызывали недовольство: дескать, русский священник одобряет войну. Все чаще и чаще стали появляться слухи о готовящейся расправе над протоиереем Петром Сухоносным. Но настоятель по-прежнему открыто выходил в станицу, общался с людьми разных национальностей и вероисповеданий.

Случалось так, что его просили прийти причастить тяжело больного. Отец Петр выходил из храма со Святыми Дарами, когда на дворе была еще непроглядная темень. Станица казалась абсолютно вымершей: даже милиция не всегда выезжала в такое время на патрулирование, опасаясь вооруженного нападения

бандитов. А Батюшка не спеша шел темными улицами и проулками станицы, беря с собой кого-нибудь из близких. Он шел и молился, и эта молитва хранила его от всех бед и несчастий, подстерегавших теперь любого в этом обозленном крае.

В 1998 году заслуги протоиерея Петра Сухоносова перед Православной Церковью будут отмечены одной из высших ее наград - Орденом святого князя Владимира III степени. Но свою главную награду - небесный Венец Мученика Христова – мужественный пастырь получит на следующий год...

Война вскоре закончится. Она закончится так же бесславно, как и началась. Болезнь, поразившая Кавказ, была не вылечена, а скорее загнана вовнутрь. Трезво мыслящие люди прекрасно понимали, что мятежная Чечня еще даст о себе знать: новыми диверсиями и террористическими актами, новыми жертвами и горем. С завершением боевых действий чеченские экстремисты еще более уверовали в свою безнаказанность и принялись готовить новую войну. Похищение людей стало чрезвычайно выгодным «бизнесом» для сотен молодых и физически крепких людей, не умевших ничего иного, как мучить, издеваться, насиловать и убивать других людей.

Пресса наполнилась жуткими сообщениями о зверствах похитителей над своими жертвами. А ними теперь становились даже те, кто ехал в Чечню с благородными целями: лечить местное население, помогать восстанавливать разрушенную войной экономику, нести людям свет знаний. Весь мир содрогнулся от увиденного: отрубленные головы иностранных врачей-

“А МОИ КОСТОЧКИ ПТИЦЫ РАЗНЕСУТ...”

миссионеров на обочине запорошенной январским снегом дороги, изможденные лица выкраденных детей, оторванные конечности, ямы с едва присыпанными землей трупами расстрелянных кавказских пленников...

Так Чечня входила в 1999 год - последний год кровавого двадцатого столетия. До 28 марта оставалось совсем немного...

Летом 1997 года, как раз перед праздником Успения Пресвятой Богородицы, было совершено первое дерзкое покушение на жизнь протоиерея Петра Сухоносова. Однако об этом событии Батюшка написал близким со свойственной ему скромностью: «Я думал, что Вы давно знаете о мне, грешном, что было перед Успением. Да, это было чудо Божие, так прямо сказал глава администрации.

По милости Божией пока тихо».

Местные органы уже располагали данными, что на настоятеля русской православной церкви в станице Орджоникидзеградской готовится нападение экстремистов, занимавшихся похищением людей. Но при всей бдительности и предпринятых мерах безопасности со стороны ингушской милиции, «вычислить» бандитов в разношерстой массе местного населения было не так просто. На местном базаре, по улицам станицы, возле магазинов ежедневно толкались десятки молодых кавказцев, ничем не выдающих себя за боевиков. Они курили, оживленно о чем-то разговаривали, садились в свои легковые машины, куда-то ехали и откуда-то вновь приезжали. Одна такая машина остановилась однажды недалеко от Покровской церкви, не вызвав поначалу ни у кого ничего подозрительного: мало ли кто мог приехать к священнику?

«Я с сестричками Дарьей и Светланой находилась в церковной гостинице, - вспоминает живой свидетель того события Татьяна Гапотченко. - Выйдя оттуда, мы пошли проведать моих родителей, которые жили в доме отца Петра. Возле церкви, прямо у ворот, мы встретились с Батюшкой. Он открыл калитку и вышел на улицу, чтобы благословить всех нас. При этом он, как всегда, приветливо улыбнулся. Сестрички побежали к родителям, а я осталась. Узнав, что я собралась проведать родителей, Батюшка тоже захотел пойти к ним в гости».

И когда отец Петр вышел за церковную ограду, неожиданно сзади почти бесшумно подъехала белая легковая машина. Оттуда выскочили два бандита, схватили настоятеля под локти и силой поволокли за собой.

«Я крепко вцепилась в Батюшку, - рассказывает далее Татьяна, - но бандиты меня толкнули так, что я упала на землю. Вскочив на ноги, я снова ухватилась за отца Петра, но те люди меня снова с силой отпихнули. Тогда я обхватила его обеими руками и громко закри-

чала».

Наверное, этот мужественный поступок хрупкой девчушки спас протоиерея Петра Сухоносова от, казалось, неминуемого, похищения. В это мгновение из двора вышел ее отец Иван Иванович Сапрыкин, а из церкви, услышав крик о помощи, выскочил Владимир Кучин, живший вместе с матерью тут же, в церковном дворе. Не испугавшись опасности, они бросились навстречу бандитам и стали вытаскивать отца Петра из машины, куда его уже почти затолкали похитители. Один из них, разъяренный от такой неожиданности, сильно ударил Владимира прикладом автомата по голове. Потом ударил снова и снова - до крови...

Набирая скорость, машина тронулась с места, но прихожане продолжали держать ноги отца Петра, не отпуская их. Один из бандитов старался влезть в машину, но это ему никак не удавалось. На шум и крики из соседних дворов выбежали местные женщины-ингушки и тоже побежали к машине выручать из беды русского священника. Поняв, что план похищения сорвался, бандиты выбросили настоятеля из машины, забрали своего сообщника, а сами попытались скрыться из Орджоникидзевской. Поднятая по тревоге местная милиция организовала преследование. Завязалась перестрелка, по милиционерам был открыт автоматный огонь. Как потом рассказывали свидетели, вся мили-

“ЖДИТЕ ПОНЕДЕЛЬНИК”

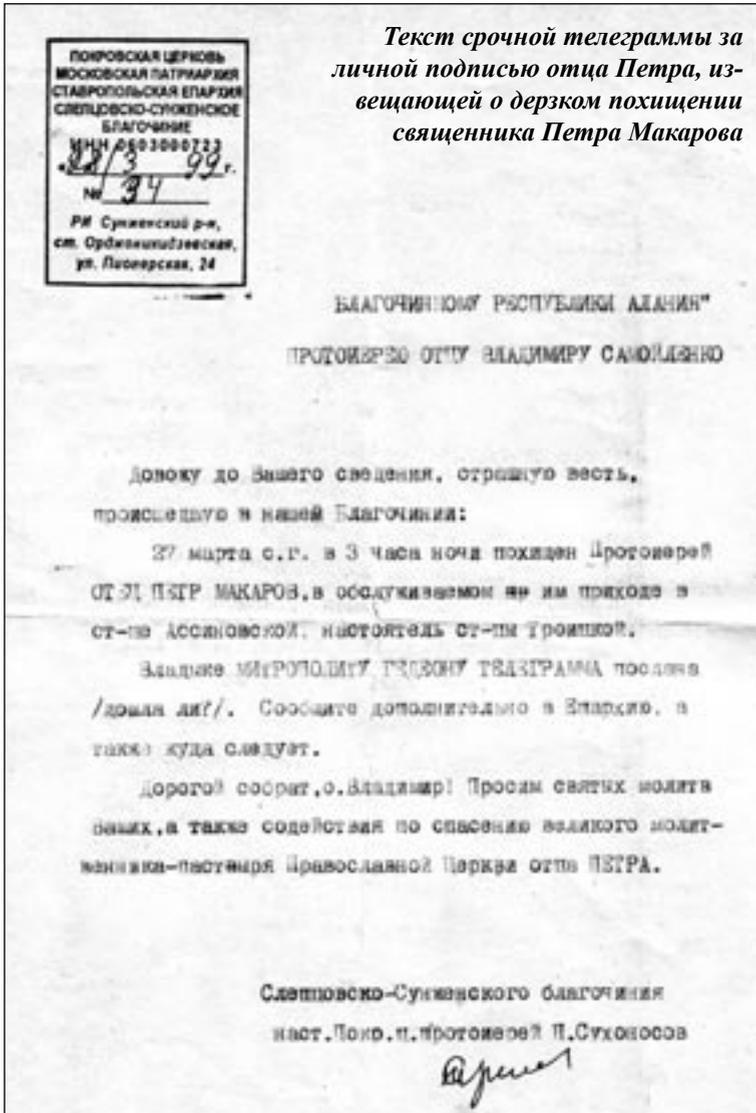
цейская машина была изрешечена пулями похитителей, но милиционерам тогда все же удалось обезвредить часть нападавшей банды. Сам же отец Петр Сухоносков, вспоминая об этом случае, в своей простоте говорил: «А я думал, что они меня попросили где-то панихиду отслужить...»

Вскоре покушения на жизнь настоятеля повторились. Так началась «охота» на православных священников. Если же быть точнее, началась она несколькими годами раньше, когда было совершено похищение священнослужителей Михайло-Архангельского храма в Грозном. И снова лишь чудо спасло их от неминуемой смерти.

За день до нападения на протоиерея Петра Сухоноскова - в ночь с 26 на 27 марта 1999 года - чеченскими бандитами будет похищен протоиерей Петр Макаров - настоятель храма в станице Троицкой. Прибывший ему на смену из Пятигорска священник Сергей Потапов также будет выкраден похитителями через два дня после своего прибытия к месту служения. Вот как он описывает события той ночи:

«Брали меня сразу одиннадцать боевиков. Они нейтрализовали охрану, которую мне выделили местные власти, посадили насильно в машину и увезли. Морально я уже был готов к тому, что такое может случиться. Куда везли - сориентироваться было трудно, они часто меняли направление. И в дальнейшем меня

перевозили с места на место. Глаза завязывали, и понятия не имеешь, где ты находишься. Однако переезды случались не очень часто: видимо, по необходимости, для соблюдения конспирации. Бывало и так, что привозили в тот же самый дом, покурив с полчаса по

окрестностям».

Избивать отца Сергия бандиты начали сразу же после захвата. Правда, отца Петра Макарова, которому на тот момент исполнилось 72 года, все же не били, а если и били, то не так жестоко. Объяснить этот факт традиционным на Востоке уважением к старикам никак нельзя, ибо само похищение и зверское обращение с жертвами уважением назвать невозможно, тем более что отец Петр Сухоносков - 70-летний почтенный старец - через день в полной мере испытает на себе «кавказское гостеприимство» своих похитителей. Можно лишь предположить, что нападение на русских священников совершали разные группы боевиков, пленников же содержали поодиночке и не давали возможности им встретиться. Условия содержания в плену протоиерея Петра Сухоноскова были наиболее жестокими и бесчеловечными. Пленникам отцу Петру Макарову и Сергию Потапову по нескольку дней не давали пить и есть. По словам отца Сергия, хозяин мог просто уехать на несколько дней по своим делам, а по действующим в Чечне шариатским законам ни женщина, ни дети не имеют права накормить пленника. Поэтому изможденные священники вынуждены были делить литровую бутылку воды и кукурузную лепешку на несколько дней. Водой приходилось не утолять жажду, а лишь немного увлажнять пересохшее горло. Однако, если хозяин отсутствовал долго, организм почти обезвоживался. И тогда даже привыкшему к строгим постам священнику приходилось чрезвычайно тяжело. К чисто телесным страданиям добавлялись и моральные истязания, например, многодневное пребывание в абсолютной темноте.

«Мы с отцом Петром сбились в ощущении во времени, - вспоминает отец Сергей. - Я, например, ночью не могу спать, а днем, наоборот, клонит в сон. Кроме того, неприятное ощущение создавало частое находде-

Постовое убранство храма, откуда отец Петр ушел в Вечность

ние под стволами. Допустим, тебя везут куда-то в машине, у чеченцев передрнутые затворы, патрон дослан в ствол, палец на спусковом крючке, ствол упирается в бок. А вдруг машина дернется?..»

Преодолевать уныние, страх и отчаяние, по словам батюшек, помогала молитва. Даже в плену они не переставали молиться.

«Если мы не на службе, - говорит отец Петр, - то должны постоянно читать Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». И тогда к человеку не идут мысли отчаянья. Я все думал, что, если будут мучить, нужно стараться не потерять связь с Богом, просить Его дать силы переносить страдания. Ведь сказано, что не нужно бояться, когда убивают тело. Главное - не допустить, чтобы убили душу».

Когда отца Сергия после его освобождения из чеченского плена спросили, как он оценивает случившееся – чистую случайность или Промысел Божий, батюшка ответил: «Господь каждого из нас к чему-то готовит. Ведь все, что ни делается, совершается по попущению Божьему. Думаю, что Господь испытывал мою веру,

тверд я в вере или нет, достойно буду нести звание православного священника или смалодушничая».

Оба священника - отец Петр Макаров и отец Сергей Потапов - пробыли в чеченском плену два месяца и были освобождены в результате совместной контртеррористической операции российских спецслужб. 31 мая 1999 года, в Духов День, оба они впервые в своей жизни участвовали в Патриаршем богослужении в Успенском соборе Кремля, где их тепло приветствовал Святейший Патриарх Алексий. Первосвятитель Русской Православной Церкви назвал подвигом перенесенные священниками страдания.

Похищение и последующие за ним зверства, совершенные бандитами над протоиереем Петром Сухоносовым, стали больше, чем испытанием его веры, которая была испытана многократно всей его предыдущей подвижнической жизнью. Промыслом Божиим отец Петр принял на себя жесточайшие страдания и мученическую смерть как жертву за спасение кавказского края, охваченного братоубийственной войной. Высокопреосвященный Гедеон, Митрополит Ставропольский и Владикавказский так скажет об этом великом подвиге: «Несомненно, отец Петр - это жертва за всех нас, живущих на Кавказе, за тех, кто знал и любил его...»

За три дня до пленения кто-то из близких сфотографировал отца Петра на память. Вглядимся в эту последнюю его прижизненную любительскую фотографию, в запечатленные на ней глаза, исполненные великой скорби и ожидания грядущих страданий...

Знал ли Батюшка о готовящейся над ним расправе и ожидавшей его мученической смерти? Чувствовал ли

он надвигающуюся беду?

Если судить по воспоминаниям людей, бывших рядом с настоятелем в последнее время, если вспомнить отдельные слова, как бы невзначай оброненные самим Батюшкой, то становится понятно: *он все знал и все чувствовал.*

Весной 1996 года отец Петр пригласил к себе инспектора по делам несовершеннолетних местного отдела милиции, чтобы решить судьбу своей юной воспитанницы девочки Ангелины. Разговор шел о ее дальнейшем обучении. Вдруг Батюшка задумчиво сказал:

«Нужно поторопиться с решением этого вопроса. Мне осталось совсем немного».

И, взглянув на удивленные лица своих собеседников, сразу перевел разговор на другую тему.

Рассказывают еще, что за несколько дней до похищения, во время отпевания одной из своих стареньких прихожанок, отец Петр неожиданно печально обронил: «Счастливые люди, что их отпевают. А мои косточки птицы разнесут...»

«Батюшка много времени уделял ремонту и оклеиванию церковных книг. Но незадолго до того, как его выкрали бандиты, я часто слышала от него какую-то загадочную фразу: «Времени мало. Успеть бы доклеить», - вспоминает о последних месяцах жизни отца Петра Татьяна Гапотченко.

Годом раньше в Минеральных Водах на прославлении преподобного Феодосия Иерусалимского с отцом Петром встретила монахиня Анастасия, приехавшая из Киева. После торжеств вместе решили поехать на родину, повидать родных и близких.

«Заехали на могилку Владыки Антония в Ставро-

ВЕНЕЦ

поле, - вспоминает матушка Анастасия, - а потом Батюшка собрался было возвращаться в Слепцовку, но вдруг передумал и сказал, что вместе со мной поедет в Ипатово. Приехали туда. Батюшка пошел на могилу нашей духовной матери Фессалоникии и остался очень доволен, что там был порядок и чистота. Обошел также могилки всех наших родных, отслужил панихиду. Не забыл помолиться и об упокоении известного старца иеросхимонаха Иринея: он тоже похоронен в Ипатово.

После этого мы вместе поехали в село Высоцкое, где сохранился старинный храм, ему больше 400 лет. Оттуда Батюшка решил ехать к себе домой, а я возвращалась назад в Ипатово. Все, кто был, подошли просить благословения на дорогу. Когда я подошла, то вдруг увидела, как по его лицу пробежала какая-то страшная скорбная тень. Батюшка смотрел на меня глазами, полными слез. Я поняла, что он хотел сказать: это была наша последняя встреча. Мне хотелось спросить об этом его самого, но он быстро благословил меня и отвернулся, чтобы я не видела его скорби».

Незадолго до трагедии отец Петр успел написать и отправить письма, поздравительные открытки почти всем своим духовным чадам, никого не забыв напутствовать добрым отеческим словом и лаской.

«Мир Вам и милость от Господа! – обращается он в своем последнем письме к своей духовной сестре монахине Анастасии, благодаря ее за переданный в подарок – две пары добротных кожаных сапог. – Вот види-

те, какая Вы мудрая? Сами умирать собираетесь, а мне сапоги понашили. Да когда же я их сношу? 100 лет мне жить, что ли? Ну, ладно, посмотрим, как они мне подойдут. Некому у нас к Вам ехать, мы сами такие, как Вы. А Вы все зовете нас... Поправляйтесь, еще бегать надо...»

Накануне своего 40-летнего юбилея получил от отца Петра поздравление и протоиерей Тимофей Гриценко – настоятель храма в Рагулях. В этом письме Батюшка напутствовал своего воспитанника последним духовным наставлением: «Не забывай мою паству». В этом же почтовом конверте лежала фотография: отец Петр в строгом постовом облачении перед святой Плащаницей Христа.

За три месяца до бандитского нападения, вспоминает Татьяна Гапотченко, отец Петр несколько раз ронял одну фразу:

«Вы все бросите меня, и я останусь один».

Даже в день 28 марта, спеша в храм на Божественную литургию, он, по словам Татьяны, обратился к одной из своих близких помощниц:

«Вы далеко не уходите, а то когда меня украдут, вы и видеть не будете...»

Все случилось именно так, как и предвидел Батюшка.

Двадцать пятого марта в гости к отцу Петру из Ставрополя приехала Мария М.: она привезла с собой письма, газеты, гостинцы и подарок из Киева - новенькие хромовые сапоги. Сразу две пары! Батюшка примерил, сапоги пришлось в самый раз. Не скрывая удовольствия, все же заметил: «Неужели там думают, что я буду две жизни жить?»

«Переночевав в Слепцовке и немного отдохнув, - рассказывает Мария М., - я наутро стала просить благословения ехать домой. Батюшка не благословил. Не могу объяснить почему, но я никак не соглашалась

остаться до воскресенья 28 марта, как настаивал отец Петр. Он благословил меня ехать в понедельник. При этом добавил: «Поедите, когда все свершится...» Пишу текст телеграммы домой: «Приеду в понедельник». Батюшка поправляет: «Ждите понедельник». Я ему попыталась было возразить, что, дескать, дома испугаются такой телеграммы. Батюшка молчит. Тогда так и пишу: «Ждите понедельник».

Вся пятница 26 марта прошла в заботах. Настоятель писал письма, несколько раз выходя из своей келлии, чтобы уточнить некоторые вопросы. К вечеру ближе приехали новые гости - духовные чада из соседнего Владикавказа, побыли сутки и в субботу уехали. Оставшимся гостям отец Петр поручил свою любимую работу: обклеивать книги.

«27 марта, в субботу, - вспоминает Мария М. далее, - служба шла своим чередом, молящихся было много. И вот отец Петр вышел из алтаря прямо на середину храма и сказал, что трудно поверить в то, что ему только что сообщили, но в ночь на 27-е похищен священник Петр Макаров. Все стали плакать, но Батюшка внешне был спокоен. Он говорил, что все, кто принимает страдания за православную веру, сразу попадают под защиту - Покров Пресвятой Богородицы».

Говорил он в тот день о смирении и о том, что христианское мученичество - это удел избранников Божьих. При этом Батюшка сказал, что отец Петр Макаров останется жив, что похитители будут вынуждены вернуть его. Все, кто был в храме, плакали... После литургии он ушел к себе в кел-

лию, и до вечера его почти никто не видел.

Наступал воскресный день 28 марта.

«В воскресенье была такая служба! Не смею описать, потому что достойно не могу, - продолжает свой рассказ очевидица трагедии. - Когда закончилась литургия и Батюшка отслужил панихиду, прихожане подходили к нему с вопросами и за советом. Лишь в обед, примерно в 13 часов 15 минут, он освободился, и мы с духовным чадом отца Петра пошли писать письмо его духовной сестре, которое вместе с посылочкой надо было передать в Киев. Автобус с прихожанами и охранником уехал, и мы зашли в пономарку. Там к Батюшке снова подходили люди, он их благословлял. Но вот все разошлись. Нас осталось только трое: отец Петр, раба Божья Н. и я, грешная. Мы писали письмо, а Батюшка зашел в алтарь, но выходил и подсказывал, что надо еще написать, и снова возвращался в алтарь. Дверь из пономарки во двор была открыта, мы продолжаем писать, и тут отец Петр выходит из алтаря и спрашивает, почему у нас дверь открыта. А мы в ответ: «Нам, Батюшка, с Вами ничего не страшно». Но все же закрыли дверь изнутри на щеколду».

Так прошло еще 5 или 7 минут. И вдруг М. и Н. услышали на дворе прямо возле храма крики. Они открыли дверь и увидели, как один из охранников лежит в крови, а его избивают незнакомые вооруженные люди. Н. выбежала во двор на помощь охраннику, а М. плотно закрыла дверь и задвинула щеколду.

Далее она вспоминает:

«Поворачиваюсь - отец Петр стоит сзади. В это мгновение я услышала крики Н.: ее тоже стали избивать те незнакомцы. Я стала открывать дверь, чтобы выбежать к ней или же впустить ее саму. Отец Петр

тихо спросил: «Что вы делаете?» Я говорю, что Н. избивают, надо помочь ей и стала уже открывать дверь, но, видимо, увидев это, Н. закричала мне: «Закрой дверь!» Не знаю, каким чудом я успела захлопнуть дверь и закрыть ее снова на щеколду. В нее стали бить, стучать, даже сорвали ручку, но саму дверь выломать не могли. Когда я оглянулась, Батюшки рядом уже не было. Все происходящее казалось мне какой-то страшной нереальностью: крики, выстрелы, стук в дверь... Я приоткрыла вторую дверь, но переступить не посмела, так как там уже был святой алтарь.

Батюшка стоял на Горнем месте, очень бледный, но внешне спокойный. Я обратилась к нему: «Батюшка, что мне делать?» Он после паузы переспросил: «Что вы хотите?» Я повторяю снова: «Что мне делать, куда идти, как быть?» Он ничего не ответил. Думаю, в эти минуты он молился. Я прикрыла дверь, но тут же заглянула туда опять, т.к. трудно было бездействовать. Но Батюшка лишь попросил закрыть дверь. Сделав так, я стала громко читать: «Богородице Дево, радуйся...» Но, не дочитав до конца, замолчала.

В храме на какое-то мгновение воцарилась ка-

Заключение

Известный церковный писатель Евгений Поселянин в одной из своих статей, озаглавленных «Канонизация святых и прославленные русские подвижники», вполне резонно заметил:

«Глубокое невежество относительно церковных дел выказывают люди, полагающие, что Церковь «выдумывает» святых... Лица осведомленные скажут другое. Они скажут, что Церковь всячески тормозит (ссылаясь на эту цитату, Владыка Вениамин предлагает употребить более корректную фразу: «осторожно задерживает» – прим. авт.) дела о канонизации святых, но они происходят... после долгих усилий местных жителей» [102].

Действительно, можно привести много примеров глубоко народного, неофициального, но чрезвычайно трепетного почитания подвижников веры еще задолго до того, как они прославлялись по канонам Церкви. Более того: именно такое почитание – «по духовному чутью и вере народа» [103] – является верным признаком начавшегося прославления праведника.

Особенно это касается страстотерпцев, мучеников. В первые века христианства смерть этих мужественных людей практически совпадала с их канонизацией, имена христиан-страдальцев даже «без расследования их жизни вносились в списки святых уже в силу их подвига – очищения мученической кровью» [104]. Мученики прославлялись всей Церковью, поскольку «с самого начала мученичество, или свидетельство о Воскресении Христовом через смерть ради Него, понима-

лось как самое совершенное выражение христианской святости» [105]. Их подвиги веры были всегда необычайно ослепительными, впечатляющими, и в то же время мощи не всегда оставались явленными, так как тела страдальцев были либо растерзаны, либо сожжены, либо – как это произошло с целым сонмом недавно канонизированных новомучеников и исповедников Черкасских – утоплены в ледяных водах Крайнего Севера, зарыты в местах зверств и массовых расстрелов НКВД [106].

Так, наверное, суждено сбыться и скорбным словам отца Петра Сухоносова, прозорливо предвидевшего, что его «косточки птицы разнесут»...

Согласно учению Отцов Церкви, мученичество являет собой вершину, высшее воплощение всех христианских добродетелей, «скончание всякой правды» (Мф. 3, 15). Это особый дар, особая милость Божия, которая подается за подвиг всей жизни, да и то далеко не всем, а лишь избранныкам Господним. По утверждению святителя Иоанна Златоуста, христианское мученичество есть «достаточное воздаяние, честь большая, награда, превышающая труды, - еще прежде Царства Небесного» [107].

Многоскорбная жизнь протоиерея Петра Сухоносова, прожитая им в благочестии, милосердии, духовно-нравственной чистоте, подражании великому русскому праведнику отцу Иоанну Кронштадтскому, была награждена подвигом мученичества глубоко промыслительно – как раз в то время и в том месте, когда это свидетельство о Христе было особенно необходимо.

Будем молиться и надеяться, что акт официальной канонизации этого мужественного пастыря непременно произойдет в будущем. Люди бережно хранят рядом со святыми образами прижизненные фотографии мученика, обращаются к нему за помощью и заступничеством в своих скорбях и бедах, из уст в уста передают

воспоминания, а также свидетельства того, что открывается некоторым уже после смерти Батюшки.

«Я вдруг увидел во сне нашего отца Петра. Он стоял передо мной в черном подряснике и синей епитрахили, лицо было закрыто легкой дымкой.

«Батюшка! – воскликнул я в умилении. – Вы теперь всех великомучеников видите!»

Почему-то я сказал именно так: «великомучеников». На что отец Петр трепетно ответил: «*И Матерь Божию вижу...*»

Не менее символично другое видение:

«Совершалось соборное богослужение. Когда оно закончилось, то первым из дверей храма вышел отец Петр. Его благословения ожидало несметное число людей, выстроившихся по обе стороны живым коридором - без конца и без края. Батюшка неторопливо шел один, немного склонив голову, очень скорбный, и всех благословлял...»

Конечно, сон есть сон, отношение к нему должно быть очень условным и осторожным. Однако когда через него открываются тайны загробной участи дорогих и близких нам людей, сон становится вещим. Особенно если в нем явно обозначено участие небожителя в судьбе тех, кто призывает его на помощь.

Жизнь отца Петра Суханосова достойна не только восхищения, нашего поклонения ей, но и подражания – в его нестигаемом стоянии за Святую Православную веру, самоотверженном служении Богу и людям, милосердии, кротости и еще многим другим добродетелям, которые позволяют нам говорить о нем, как о человеке воистину святой жизни.

Вместе с тем крестный путь кавказского страсто-терпца раскрывает перед нами сакральную тайну Креста и христианского мученичества как «сопричастности Вечной Пасхе Господа Воскресшего принявших за Него смерть и сделавшихся общниками Его страданий»

[108].

Пока на свете существует христианство, в нем всегда будет место мученичеству за веру. И для того, чтобы засвидетельствовать о Христе своею кровью, не обязательно оказаться в одной из «горячих точек», как это произошло в судьбе отца Петра Сухоносова. Истинный христианин должен всегда быть готов к подвигу, не дрогнуть перед лицом христоненавистников – в любое время и в любом месте.

Нынешние новомученики – молодые монахи Оптиной пустыни отцы Василий, Трофим и Ферапонт – встретили смерть от руки маньяка в Пасхальную ночь в своей тихой обители. По наущению дьявола кришнаит обезглавил настоятеля храма в Сибири иеромонаха Григория, после чего возложил его окровавленную голову на Престол. Прямо в алтаре своего храма в Кабардино-Балкарии был буквально заклан 30-летний иерей Игорь Розин. В Крыму иноверцами убиен архимандрит Петр...

А сколько священников, монахов, благочестивых мирян ныне безропотно несут крест «бескровного» мученичества, терпя поношения, притеснения, угрозы и гонения за своего Христа!

Можно согласиться с утверждением, что «мученики наших дней в известном смысле... «опережают время» и предвосхищают известную лишь Богу страду великого подвига мученичества верных рабов и «свидетелей Иисусовых» от антихриста» [109].

«Россию куют беды и напасти, – утверждал отец Иоанн Кронштадтский, размышляя о судьбах Росси в Промысле Божиим. – Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту... Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Вот цель бед и скорбей, посылаемых

нам Богом в этой жизни» [110].

«Мы не знаем, что ожидает нас завтра, - звучит обращенный уже к нам голос отца Петра Сухоноскова.

- Может быть, еще большие беды и скорби. А мы начи-

наем винить кого-то и Святых и Новых: дескать, кто-то

там виноват. На самом деле мы сами виноваты. Это все

попущение Божие — попущение, которое бывает нам,

сынам российским, за наши грехи, за наши беззакония,

за наше удаление от Бога... Да, это попущение Божие,

но этим самым единственными средствами Господь при-

водит нас к смирению...! Надо не прелестью стоять на

правильном пути, не падать духом. Каяться нужно...»

3. Там же, с. 45

4. Там же, с. 31

5. Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн

Кронштадтский, с.41

6. Там же, с. 36-37

7. Там же, с. 20

8. Там же, с. 20

9. Там же, с. 20

10. Там же, с. 20

11. Там же, с. 20

12. Там же, с. 20

13. Там же, с. 20

14. Там же, с. 20

15. Там же, с. 20

16. Там же, с. 20

17. Там же, с. 20

18. Там же, с. 20

19. Там же, с. 20

20. Там же, с. 20

21. Там же, с. 20

22. Там же, с. 20

23. Там же, с. 20

24. Там же, с. 20

25. Там же, с. 20

26. Там же, с. 20

27. Там же, с. 20

28. Там же, с. 20

29. Там же, с. 20

30. Там же, с. 20

31. Там же, с. 20

32. Там же, с. 20

33. Там же, с. 20

34. Там же, с. 20

16. Там же, с. 48
17. Там же, с. 49
18. Там же, сс. 53-54
19. Там же, с. 114
20. Там же, с. 114
21. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина. «Правило веры», М., 2000, с.259-260
22. Там же, сс. 265-267
23. «Читающий да разумеет...» - «Наш современник», 9, 1999, с.122
24. Старец иеросхимонах Сампсон. М., 1994, с. 26
25. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу.
Дневниковые записи. «Царское дело», СПб., 1998, с.151
26. Там же, сс. 138-139
27. Там же, сс. 568-569
28. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина, с. 298
29. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу,
с.135-136
30. Там же
31. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с.59
32. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу,
сс. 250-251
33. Крестный путь отца Петра Сухоносова, сс. 66-68
34. Там же, сс. 68-70
35. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ раб., с. 347
36. Фонд 1, отдел 1, дело 2063, листы 16-18
37. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина, с.520
38. Там же, с. 518
39. Там же, с. 522
40. Там же, с.520

41. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу, сс. 467-468
42. Александр Горшков. Кавказская Голгофа. Жизнь протоиерея Петра Сухоносова и его мученическая кончина от рук чеченских террористов. М, 2002
43. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Издание Свято-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1991, с. 109
44. Там же, с. 252
45. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., сс. 398-399
46. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина, с. 443
47. Там же, с. 433
48. Там же, с. 435
49. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с. 391
50. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина, с. 449
51. На сайте: <http://www.leushino.ru>
52. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с. 239
53. Лк. 10, 17
54. Там же, 20
55. Там же, 21-23
56. Мф. 7, 22-23
57. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с. 641
58. Там же, с. 391
59. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина, сс. 569-570
60. Цит. по: Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с. 249
61. Там же

62. Там же, с. 246
63. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнениях, с. 19
64. «Где та грань, за которой заканчивается понятие «праведность», и начинается понятие «святость»? Вопросы священнику. - См. сайт: www.ПРАВОСЛАВИЕ.RU
65. «Третий путь. Возможно ли?» - См. сайт Псково-Печерского монастыря
66. Крестный путь отца Петра Сухоносова, с. 4
67. Там же, с. 84
68. Там же, сс. 81-82
69. Там же, сс. 104-105
70. Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский, сс. 240-241
71. Там же, с. 241
72. Там же
73. Крестный путь отца Петра Сухоносова, с. 4
74. Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. раб., с. 250
75. Джабраил Гакаев. Чеченский сценарий – авторы и исполнители. - «Российская газета», 25.12.2002
76. Там же
77. Природа и эволюция современного чеченского конфликта. –
На сайте: www.sunzha.narod.ru
78. Джабраил Гакаев, указ. ст.
79. Там же
80. Федор Бармин. Изгои на родной земле. Геноцид русских в Чечне. – «Спецназ России», № 2 (65) февраль 2002
81. Там же
82. Джабраил Гакаев, указ. ст.
83. Природа и эволюция современного чеченского конфликта.
84. Там же

85. Опубликовано на сайте Страна.Ru 11.07.01. -
Оригинал: <http://www.strana.ru/state/securitu>
86. Там же
87. Там же
88. Владимир Янченков. Генпрокуратура России обвиняет Аслана Масхадова в геноциде русскоязычного населения. - «Труд» 18.01.2000
89. Недавно в Интернете открыт сайт бывшего жителя Сунженского района: www.sunzha.narod.ru, где можно ознакомиться с многочисленными свидетельствами живых очевидцев дудаевского режима в Чечне
90. Там же
91. Рогозин заявляет о геноциде.
– На сайте: <http://www.infocentre.ru>
92. Федор Бармин. Изгои на родной земле. Геноцид русских в Чечне.
93. Александр Абакумов. - На сайте: www.sunzha.narod.ru
94. Природа и эволюция современного чеченского конфликта.
95. Федор Бармин. Изгои на родной земле. Геноцид русских в Чечне.
96. Там же
97. «Геноцид! И не только косвенный!» Информационно-аналитический проект историка и этнолога Александра Абакумова. –
На сайте: www.sunzha.narod.ru
98. Там же
99. Вайнахи во 2-й мировой и «грачевской» войнах. -
На сайте: www.sunzha.narod.ru
100. Подобные драматические события с российскими военнослужащими в Чечне не были единичными. Например, неподалеку от станицы Ассинская бандиты напали на пограничный пост и похитили троих военнослужащих - лейтенантов Алексея Губанкова и Алексан-

дра Куриленко и рядового контрактной службы Сергея Ермашова. В связи с происшедшим руководство Кавказского особого погранокруга выдвинуло ультиматум старейшинам станицы Ассиновская.

И только через три дня, когда срок ультиматума уже истекал, тела убитых россиян были подброшены пограничникам. – На сайте: Национальная информационная служба Страна.Ru, 2000

101. Житие новомученика отца Анатолия Чистоусова.

-

На сайте: www.sunzha.narod.ru

102. Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский, с. 689

103. Там же

104. Архимандрит Иерофей (Влахос). Одна ночь в пустыне Святой Горы. Перевод с греческого. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993, с. 34

105. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000, с.77

106. Святі новомученики і сповідники Черкаські. Життя, подвиги, страждання. Видання Черкаської єпархії УПЦ. Черкаси, 2000

107. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений,

т. II, кн. 2. М., Православная книга, 1994, с.756

108. Благословенно воинство. Мученичество в жизни Церкви. – См.: Жизнеописание оптинских новомучеников иеромонаха Василия, инока Ферапонта, инока Трофима. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2003, с. 322

109. Там же, с. 318

110. Дневник Иоанна Кронштадтского. – Цит. по: Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский, с. 663

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	3
Родные и Родина	8
Озарение	16
Первые воспитатели	
20	
Годы учебы	40
Выбор	52
Пастырство: первые шаги	61
«Живи жизнью святых...»	
74	
Милосердие	116
«Не бойся борьбы и не бегай ее»	138
«Святость наша есть долг наш»	156
КАВКАЗСКАЯ ГОЛГОФА	183
Заклучение	236
Литература и первоисточники	240

Александр Касьянович Горшков

Протоиерей Петр Сухонос: кавказский страстотерпец
и праведник нашего времени

Книга подготовлена к печати на компьютерной базе газеты
Черкасской епархии Украинской Православной Церкви
«Голос Православия»

© Идея оригинал-макета и компьютерный дизайн
Александр Горшков

Научный консультант и рецензент
кандидат богословских наук, протоиерей Петр Дмитрук

Литературный редактор Ирина Тарасенко

В книге использованы фотографии из личных архивов
автора, монахини Анастасии (в схиме Михаила),
Игоря Кожевникова (г. Ставрополь),
Владимира Затынайко (г. Киев),
книги “Крестный путь отца Петра Сухоносова”, М., 2002
и Интернет.

На первой странице обложки – Свято-Михайло-Архангель-
ский храм в станице Рагули Ставропольского края.

© Фото Игоря Кожевникова.

Автор будет признателен всем, кто пришлет свои отзывы
и пожелания о прочитанной книге:

antisecta@mail.ru, slepcovsky@smela.com.ua

или на гостевую страничку сайта:

www.sunzha.narod.ru

